

18+

Angel Soul

ОДНО *А*

Angel Soul

Одно но

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63387681

SelfPub; 2022

ISBN 978-5-532-99613-7

Аннотация

Нам всегда хочется заглянуть за занавес и подглядеть что-то очень интимное, запретное, а стоит ли нам это вообще знать? Не каждый сможет дать ответ на этот вопрос. Секреты создания парфюма приведут к мировому бренду.

Занавес раскрывается...

Главная героиня Ада Мозес живет так же, как большая часть женщин, но в какой-то момент ее мощнейшая энергетика дает о себе знать. Неведомая сила приводит ее к умозаключению, что нужно менять не только жизнь, но и себя. Шаг за шагом начинает восстанавливаться после родов и приводить тело в порядок. Увлекаясь некой игрой преобразования, она попадает в одно очень интересное место, пропитанное сексом, страстью и роскошью неведомого богатства. Знакомится с тем, кто предлагает изменить свою жизнь по контракту за девяносто дней, по истечению которого она раскроет в себе потайной талант и станет легендой не только парфюмерного мира, но и сексуального.

Содержание

Дневник	101
День первый	101
День второй	111
День третий	117
День четвертый	129
День пятый	130
День шестой	151
День седьмой	155
День восьмой	167
Конец ознакомительного фрагмента.	198

Angel Soul

Одно но

Прошу тебя... закрой глаза...

Представь... что за окошком ночь...

Льет ливень... молния... ..гроза...

Все мысли... улетели прочь...

Представь... что мы сидим вдвоем...

Вдвоем... ..И нету никого...

Горит свеча...

Мы говорим... ..и пьем вино...

Представь... я подошла к тебе...

Слегка... дотронулась рукой...

А ты... прижал меня к себе...

И прошептал... «Побудь со мной...»

Представь... я обняла тебя... ..и села на твои колени...

Своею ласкою... ..пленяя...

Чуть-чуть оттягиваю... ..время...

Представь... ..что я тебе шепчу...

Касаясь губ твоих... ..слегка...

О том... ..что я тебя хочу...

Хочу с тобой... ..на облака...

.....

Ну а теперь... ..глаза открой...

Мечта пропала... ..нет меня...

.....

Благодаря тебе...

Татьяна Многоликая

Если бы мне сказали, что моя жизнь начнется в двадцать восемь лет, то не переживала бы за будущее и свою внешность. Когда смотрелась в зеркало, то видела девочку с белобрысыми и непослушными, как солома, торчащими в разные стороны, волосами. А бледно-рыжие веснушки на моем носу и щеках напоминали мне персонажа из древнего мультика – домовенка Кузю. Только фигура в отражении зеркала радовала – стройные, длинные ноги, плоский животик, грудь – небольшая и немаленькая, такая, как мне нравилась, и смотрелась она в одежде очень даже привлекательно. По мере взросления тональный крем и утюжок для волос помогли справиться с комплексами. Мне никто никогда не говорил, что я красивая или соблазнительная. Мое стеснение сковывало внутреннее эго, лишнего не скажу, тише воды, ниже травы. Я была тенью самой себя, но одно, но! Я очень любопытна и этого у меня не отнять. Залезу туда, куда не следует, узнаю или услышу то, что мне не полагается.

Меня зовут Ада, родилась и росла в большом городе, мои родители обычные, небогатые, небедные, мама – терапевт, жизнь ее проходила в больничных стенах, папа – пилот, он посвятил себя небу. Я единственный ребенок, «неказистая девочка из переулочка», как выражается бабушка, она говорит, это очень ласковое прозвище, и как не странно, оно мне подходит. С самого детства мне внушили, что я совсем

некрасивая получилась, ведь мама и папа – очень даже симпатичные люди, ни капли на них не похожа. «В деда пошла», как говорит мама, да, я соглашусь, видела эти фотографии, где мы сидим с ним на завалинке и едим мороженое, «Нафания и Кузя», да уж, смешно!

Я пошла по стопам мамы – поступила в медицинский университет, выбрала направление лечебного факультета. Потом решила осуществить свою мечту, получить права автолюбителя. Мои родители обещали подарить мне машину. С мужем познакомилась в банке. Я оплачивала госпошину на получение водительских прав, а он брал кредит на свой бизнес, на «ноу-хау», это выяснилось вследствие знакомства. Он мне рассказал свои впечатления от нашего столкновения, что даже и внимания не обратил бы на меня. Так уж получилось, я наступила ему на ногу, случайно, долгие извинения, обаятельная улыбка, темно-карие глаза, мой голосок и запах, который исходил, зацепили и внушили ему, что я именно та, с кем будет очень хорошо. Адриан и по сей день говорит, как я божественно пахну. Да, конечно, плюсы все же у меня есть – это обаяние и запах, которым, оказывается, я обладаю, и это стало моим оружием! В будущем я научилась им пользоваться.

Отношения с Адрианом, чуть больше года, привели к свадьбе, когда его дела пошли в гору, новейшие технологии приняли крупные обороты в бизнесе. В скором времени я забеременела мальчиком, назвали сына Кристофером. Я взяла

академический отпуск в институте и больше туда не вернулась, так как следом родилась дочь Розы, вот на этом мое образование оборвалось, теперь моему сыну восемь лет, а дочери – три. Я домохозяйка без образования, все, что умею делать в жизни, – это убираться, готовить и воспитывать детей, которых безумно люблю.

Адриан, первый мой мужчина, и сравнить его не с кем: какие должны быть отношения между женщиной и мужчиной, как заниматься сексом и отдаваться в постели и улаживать мужа и в ответ получать ласки, в общем опыта не было и я даже не догадывалась о иных чувствах и не представляла какие они могут быть сильными и мощными. Конечно же, мне никто не рассказал, что после родов можно так поправиться, отрастить живот, грудь уже не та. Теперь, когда смотрюсь в зеркало, то не нравится уже тело плюсом к моей шевелюре на голове с оборванной челкой на маленьком лбу и веснушками по всему лицу. Я стала чудовищем, за что ненавижу себя.

* * *

*Давай поговорим с тобой наедине,
Без лишних слов пойдем друг друга.
Ты все расскажешь откровенно мне,
А я решу, что делать дальше будем.*

Ксюша Филянова

Обычный вечер, мы с Розы и Кристофером засыпаем на нашей с Адрианом кровати, так как, он стал поздно возвращаться домой и на рассвете уходит на работу, было тоскливо засыпать и просыпаться в одиночестве и со временем детки перебрались в нашу спальню. Да, ему было так удобно – устраиваться в детской комнате, без оправданий и нудных вопросов, на которые не хотел отвечать, да и вообще создавалось такое впечатление, что мы не интересны и не желал вникать в развитие детей и мою личную жизнь. Интимная связь у нас закончилась, ее практически не было, очень редко, когда удавалось остаться одним дома, что вообще очень исключительное явление. Бывает я пробираюсь в детскую комнату, за разговором и интересом про его жизнь, упомянув деток между словом, стараясь включить в наше существование. Но его усталость берет вверх, мне так кажется, не желаю принимать действительность, его равнодушие к семье. Каждую ночь, одолевают волнительные мысли о наших отношениях, все чаще и чаще чувствую, как он от нас отдаляется. Меня мучают бессонные ночи. Хочу почувствовать крохи любви, пару слов ни о чем, взгляд любимого человека, тишину на двоих, прикосновение теплых мужских рук. Лежа в кровати, прислушиваюсь к каждому шороху в подъезде. Как поднимается лифт, не на нашем ли этаже остановится, представляю, как кто-то открывает, ключами, двери чужого

дома, или слышу громкие стоны настоящего секса за толстыми стенами. Считаю минуты в тишине, обнимаю подушку в темноте, мысленно желаю доброй ночи, а сама не сплю. А когда дожидаясь, его прихода домой, слышу шаги в направлении нашей комнаты, приоткрывается дверь в спальню, где мы спим с детишками в обнимку. Я притворяюсь спящей, прислушиваюсь к дыханию в дверях в надежде, его попытки обнять, поцеловать. Но все же он исчезает за стены соседней спальни. И вот в одну из долгих ночей ожидания, пробираюсь в детскую. Адриан уже засыпает, нежно касаюсь его щеки, произношу, думая про себя: «Устал»:

– Как у тебя дела, милый? – присаживаюсь на край небольшой кровати сына.

– Не очень, – отвернувшись к стенке, буркает он в ответ. – Я умаялся, давай иди спать.

«Конечно, он вымотался, ведь у нас квартира в ипотеке, нужно ежемесячно много работать на нее. Он сам выбрал жилье в центре города на главной улице с видом на жизнь, где кипит и бурлит городская суета, откуда до работы рукой подать и без пробок по утрам и вечерам». Я ложусь рядом, обнимаю его, слышу глубокий вдох, он, бесспорно, чувствует мой запах. Чем я пахну? Каждый раз задаю себе этот вопрос. Уставший голос прерывает мои мысли:

– Оставь меня.

Опять эта унижающая фраза, внутри что-то щемит.

– Спи, милый. Люблю тебя, – шепчу на ухо, приглаживая

его темно-каштановые волосы, рукой.

В ответ только:

– Угу.

Я прикрываю дверь в комнату и отправляюсь на кухню, сон не идет, спать не хочется. Достāju пачку сигарет, раскрываю окно, в комнату врывается шум ночной жизни, закуриваю, наслаждаясь городом с четвертого этажа. Это единственное увлечение, когда могу насладиться уединением, разглядывая прохожих, замечать новые рекламные вывески, наблюдать, как череда машин движется с яркими фарами по неширокой улице. Любоваться парком через проспект, скользя по оранжевым крышам невысоких домов. В центре парка располагается, притягивающий взгляд, колесо обозрения. Каждый раз оно поражает своей цветовой гаммой, то ярко синего цвета, или красного, желтого, зеленого, или брызги салюта, мигая одновременно всеми красками радуги, или в центре железной конструкции разгорается реклама какого-нибудь бренда. Часто наблюдаю, как оно светится огромными часами, с римскими цифрами, а стрелки медленно тикают и показывают реальное время. Нередко ходим с детками в этот парк гулять. Огромная детская площадка с каруселями и песочницами, много ребятишек и мамашек, с которыми редко нахожу общий язык. Асфальтированные дорожки для велосипедистов, дамочки с собачками, зоопарки, фонтаны, часто устраиваются книжные ярмарки, антиквариата, современной музыки, черно – белого кино под откры-

тым небом, выставки картин, ну и самое яркое, что может здесь проходить это рождественская деревня с Санта-Клаусами, елками, сотнями светящихся гирлянд, аромат сваренного глинтвейна, тут и там выглядывающих из витрин магазинов и кафе оленей, щелкунчиков, хлопья пушистого снега, медленно кружащиеся под еле доносящуюся с главной площади музыку. Ночью можно услышать стук молотка или скрежет железа под веселую задорную музыку рабочих, когда они сооружают очередную конструкцию для какого-нибудь мероприятия.

Задаюсь вопросом: что происходит между мной и Адрианом? Любит ли он меня? Мысленно рассуждаю и принимаю этот вопрос всерьёз. Становится дурно, почему я раньше про это себя не спрашивала? Может, он меня не любит? А дети? Да, дети сами собой получились от редкой интимной жизни. Но, когда я сообщала о том, что забеременела, он был счастлив! Да, безусловно, счастлив. А на свадьбе? Да, он говорил мне, что любит, а может, нет? Реально начинаю понимать, что отдаляется, он не хочет меня. Я стала чужой, сама себе. Глубоко затягиваю сигарету, и обжигаю пальцы тлеющим фильтром.

– Треш... – бросаю окурочок на город, усыпанный огнями, под моими окнами. На мгновение взгляд останавливается на дорогой красной машине. Из дверей, поднимающихся кверху, выходит высокая, стройная блондинка с туго затянутыми волосами в рулетик в виде розы на макушке, алая юбка

облегает бедра, строгий пиджак сидит на плечах, как по ней сшит, и самое главное, на что обращаю внимание, – это ее длинные ноги в туфлях на высокой шпильке. Как это красиво, сексуально. Завороженно люблюсь фигурой девушки, но как тогда реагируют мужчины? Кружится голова, вспоминаю свой гардероб. У меня нет ни одной юбки, туфель на шпильках, да и платья, как балахоны из-за моего большого живота. Кофты все растянуты и вышли из моды. Забыла, когда себе что-то покупала. Вижу, как дама в красном, по ту сторону улицы входит в здание, где открывают двери парни в черных смокингах, склонив головы перед ней.

– Что там? – произношу вслух.

Достаю еще одну сигарету и с любопытством наблюдаю. Прихожу в шок от того, что вижу подъезжающие редкие, дорогостоящие машины, а следом еще круче предыдущих. И, что самое интересное, из этих машин выходят мужчины в смокингах недешёвого пошива, белые рубашки, галстуки, лакированные, кожаные туфли, и все они разных возрастов, даже седовласые деды с тростями, с гордо поднятыми головами, поднимаются по мраморным ступеням. Почему не замечала раньше этого здания? Быстрым взглядом оглядываю его, это бизнес-центр? Оно невысокое, в семь этажей, с круглыми окнами, серого цвета, архитектура выдержана в европейском стиле. Спрятано среди множества разных огромных торговых, бизнес-центров, за яркими вывесками и рекламными щитами, моргающими круглые сутки.

Пытаюсь отыскать название, но ничего нет, только видна подъездная часть для автомобилей, укрытая зелеными, высокими и стройными туями. Побуждает желание в него войти. Бросаюсь в спальню, чтобы одеться и сейчас же отправиться туда, я должна знать, что там. Перебираю гардероб в полумраке, боюсь разбудить своих малышей в поисках чего-нибудь приличного, но нет, ничего такого. Нахожу платье, старое, черное, еще моей молодости, чуть выше колен. С трудом натягиваю. О, Боже! Я не узнаю себя в зеркале. Бочка и живот выпирают огромными складками, платье еле-еле прикрывает толстый зад. Нет! Это я? Не-е-е-т! Кое-как стягиваю эту чертову вещь и отбрасываю с отвращением в угол, огромная обида, как будто оно меня сделало такой толстой и безобразной. Нет, нечего надеть. Ну, не пойду же я в джинсах, и в кедах? Меня даже не то, чтобы пригласят пройти, а на пушечный выстрел не подпустят. Плюхаюсь на пол напротив зеркала, опираюсь спиной о пуф, выдыхаю со смирением, что сегодня не удастся попасть туда. Рассматриваю вещи, разбросанные по всей комнате, измеряю потребность в них, вспоминаю, когда и где куплена, и сколько лет она служит. Плавню, взглядом перехожу на зеркало и ловлю себя в отражении, вот так при тусклом свете вглядываюсь в свое тело. Моя грудь не видна из-за многочисленных складок на животе, толстые ляжи болтаются при малейшем движении. Бледное лицо смотрит на меня из-за саленных, немых волос на голове, челка торчком стоит от домашней повязки кверху.

Это я... Это я... Да, я не была красавицей, но сейчас вижу неухоженную, жирную жабу, страшно прикоснуться к своему телу, боюсь признать себя, но все же с болью внутри выношу вердикт – я монстр. Болезненные слезы обжигают щеки.

Я не смогла уснуть. Ближе к утру отправляюсь на кухню, готовлю завтрак для Адриана, чего раньше никогда не делала – Адриан предпочитает по дороге в офис заходить в кофейню и насладится едой в тишине с крепким кофе, читая местную газету. Утро у нас достаточно шумное и суетливое, особенно, когда поднимаю Кристофера в школу. Роза просыпается вместе с ним и постоянно плачет, просится на ручки, а я не могу ее взять, так как одной рукой готовлю завтрак сыну, а второй помогаю собираться в школу, причесываю волосы, застегиваю пуговицы на рубашке, проверяю, все ли он взял, а она, как на зло, все громче и громче кричит. Ну, все же с горем пополам отправляю сына в школу, что в нескольких метрах от нашего дома, и только тогда, когда закрывается дверь за Кристофером, Роза замолкает. Мы с ней отправляемся в спальню, включаем мультфильмы и засыпаем до того времени, пока не возвращается сын обратно после школы. Каждый день похож на предыдущий, я знаю, что сейчас будет, все по расписанию: уборка, стирка, готовка, поход в магазин за продуктами, прогулка и так далее. Адриан практически не участвует в жизни детей. Его коронная фраза звучит так: «Я работаю и добываю деньги, а твоя участь – рас-

тить и воспитывать детей». Вот чем я и занимаюсь. Иногда мне кажется, что для себя родила, так как сама решаю, когда и чем заниматься, кем будут и где детям учиться. Конечно, я пробовала посоветоваться с мужем по поводу школы Кристофера, на что он мне отвечал: «У меня голова болит о том, как заработать деньги и чтоб такое придумать, да бы вас прокормить, а ты мне мозг засоряешь какой-то чепухой, сама решай». Вот его ответы на мои попытки, как-то включиться в нашу жизнь.

Готовлю омлет с тостами и с жареным беконом, как любит Адриан, варю бодрящий кофе, и, как только накрываю на стол, в кухню входит он.

– Доброе утро. – в недоумении произносит Адриан, оглядывает сначала мой вид в растянутой футболке и в носках до колен, с повязкой на голове с мятым бантом сбоку. Я смущаюсь, мне впервые стыдно за свой домашний вид. Опускаю глаза на выпирающий живот, который заляпан брызгами жирного масла, усыпан пятнами от каких-то засохших конфет, супа, каши, печенья, так как Роза цепляется своими грязными ручками за мою одежду, когда ест. Раньше я не обращала на это внимание и не придавала значения своей домашней внешности, так как дочка ежеминутно что – то ест и сидит у меня на руках, бесконечная готовка, мытье посуды и протирание полов. От дикой усталости, под вечер, я валюсь с ног на кровать, в пропитанной потом футболке, забывая умыться утром и принять душ вечером и так день за днем на

протяжении восьми лет. Я перестала смотреться в зеркало, да и не было времени ухаживать за собой. А сегодня ночью я увидела себя наконец-то и поняла, что безобразна и стоит задуматься, как же я выгляжу в глазах мужа. Неловкими движениями рук, стараюсь прикрыть все эти пятна, неуклюже поправляю повязку на голове со словами:

– Доброе. Я приготовила тебе завтрак.

– А дети? – удивленно спрашивает он. Быстро пускает взгляд на стол с аппетитным кофе.

Внезапно вспоминаю, что Кристофера нужно поднимать в школу. Но если я это сейчас сделаю, Адриан уйдет, не позавтракав и не поговорив со мной. А я нуждалась сейчас в его внимании, мне нужно с ним поговорить. На ходу придумываю отговорку:

– Сегодня в школу не нужно, какой-то санитарный день. Вот и решила порадовать тебя. – стеснительно улыбаюсь.

– О как! Здорово, а я с удовольствием. Спасибо. – трет руки друг о друга, присаживаясь за стол.

Я себе наливаю кофе и чуть было не тянусь за тостом, мысль бьет по руке: «Толстая, чудовище, и ты еще есть собираешься!»! Как от удара током, отдергиваю руку назад. Адриан удивленно смотрит с вопросом:

– Что-то не так? Ты не голодна? – вскидывает одну бровь.

– Я только кофе. – смотрю, как у него открывается рот и в него входит тостер с маслом и беконом, этот аппетитный хруст, его глаза закрываются от удовольствия, смакуя хру-

стящий кусок. У меня стекает слюна в прямом и переносном смысле, я делаю большой глоток горького кофе, отвожу глаза в сторону и тихо спрашиваю:

– Ты меня любишь? – сжимаю в руках кружку, нервничаю от предстоящего разговора.

Адриан давится едой, кашляет от неожиданного вопроса, удивлённо смотрит. В его глазах пустота, реакция пугает, мои плечи опускаются вниз, жду устрашающего ответа – нет. Он молчит, что больше вводит меня в ступор. В полной тишине он доедает тостер, отпивает кофе, вытирает рот полотенцем и обращается ко мне, серьёзным тоном:

– Ты себя в зеркало видела?

Укол в сердце. Да, но только вчера я разглядела себя в реальности, исключительно этой ночью осознала, что безобразна. Его слова меня добивают.

– Почему ты это не сказал мне раньше?! – чуть ли не кричу, от обиды на саму себя.

– Сказать, что ты толстая, милая, иди помойся от тебя разит потом, и что ты отвратительна?! Это надо было сказать? – разводит руки в стороны от негодования.

Ну, вот это было очень больно.

– Да, так и сказать, а не доводить до этого состояния, – со слезами на глазах произношу тяжёлую для себя фразу.

– До какого? – ухмыляясь, возмущенно смотрит на меня.

– Я ведь была хорошей матерью, женой... – тут запинаюсь, а была ли вообще женой?

– Была? Что случилось-то? Жила себе в комфорте, без проблем и трудностей, а тут на тебе фокус! – отшвыривает от себя тарелку с не доеденным омлетом. Адриан строго смотрит на меня.

– Но мне ты не сказал, что я стала толстой и некрасивой. – прерывисто дышу, но продолжаю: – Что я тебя не возбуждаю. – пытаюсь донести суть происходящего.

– Нет, ты сейчас это серьезно? Ты что, себя в зеркало не видишь? – рычит он, вставая из-за стола.

– Да, серьёзно, – вижу, как он собирается уйти от разговора. – Я погрузилась в детей, мне не до того, как я выгляжу, – пытаюсь удержать его взглядом. – Я забыла, когда себе в последний раз что-то покупала или ходила в салон красоты, ведь ты мне не помогаешь. Ты хоть раз сидел с детьми? Ты хоть раз пригласил меня куда-нибудь? Я не помню вкус ресторанной еды, позабыла, что такое большое кино по выходным. Я как робот. Я живу для детей. наших с тобой детей. Конечно, я на себя не смотрю, несомненно, мне некогда расчесаться и почистить зубы, потому что Роза постоянно ноет днем, и ночью. А ты все у нас деньги зарабатываешь! – плачу и кричу, не знаю на кого злиться, кого винить.

Он стоит и слушает, даже не пытается возразить мне. С безразличием выдыхает:

– Мне очень жаль тебя, – серьезно протягивает фразу, поправляя уложенные волосы с безупречным маникюром, разворачивается в сторону двери, и уходит.

Его взгляд, голос, интонация меня задевают и погружают на дно, темное и беспросветное, но все же собираюсь с силами и выдавливаю из себя ему в спину:

– И это все? – слезы катятся по моим щекам.

– Займись собой. – обворачивается на меня, – Я тебе денег положу на полку в коридоре, – томно смотрит и даже ни одна мышца на его лице не дернулась, чтобы как-то успокоить или что-то сказать доброе, а мне так хочется услышать теплые слова, я в них нуждаюсь, а он отрезает: – Пока, мне пора. – слышу, как шелестят новенькие купюры в его руках, счёт про себя, а потом хлопает дверь, вздрагиваю, он просто уходит, оставляя меня одну со своей проблемой. И с этой минуты моя жизнь начнет меняться, набирать обороты, те, которые не смогу уже остановить.

Я беру новенькие купюры в руки, пересчитываю их, да, мне хватит на новое платье, туфли и прическу. Начинаю планировать, как все исправить, стать красивой и похожей хоть чуточку на женщину. А в соседней комнате Розы закатывается в плаче, не реагирую, мысли плаваются от переизбытка эмоций.

– Мама! Почему мы не пошли в школу? – подпрыгиваю от сонного голоса сына за спиной. Разворачиваюсь и медленно отвечаю.

– Сегодня у нас выходной. – неуверенно в ответе, что это правда.

– Мама, но сегодня только пятница. – уверяет меня Кри-

стофер, потирая глаза спросонья.

– Кристофер, послушай меня, сегодня отдохнем, ладно? Я очень устала, – громко выдыхаю и перевожу свой дух на другой лад. – Мы устроим праздник. Сходим куда-нибудь. – закатываю глаза, представляя будущий день. – По магазинам походим, что-нибудь придумаем, в конце концов, – приседаю на корточки напротив лица сына и смотрю ему прямо в глаза.

– Правда?! А куда ходим? – радуется Кристофер, хлопая в ладоши.

– А куда ты хочешь? – задаю вопрос сыну, и слышу в соседней комнате плач Розы, извергается, как гром, все больше и громче в истерике.

– Я хочу в кафе, где есть гамбургер и картошка фри, м-м-м, а еще я хочу себе новую машинку как у Диры, синюю, с открывающимися дверцами, мама, правда, ты мне ее купишь? – еще раз задумчиво спрашивает сын.

– Да, милый, правда, а ты сможешь мне помочь? – сообщаю на ходу, не обращая на истерику Розы.

– В чем? – хмурит брови.

– Я хочу сходить в салон красоты, а Розы не даст мне этого сделать. Ты сможешь с ней посидеть, когда она уснет днем? Я быстро, – неуверенно говорю, потому что боюсь оставлять детей одних дома. А мало ли что случится? Ну, если что, есть ведь телефоны. В двадцать первом веке же живем. Ну, мне нужно это, как сложно решится на то, что никогда не делала.

– Хорошо, я посижу с ней, а так разве можно?

– Можно, – нерешительно отвечаю. – Ты ведь уже взрослый, сильный, храбрый мужчина, правда? И справишься с этим, тем более она будет спать, и, если что, ты мне позволишь, а я быстро прибегу, бросив свои дела, хорошо? – обнимаю, целую сына в щеку, прижимаю его к своей заляпанной футболке, глубоко сомневаясь в задуманном.

Как давно я не была в торговых центрах, огромными и жадными глазами поедаю все вокруг, останавливаюсь у витрин, разглядываю красивые вещи, обувь, мелкие безделушки, людей вокруг себя. Заводим Розы в детскую комнату, договариваюсь с молоденькой девушкой, чтобы она присмотрела за моей крохой, а мы с Кристофером отправляемся по бутикам в поисках нового платья. Заглядываем в детские отделы, покупаем тачку, о которой он мне все уши прожужжал. Мы торопливо бегаем с одного этажа на другой в поисках нужных вещей.

Я смотрюсь в зеркала в примерочных и с недовольным лицом надеваю вещи сорок восьмого размера, все кажется крайне некрасивым и непривлекательным, не нравится, как на мне все это сидит, какая же я толстая и безобразная. Моего опускается все ниже и ниже, я расстроена и опущена еще больше от вещей, которые делают меня уродливой. Все же я нацелена на вечернее платье, туфли и новую прическу. Мысль не оставляет меня ни на минуту – попасть в то здание. В голове крутится одно и то же: что там? Наконец-то я

выбираю черное, классическое платье чуть ниже колен, под грудь, книзу расклешенное, верчусь около зеркала, вроде ничего, жир и живот искусственно спрятан под ним. Продавщица советует красивое нижнее белье, корсет утягивающий живот, кружевные чулки. Счастливая направляюсь в обувной бутик. Долгое сомнение между удобной и практичной обувью и туфлями на высоком каблуке ужасно неудобных и непривычных для домохозяйки. Все-таки делаю выбор в пользу туфель, раз уж решила меняться так идти до конца. Но как же я смогу? Сомнения одолевают, ради того, чтобы быть красивой, решаюсь на кругленькую сумму за красные, лаковые туфли, безумно неудобные, но сногшибательные, и, в конце концов, мои ноги кажутся стройнее, и выгляжу достойно, и дело остается за малым – прическа. Детей отвожу домой и бегу в салон красоты.

Плюхаюсь в кресло парикмахера, со словами: «Чтобы модно и мне шло». Как на зло, тягучее, медленное время заставляет нервничать и переживать за своих детей, которые остались впервые одни дома. Кусаю губы в кровь, лихорадочно тереблю в руках телефон, боясь отвлечься на свое преображение. Нервно оглядываюсь по углам салона, стараюсь занять свои мысли чем-то другим, но с трудом дается, душа так и рвется позвонить Кристоферу, чтобы услышать его спокойный голос в трубке телефона. По привычке грызу ногти от переживаний, навалившихся на меня за последние сутки. Почему именно сейчас я озадачилась своей внешне-

стью? Решаюсь измениться и взять себя в руки? С меня как будто сняли розовые очки, и это сделала та девушка в красном, как мне хочется побывать на ее месте, почувствовать свое тело совершенным, ловить взгляды мужчин, испытать чувство гордости за свою внешность и просто быть любимой. Отстраняю руки от своего лица и прихожу в шок, мои ногти! Обгрызанные ногтевые пластины с наростами жёсткой кутикулы безобразят мои руки. Маникюр – я не делала лет семь, это точно, и не красила лаком их столько же. Непроизвольно в голову врзается мерзкая мысль о том, что у мужа на работе много красивых и молодых девушек, ухоженных, с хорошей фигурой, и с безукоризненным маникюром. Закрываю глаза, часто дышу от переизбытка попыток «стать женщиной». Он, наверно, мне изменяет... нет... я не хочу в это верить, нет... я буду красивой, стройной, должна, обещаю, или я не АДА! Надо диету, совсем забыла про то, что я сегодня не ела, кроме огромного глотка кофе. Спорт. Столько всего надо сделать. У меня кружится голова.

– Посмотрите, как вам? – интересуется мнением, счастливая парикмахерша, довольная своей работой, разворачивая меня к зеркалу.

– О! Боже! Это я?! – ошеломленная новой прической. Она обрезала мои волосы в короткое каре по скулы, челка ровным срезом лежит на лбу и совсем не торчит, какой я привыкла ее видеть. Идеально гладкие волосы, окрашенные в блондинистый цвет, я не похожа на себя, совсем другая. Ка-

рие глаза округлились на фоне новой прически стали выразительнее. Несколько минут тишины, не могу вздохнуть и выдохнуть, надо же, как цвет волос и стрижка меняют человека. Девушка предлагает мне макияж к прическе, недолго думаю, киваю головой в знак согласия. Мейкап изменяет мои впечатления о себе в корне, я стала красивее на сто, нет, на двести процентов. Ярко-красные губы, тени темно-коричневого цвета, брови, которые не щипались вечность, превратились в безупречные, ухоженные, расчесанные и выкрашенные, тон лица ровный и гладкий. Ресницы трясутся от слез. Плачу, смотрю на себя и не узнаю, я... я... я изменилась и себе нравлюсь впервые за всю свою жизнь.

– Что вы делаете?! – возмущается девушка, махая руками возле моего лица, чтобы высохли слезы.

– Я счастлива, – тихо отвечаю я.

* * *

*Нельзя сначала убивать,
Потом шептать: «Я не нарочно».
Нельзя все время предавать,
Потом молить: «Исправлюсь точно».
Нельзя сначала унижать,
Потом просить: «Прости за шутку».
Нельзя трусливо убежать,
Сказав, что вышел на минутку.*

*Нельзя, вернувшись, сделать вид,
Что все как прежде остается,
Ведь жизнь на месте не стоит!
За все всегда всем воздается!*

Ольга Климчук

Мой неидеальный день, все не по плану, он не похож на те дни, в которых я не принадлежала себе и, как ни странно, мне он приходится по вкусу. Ежеминутно мысли были о детях. Блондинка в красном перевернула мой мир, и вот я стою перед зеркалом в коридоре, люблю себя, конечно, работать и работать еще долгое время над собой, но на данный момент моя внешность переходит границы воображения, с нетерпением жду мужа. Детки уснули после долгого дня, от полученных впечатлений и от новых покупок, долгожданных игрушек, счастливыми погрузились в сон с улыбкой на устах. Розы особо не заметила моего отсутствия, и как-то мне показалась, что она стала спокойнее и не так плакала сегодня, а сын меня не узнал, сказал, что я очень красивая, и похожа на голливудскую звезду. В магазине купила хорошего вина, свечи. Запекла в духовке утку с яблоками. Накрыла стол по-праздничному, ярко горят свечи, и два бокала вина ждут своего часа, но его нет и не будет. Набираю номер телефона Адриана несколько раз, в ответ женский голос: «абонент недоступен.» Я жду, достаю пачку сигарет, бокал вина в руках, усаживаюсь на подоконник. За полночь, глаза вновь натываются на даму в красном, ее идеальная по-

ходка по мраморным ступеням, будоражит. Выпиваю бокал вина залпом, докуриваю сигарету, не думаю, выхожу из дома, забыв про то, что детки остаются совсем одни в темной и холодной квартире. Мною правит любопытство, и оно меня ведет к этим дверям, сердце колотится с бешеной скоростью. Ступаю на первую ступень лестницы ведущей к дверям, ловлю на себе удивленные взгляды дворецких, внимательно разглядывающих в недоумении мою персону. Все же медленным и уверенным шагом поднимаюсь. Беглым взглядом оцениваю дворецких. Их привлекательная внешность, молодость, дорогие костюмы выше того, чтобы открывать двери. Наконец-то с огромным усилием и волнением в голосе произношу:

– Добрый вечер, – хмыкаю, перевожу взгляд с одного симпатичного парня на другого. – Вернее, ночи, могу я войти? – скрестив пальцы в замок впереди себя, выдыхаю.

– Доброй ночи, милая дама, – с улыбкой на лице произносит молодой человек, на которого я таращусь. – Вход только для мужчин, – небольшая пауза. – Простите, – обходительно добавляет он.

– Э-э-э, правда? Я не смогу войти? – удивленно спрашиваю, не верю озвученному отказу.

– Нет, вы не сможете пройти, – сжимает губы в тонкую линию и переводит взгляд на своего напарника. А тот добавляет, поправляя свои манжеты на смокинге:

– Простите.

– Но ведь я видела, как входила сюда женщина. – задыхаюсь от провала войти. – Почему я не могу?

– Мадам. Вход только мужчинам, простите. – гримаса на его лице мне совсем не нравится, прокручиваю в голове его слова.

«Вот заело. Больше ничего сказать не может? Вот зануда!» – Расстраиваюсь, оглядываюсь по сторонам, потом опять на парней, топчусь около них. Блин, а я так старалась, платье, туфли, будь они прокляты, такие неудобные, и мне хочется поскорее сбросить их с ног.

– Ну что ж, извините. – с досадой в голосе говорю я. Медленно разворачиваюсь к спуску, нервно касаясь кончиков волос. Вижу, как навстречу мне поднимается пожилой мужчина, седина придает ему солидный возраст и статус, смокинг идеально сидит по фигуре, трость, на которую он опирается сверкает красными глазами льва на рукоятке с безупречным маникюром старческих рук. Мудрый и ясный взгляд старика останавливается на мне, кажется, мысленно раздевает, становится не по себе, но дико приятно, внизу живота искрит. Схожу на землю со ступеней, еще раз смотрю в сторону дверей. Они распахнулись, на пороге стоит высокая стройная девушка в кружевной маске на лице, красные губы блещут в приветственной фразе для мужчины. У меня отваливается нижняя челюсть, внутри этого здания виднеется винтовая, позолоченная лестница, по бокам свисают бархатные, рдьяные, тяжелые шторы, и дальше не успеваю разглядеть – две-

ри закрываются в ту же минуту, как только начинаю обратный подъем, под ужасающим гипнозом интереса. Что это за место? Персонал – девушки, а вход для мужчин, очень интересно. Значит надо стать мужчиной, чтобы прорваться в эту дверь. Эта мысль заражает меня своей загадочностью и увлеченностью, любым способом оказаться там.

Боль в области ног сковывает и не дает трезво мыслить. Я с огромным удовольствием снимаю красные, лаковые туфли и бреду вдоль дороги. Мимо меня проезжают дорогие машины с богатыми мужчинами, практически каждый вглядывается в мой силуэт – босоногой девушки в красивом платье и с ошеломляющей прической, в новую меня, но пока еще сорок восьмого размера. Это чувство мне не знакомо, никогда никто так не смотрел, как сейчас, и мне безусловно нравится. Я с гордостью продолжаю идти вдоль дороги. Увлекаюсь некой игрой взглядов незнакомцев, и не замечаю, как прохожу поворот в сторону дома. Мне хорошо, мысли не терзают, моя первая ночная прогулка приходится мне по душе. Шагая по ночному городу, разглядываю улицы другими глазами. Бесконечность огней заполняют темноту, свет от фар проезжающих машин, яркие, моргающие вывески с различной рекламой, светодиодные названия магазинов и ресторанчиков, пёстрые витрины. Далее на мосту вижу компанию молодых ребят, громко смеющихся и что – то обсуждающих, встречаю женщину с огромным псом, выбегающую из парка через дорогу, парочку пожилых людей, торопящихся домой. Каждую

ночь сидя на окне я видела эти улицы с высоты, но чтобы вот так по ним шагать, когда город погружается в сон, не могла бы и подумать о таком. Оказывается, темное время суток, пронизано тайнами. Ясное, звёздное небо, молодой месяц качается на темном покрывале, подмигивая одним глазом. Набираю полные лёгкие теплого воздуха, щурюсь от ярких фар встречных автомобилей. Куда все направляются? Что их ждет? Что заставляет покинуть свои теплые кровати и отправиться в ночную жизнь? Все это, так меня заинтересовало, до тех пор, пока не останавливаюсь возле громадной гостиницы. Высокое архитектурное творение уносится ввысь, затемненные, стеклянные окна подсвечиваются разными цветами светодиодных лампочек. Раскрываю рот, от изумления масштаба этого здания, закидываю голову кверху с затаённым дыханием, пытаюсь мысленно сосчитать этажи, медленно опускаюсь по зеркальным окнам вниз. Взгляд останавливается на вход гостиницы. Возле круговой, вертящейся двери стоит влюбленная парочка. Страстный поцелуй, объятия навеивают романтическое настроение. Я не могу оторвать глаз от девушки с длинными, светло – русыми волосами, от ее легкого и коротенького платица, длинных ног в белых туфельках, от того как парень скользит руками по упругому, женскому телу. Явно видно, что он не может насытиться ее плотью. Прохожие быстро кидают свои взгляды на них, улыбаются и поспешно скрываются. Я по другую сторону дороги. Хотя мне неловко наблюдать за интимной жизнью чужих

мне людей, но я получаю эстетическое удовольствие, глядя на молодую пару, страстно обнимающих друг друга. Мысленно представляю себя на месте незнакомки, касание рук парня к моей талии, жадные встречные губы, взгляд, обжигающий кожу. Впитываю откровенный секс от пары. Вдруг мое романтическое настроение превращается в гримасу непонимания и отчаяния. Перекрывается доступ к кислороду, пытаюсь поймать ртом ночной воздух, но без толку, я ломаюсь пополам, обхватываю руками свое тело, продолжаю всматриваться в мужчину – это мой муж. Медленно опускаюсь на бордюр вдоль дороги и наблюдаю, как Адриан сжимает блондинку в своих объятиях и что – то шепчет ей на ухо. Девушка громко смеется, отстраняется головой от его лица, касается пальчиком его носа и легким движением чмокает в губы, а он в свою очередь подхватывает ее на руки и несет в гостиницу. Замедленная картинка, мой муж в постели с чужой. Он сдёргивает платье и опускает ладони на грудь, целует плечи, горячо дыша, шею губы, роняет женское тело на гостиничное, белое, хрустящее белье, укрывает своим телом настоящую женщину, позабыв меня. Закрываю глаза. Соленые слезы обжигают щеки. Черная дыра расползается внутри меня, распределяя яд измены, предательства, унижения, оскорбления. Какая – то часть меня умирает. Мучительная душевная боль восприятия реальности, лишённая своих красок жизни. Я смотрю сквозь стеклянные двери, как Адриан опускает девушку на ноги, и берет ее руку в свою, прижи-

мается к ней и любит ее улыбкой, они уходят все дальше и дальше в глубь здания. Мимо меня проносятся машины, ослепляя фарами глаза, не могу моргнуть, пошевелиться, ощутить саму себя, я как будто сплю, кошмар продолжается и не собирается уходить, все глубже и больше пугает меня. Я одна, совсем одна, мысли нетрезвой волной начинают бить мое сознание. О какой любви может идти речь? Я ему не нужна, не возбуждаю, и как только могла такое допустить? Я не могу поверить в то, что это происходит со мной, сейчас. Сбрасываю слезы, болезненно принимаю все то, что между нами было – рву. Соскребаю безжизненное тело, пытаюсь подняться на ноги, но тут же обратно возвращаюсь на бордюр. Мне хочется кричать, погнаться за ними и разоблачить его, врезать этой девке, устроить концерт у всех на глазах, поделиться и рассказать всем, какой у меня подлый муж. Трясу головой, позади меня проходит молодая пара и о чем-то гневно спорят, оглядываюсь, ловлю недоброжелательный взгляд парня, резко отворачиваюсь и поднимаюсь с места, мелкими шажочками пытаюсь уйти с места преступления. К чему приведут мои действия? Черная дыра в памяти, картинка рвется. Вскрикиваю от боли, душащей мое воспоминание о нашей семье, она распадается в эти минуты, и ничего сделать не могу. Что я ему скажу? Дать понять, что я знаю про измену? Что у него есть другая? Что я получу взамен? Что? Оскорбления в свою сторону, что я во всем виновата, смогла толкнуть его на этот поступок, и в итоге вышвырнет

меня из дома с детьми, вот, что получу. Зная его отношение к детям и ко мне, он не будет колебаться в нашу пользу, ему будет проще отказаться от нас и жить своей жизнью, вот что произойдет. Что мне делать? Теряю сознание, шатаюсь, как пьяная, бреду по тротуару вдоль дороги.

– Вам плохо? Женщина? Вам помочь? – склоняется пожилой мужчина надо мной, подхватывая мою руку.

– Пошли, она пьяная, не тронь ее. – завопил женский голос около моего уха.

Я не могу ответить, мой язык окаменел, яркие огни ночного города прыгают перед моими глазами, горький ком подходит к горлу, открывается рвота.

– Оставь ее, пошли, сама виновата в том, что перебрала. – стонет женщина, оттаскивая своего мужчину от меня.

Тяжело дышу, с трудом поднимаю заплаканные глаза на мужчину, прикрывая искривленный рот рукой, киваю головой ему в надежде, что он поймет, «мне нужна помощь не телесная, а душевная». От напряжения резко опускаю голову вниз и снова тошнота.

– Женщина, вам помочь? – громко вскрикнул человек, пытающийся все же мне помочь.

С трудом выдавливаю фразу, – Я справлюсь, – упираюсь ладонями об теплый асфальт, слышу, отдаляющий женский голос, – Она справится, пошли, нас заждались, – настойчиво нудит ее голос.

Собираюсь с силами, все же поднимаюсь на ноги, огляды-

ваюсь на гостиницу, с грузом на душе, принимаю свою вину в том, что все это произошло со мной, и стремительно набираю ход босыми ногами сквозь ночь, которая станет точкой отсчёта моей жизни, новой жизни. Пытаюсь не думать, «домой!» – кричит все во мне.

Полумрак и тишина квартиры обволакивает мое тело, стремительно иду на кухню, беру бутылку вина и опрокидываю себе в горло, нервно закуриваю, еще раз прокручиваю прошлое. Яркие вспышки поцелуя, девушки, ее привлекательность и ухоженность, его влечение к ней, что никогда не было в мою сторону. Останавливаю взгляд на дверях, я как будто трезвею, маячит свет в конце туннеля. Они как будто зовут меня, необъяснимо манят в новую жизнь. Прихожу к выводу, вопреки всему, войду туда и пусть я стану мужчиной на какое-то время, мне нужно стереть увиденное, забыть и принять его измену, заменить одну картинку на другую, потому что иного выхода у меня нет. Укрываю руками лицо, всхлипываю от обиды, на то, что признаю себя беззащитной и никчёмной дурой, которая ни на что не способна, только терпеть унижения, измены и предательство. Раскрываю двери в спальню, вижу своих крох. Вспоминаю, что вообще они у меня есть. Стыд окатил меня ледяной волной. Погрязла в своих проблемах, думаю только о себе, позабыв своих малышей. Умиляюсь, как Кристофер обнимает Розу одной рукой, а она, уткнувшись в грудь брата, посасывает свой большой пальчик. Выдыхаю, улыбаюсь тому, что у меня есть дети, они

все в моей жизни. Я благодарна Богу за подаренные, забываемые моменты. Счастье быть рядом с ними. Я видела, как рождалась жизнь, слышала первый смех, поймала первое слово, ухватила первый шаг, чувствую себя мамой, женщиной, которая любит своих детей.

Не снимаю платье, заваливаюсь к ним в кровать с грязными и босыми ногами, утыкаюсь носом в макушку головы Розы, глубоко вдыхаю ее запах, вновь погружаюсь в ту картину с Адрианом. Мне представилось, как ему хорошо с этой девицей, как приятно обнимать молодую упругую фигуру, видеть на ней кружевное белье, и никаких криков, психов и слез. Романтическая обстановка, ужин в дорогом ресторане с красавицей, не стесняясь демонстрировать ее окружающим. Слезы трагедии пропитывают мою подушку, соль разъедает глаза.

Громкий хлопок дверью, прерывает мои раздумья, слышу его. Раздевается, шурша одеждой «наверное ещё вспоминает ее» – думаю я, проходит на кухню, шаркая ногами по полу, тишина, «что твориться в его голове в данную минуту? Неужели чувство вины не съедает изнутри от поступка?» – прислушиваюсь к шорохам. Через несколько минут чувствую взгляд, он стоит в дверях комнаты и смотрит на нас, замечает ли он, что я в платье? С новой прической? На кого он смотрит? Притворяюсь, что сплю, затаив дыхание и всхлипы от слез, боюсь сорваться, держусь, кусаю подушку. Твердо решаю, никто не узнает о случившемся, пусть будет

так, как больно бы мне не было. Простить не в силах, каждый раз буду видеть и вспоминать эту картину, но жить ради детей возможно. Заражаюсь еще больше мыслью о преображении себя, и войти в ту дверь мужчиной. Мне нужен дорогой мужской костюм, рубашка и туфли. План начал зреть всю оставшуюся ночь.

Утро субботы пугает. Просыпаюсь одна на огромной кровати, детей вокруг не обнаруживаю. Спрыгиваю с кровати, не успев взглянуть на себя в зеркало, выскакиваю из комнаты. Заглядываю на кухню, вижу, как Адриан готовит завтрак, Роза играет возле его ног с новой игрушкой, а Кристофер рассказывает про вчерашний день, я прерываю его своим появлением, как раз на том моменте, где он остался один дома с Розой, запинаясь, встревоженный взгляд Адриана на мою сторону, веселый оклик Розы.

– Мама!

– Что происходит? – первое, что я спрашиваю.

– У тебя новая прическа? И новое платье? – внимательно разглядывает мой внешний вид с головы до ног, спросил муж.

Вспоминаю, что я не умылась и даже не взглянула на себя в зеркало, пячусь в ванную комнату, чтобы ответить на вопрос, так как, я не уверена в ответе. Отражение в зеркале после вчерашнего, практически не изменилось, только красные и опухшие глаза выдавали мои вторые сутки без сна. Платье немного помялось, а ноги – безумно черные от ноч-

ной прогулки босиком. Внезапная боль тыкает в самое сердце, с прерывистым дыханием, вспоминаю измену. Невыносимо держать эмоции внутри себя, мне нужна разрядка, хочу кричать, ломать и бежать подальше от него, от унижительной жизни. Как мне справиться? Сдержаться? Как? Стягиваю с себя наряд, плачу, принимаю душ, кусаю губы, чтобы не оборваться в крике, умываюсь ледяной водой, перевожу дыхание, пытаюсь справиться с волной реальности событий. Быстрым движением подкрашиваю ресницы тушью, чтобы скрыть бессонные ночи или просто начать нравится мужу? Для чего? Кого я обманываю? Умываюсь с мылом, поднимаю красные глаза на зеркало и снова берусь за тушь, чтобы быть женщиной в глазах мужчины, с которым продолжу жить. Выдыхаю, тянусь за блеском для губ. Отстраняюсь от зеркальной поверхности и пристально вглядываюсь в себя. Прическа кардинально изменила мои черты лица, взгляд из-под челки сверкает чернотой глаз, отдавая грустью из глубины души, где творится хаос беспомощности и одиночества. Постепенно рисую картинку жизни Адриана, пока я занимаюсь детьми, забыв про себя на прочь, отдаваясь дому и готовке, уюту и уборки, он в это время, живет своей жизнью, любовница, рестораны, гостиницы. Как долго это продолжается? Задаюсь вопросом. А если это длится всю нашу совместную жизнь? Зажимаю рот рукой, настойчиво сдерживаю слезы. Зачем я ему? С грузом на душе выхожу из ванной, прокручиваю у себя в голове дальнейшие действия. Ловлю себя

на мысли, что машинально берусь за свою домашнюю заляпанную одежду, оглядываю, с нервозом отбрасываю в сторону, кидаю взгляд на шкаф мужа, снимаю с вешалки рубашку, набрасываю на оголенное тело, представляя себя в мужском костюме. Плечи чуть-чуть не на месте, рукава длиннее, чем у меня руки, застегиваю до последней пуговицы полочки изделия, убираю волосы от лица, мысленно рисую себе усы. Краем глаза в дверях нашей комнаты, замечаю силуэт Адриана. Встревожено бросаю на него взгляд. Упругое, подтянутое тело в облегающей футболке нежно голубого цвета и в светлых домашних брюках низко посаженных на бедрах. «Определённо этот цвет ему идет» – задумчиво мыслю, продолжая смотреть. Он делает шаг вперед с горящими карими глазами, изучая меня. Заливаюсь краской от стыда, стараюсь прикрыть оголенные ноги краем рубахи со словами:

– Ты не против? – его интерес ко мне трогает мое воображение.

– Ты прекрасна. – шёпотом произносит он, приближаясь ко мне.

Что он задумал? Чувствую его запах, ноги предательски подкашиваются. Горячее дыхание жареной картошки, около моего лица, «это не возбуждает», отстраняю нос в сторону от запаха, отступаю назад, а его руки притягивают меня за ягодицы к выпирающему мужскому органу. Глаза жадно гуляют по мне, несдержанные губы падают на мою шею, временно теряю сознание, позабыв про измену, принимаю его

в свои объятия. Адриан опрокидывает нас на кровать, рвет рубаху на мне. Хватаю его руки в воздухе и стону:

– Дети? – встречаю растерянный, затуманенный взгляд.

– Я закрыл их на кухне, не волнуйся. – опускает нежные пальцы на мою грудь, яркая вспышка того, как он этими руками прикасался к чужой. Смыкаю глаза, вцепляюсь в его предплечья ногтями, издаю стон, подстраиваю свое тело под его. Холодные, влажные губы касаются моих, с нетерпением жду, когда он войдет в меня, чтобы все кончилось. Его член протыкает мою плоть. Слезоточивые глаза упираются в потолок, считаю секунды самого отвратительного секса в моей жизни. Как я могу так опускаться? Мне нужно действовать, но как? Конкретно, что предпринять, мыслей нет, приходится терпеть. Он кончает, обмякшее тело падает на ложбинку между моих грудей. Я выдыхаю, и боюсь вдохнуть запах спермы, от нее разит гнилым картофелем.

– Такой я тебя еще не видел. Ты великолепна, детка, как ты пахнешь, – вдыхает мою кожу, чуть касаясь губами.

Что – то промелькнуло в голове, не четко, росток пророс на сухой земле – я двигаюсь в правильном направлении.

– Мне нравится твоя новая прическа, – выдыхает и встает с меня.

Чувствую волну хорошего настроения, располагающую к дальнейшим действиям, чтобы выпросить денег, для осуществления плана. Сажусь на кровать, и разглядываю его упругий зад, оценивающе подчеркиваю сексуальность и

смазливую внешность. Буду пользоваться моментом, собираюсь с силами и прошу:

– Мне еще нужно прикупить новую домашнюю одежду и пару нарядов. – ловлю добрый взгляд в полуобороте на меня.

– Как мало для счастья надо, не так ли? – тербит свои волосы, пристально разглядывая мое лицо. – Хорошо, у меня есть немного лишних денег, порадуй себя. – стреляет глазами страсти и возбуждения. – Я хочу видеть тебя всегда такой.

– Уж, постараюсь. – выдавливаю из себя улыбку, кусаю нижнюю губу, для эффекта.

Его глаза щурятся, округляются от моей развязанности.

К моему удивлению, после завтрака, Адриан предлагает прогуляться по парку. Мысли вибрируют приятным ощущением и надеждой. На что я рассчитываю? Пытаясь накормить себя иллюзией счастливой пары. Довольная Роза на руках папы, разглядывает вокруг цветущие деревья в парке. Головокружительные ароматы весны, увлекают в предвкушение счастья, поджидающего за углом. Здесь и сейчас, пытаюсь уловить настроение Адриана, которое меняется так часто, не давая установить контакт с его личностью. Иногда кажется, что я его и не знаю, как будто чужой мне человек, когда вдруг внезапно приносит мне рожок мороженого и застывает взглядом на моих глазах, пытаюсь прочесть в них что – то. Или забывает про то, что я и дети рядом, отстраняясь взглядом и мыслями на прохожих девушек. Он пред-

ставляет их обнаженными? О чем сейчас думает? В эти минуты, мне стыдно за свое тело, не сомневаясь выбрасываю мороженное в мусорный бак. Так же пропускаю обед, заменив его зеленым чаем в летнем кафе напротив аттракциона в то время, пока детки придаются радости от эмоций. Ужин дается сложнее, захлебываюсь слюной пока разрезаю ножом на кусочки гамбургер для Розы и помогаю его съесть. Вечер на речном пароходе по ночному городу. Впечатляющие сорок минут, действительное воссоединение семьи, на этот срок я забываю измену, чувствую себя нужной и любимой. Перед тем как уложить деток я уточнила у Адриана, где он будет спать. Уставший, он жмет плечами, не поднимая на меня глаз и не отрываясь от телефона. Зависаю в дверях кухни в ожидании хоть какой-нибудь реакции, тишина и глубокая яма, между нами, он как будто провалился куда то, мельком представляю переписку с другой. Мотаю головой и удаляюсь в спальню, выбор делать мне не приходится, дети залезли на нашу кровать, свернулись калачом и уже заснули. Выключаю свет, ложусь рядом, погружаюсь в сон.

Утро воскресенья, все еще спят, а я в рубашке Адриана в наушниках с веселой музыкой готовлю завтрак. Хорошее расположение духа вдохновляет на пирог с рыбой, который любит муж и дети, рулетики из печени, мохито из лайма и мяты. Уединение на кухне, за готовкой, увлекает меня в мечты о счастливой семье, я желаю этого, и все же задаюсь вопросом нужно ли? Во мне противоречат мысли, одна часть

души кричит о любви к мужу и всеми силами сохранить отношения, а другая напрочь закрывается и не принимает попыток к этому. С чувством то ли легкости, то ли груза выдыхаю в раскрытое окно, на встречу солнечному дню, ясному небу, теплому ветерку. Вздрагиваю от прикосновения руки Адриана. Разворачиваюсь и встречаю сонные глаза. он вынимает наушник из моего уха, с отстранённостью смотрит и о чем-то думая, говорит:

– Может в зоопарк сегодня или в кино? – берет в свои ладони мое лицо и целует в губы, бегло, чуть прикасаясь, обдавая не свежим дыханием после сна. – Я хочу меняться, как и ты.

Так просто? Буря в голове из мыслей. Неужели мое перевоплощение сможет все изменить? Значит все же он любит меня? Может все-таки постараться забыть и стереть картинку измены, он осознал и решает все исправить? Закрываю глаза, обнимаю его плечи, прижимаясь к упругой мужской груди.

– Ты действительно этого хочешь? – не верю в то, что сама говорю, только крепче прижимаю оголенное тело к себе.

– Да. – отстраняясь от меня, сканирует взглядом, мне становится не по себе.

– Что тебя тревожит? У тебя есть что – то рассказать мне? Или... – подталкиваю его на раскаяние и исповедь про измену. А сама задумываюсь зачем мне это? От этого легче не будет, только все усложнит. – Забыли, давай завтракать.

Сначала он открывает рот от удивления, а потом задумывается, над тем, что я что – то важное опускаю на дно. Интимная картинка с обнаженным телом той блондинки мелькает в моем воображении, не могу отделаться от нее. Красивое, упругое, изгибается на белоснежной простыне, стон, страстное дыхание взрывает стены гостиницы. Вздрагиваю от ужаса, того, что он видит тоже это, закрываю глаза и отхожу от него.

– У тебя все хорошо? – ловит мой растерянный взгляд, резко опускаю глаза, пытаюсь не смотреть на него, накрываю на стол, расставляю приборы.

– Да. – все, что смогла ответить. – Давай пока дети спят, а то, не дадут насладиться тишиной за едой.

Проведенное воскресенье вместе, скрепило наши семейные узы на какое-то время. И, как оказалось, ненадолго.

Понедельник – начало новой недели – не обещает продолжения счастливой сказки. Просыпаюсь и мчусь на кухню, чтобы приготовить завтрак перед тем, как Адриан уйдет на работу. Бужу тихо, очень осторожно Кристофера, боясь разбудить Розу, но она раскрывает глазки и начинает хныкать. «Каждое утро Розу просыпается в самом плохом настроении, то ли она недовольна, что все просыпаются и начинают куда – то собираться, или таким способом хочет привязать внимание к себе», я закатываю глаза, выдыхаю, и понимаю, что Роза сейчас включит свою утреннюю песню психа и плача. С нежностью протягиваю ей свои руки, желаю

доброе утра. В ответ, слышу громкий вопль, и дрыганье телом, выдирание волос на своей голове со всей силы, сухой плачь и недовольство. Мысленно умоляю ее успокоится, так как каждое последующее мое слово приводит к ее не обдуманным действиям. А стоит мне выйти из комнаты, так вообще включается голосовая сирена. Мне остается смотреть и ждать, пока она успокоится. Я не могу винить сою дочь в том, что мне не удастся угодить мужу и как-то склеить нашу семью. Мне нужно, как – то действовать, но она явно пытается помешать. Я опускаю руки с печалью в глазах. Кристофер кричит с кухни, в ожидании завтрака, а я не могу даже пошевелиться, наблюдаю, как Роза истерит. Все же пытаюсь ее уговорить пойти с собой, но она упирается ручками в мое тело и отталкивает. Минута счастья, вот оно, дождалась, тянется ко мне на ручки. Крепко прижимаю трясучее тело к себе и вхожу на кухню. Адриан и Кристофер сами справились и уже за мирной беседой завтракают.

– Доброе утро. – тяжело и одновременно с облегчением вздыхаю, сажу Розу за стол рядом с отцом и как только, направляюсь к шкафу за кружкой, чтобы налить воды для нее, слышу грозный голос Адриана за спиной:

– Возьми ее. – встает из-за стола и зыркает на меня, недовольным взглядом.

– А почему ты, не можешь ее взять на ручки? – умоляю, измученная с самого утра истерикой ребенка. – Поцелуй, скажи пару ласковых слов. – вижу, как Роза тянет свои ру-

чонки к отцу, в поисках драгоценного внимания, а он отстраняется от своей дочери, как от огня.

– Я в костюме. – показывая на себя руками в области груди.

Я удивленно смотрю на мужа.

– У нее руки чистые, ты же видишь желание дочери обнять тебя.

– Я не могу. – нервно трясёт головой. – Этот костюм не хило стоит, а мало ли что?

– Но, она же дочь твоя, а не грязный пес с улицы, в чем проблема? – пытаюсь взять ребенка на руки, но она отталкивает меня и заливается в истерике.

– Зачем ты ее приволокла сюда? Все же хорошо было. – затыкает уши ладонями, обходит стол, не реагирует на плачь дочери и выходит из кухни. – Занимайся воспитанием сама, а мне пора. – бросает взгляд на Кристофера. – Пока сын.

– Хорошего дня, папа. – буркнул Кристофер, дожёвывая жаренный бекон.

– Чтобы пятерки принес сегодня. – слышится голос Адриана с коридора, сквозь истерику Розы.

Сжимаюсь, как еж. Тяжело дышу, считаю про себя и жду пока Розы соизволит успокоиться. Кристофер привык к ее выходкам и не реагирует, доедает кашу, встает из – за стола, закидывает рюкзак на плечо и уже готов к выходу в школу. Пытаюсь успокоить крошку, предлагаю сладости, но без толку, все летит обратно в меня. Голова разболелась от невыноси-

мого шума, с утра в квартире, от неразберихи, кому угодить и что сделать. Хочется просто сбежать из дома и насладиться тишиной, привести мысли в порядок, разложить все по полочкам. Очень сложно думать и что – то делать при громком крике и плаче, который остановить нереально. Утро, день и вечер испорчен и соответственно вся последующая неделя.

– Мам, пока. – кричит, Кристофер, хлопая дверью.

Я остаюсь одна. Розы, как по взмаху волшебной палочки, успокаивается, тянет мне свои ручки. Со слезами на глазах подхватываю ее своим объятием и уношу в спальню, где она засыпает. Я не в силах что – то сделать, как донести до Адриана, что Розы нуждается в нем. Он считает, что провел пару дней с нами и этого достаточно, но она ведь человек, а не игрушка, с которой поиграл и положил на полочку до следующего раза, это работа построения отношений с детьми, ежедневная кропотливая и приходится мне как – то выворачиваться и терпеть причуды дочери в одиночку.

Дни сурка поглощают с головой. Изредка выхожу в магазины за новой домашней одеждой, за классической, белой рубашкой, для воплощения своего плана, за мужскими туфлями своего размера, за черным костюмом. Да, я его нашла и даже усы прикупила – все для очумелых ручек, нашла трость, конечно, не из красного дерева и с львиной головой с глазами-алмазами, но вполне за приемлемую цену.

Ожидание мужа после работы каждый вечер такое же утомительное, как воспоминание о его измене, они съедают из-

нутри, заполняя грязью, гнилью. Я жажду решения проблемы, вложить в голову мужа то, что дочь требует именно его внимания, и нужно, как то это решить. На завтрак не одеваться в дорогой костюм, а делать это после, конечно можно оставить все как было, пускай он уходит из дома и завтракает в кафе, как и привык, но я этого не хочу, нет. Я хочу соединить нашу семью, а в одиночку будет сложно, тем более он сказал, что хочет меняться, как и я, думаю стоит попробовать. Согласна сразу невозможно все решить, поздние приходы должны постепенно сократиться и его присутствие дома разрешит проблему с Розы и с Кристофером, он тоже в этом нуждается. В результате, мои попытки поговорить с мужем по душам заканчиваются посиделками на кухне за парой сигарет и пристальным наблюдением за дверьми здания, по другую сторону улицы через дорогу. Я догадываюсь, что они открываются ближе к выходным, и, как было выявлено, с четверга по воскресенье. Четверг я пропускаю и собираюсь идти в пятницу, так как уверена в том, что Адриан всегда в этот день задерживается дольше обычного. Со временем перестала любить пятницу, просто ненавижу ее. Соответственно все нормальные люди, вместе проводят выходные, в пятницу – это выход в свет. В начале нашего знакомства, мы пропадали в ночных клубах, в ресторанах, активный отдых на природе, субботу мы проводили в постели. Но, как только, я забеременела, наши совместные посиделки стали сокращаться, а когда я родила, вообще исчезли. У него

началась новая жизнь, а у меня своя. Адриан практически не появлялся дома, он работал и опять работал, я растила и воспитывала детей. У мужа удачная деловая встреча в дорогом ресторане с панорамным видом – у меня уборка, стирка, готовка. Празднование выгодного соглашения в ночном клубе с выпивкой и с женщинами, деньги разлетаются налево и направо – ночи напролет качаю на руках малышей засыпая от усталости, экономлю на еде, игрушках и одежде. Продолжительная командировка на море с партнерами, развлечения, прогулки на яхтах, красивые продажные женщины – прогулка с детьми, капризы дочери, схожу с ума от криков и плача, опять стирка, уборка, уроки, глажка, бессонная ночь от коликов в животе у ребенка. Рождественский корпоратив в горах, катание на сноубордах, выпивка, игра в казино, разгульная жизнь, новые знакомства – больница, бесконечные очереди, простуда, температура, не сплю, проверяя и сбивая температуру детям, бульоны, каши, лечение, прогулка у окна. Работа, мысли о бизнесе, поиск новых партнеров – дом, дети их благополучие, их настроение, зубрешка уроков, придумывание новых игр, увлечений. Бесконечный праздник – безмерная черная яма, человек без профессии, выхода нет, терпеть и ждать.

Дожидалась пятницы. Заранее подготавливаю ребятишек на добротный и продуктивный сон. Набираю ванную воды с горой пены, мастерим с Кристофером кораблики из бумаги, запускаем их в мыльные замки. Лепим себе шапки из воз-

душных пузырей, громко смеемся, лопаем, сдуваем, взрываем. Читаю длинную сказку, погружая детей в крепкие сновидения. Тихонько ускользаю из комнаты, набираю номер телефона мужа, чтобы убедиться в том, что его планы не изменились. Абонент не доступен, отлично, начинаю сборы. В глубине души двоякое чувство, как будто начинаю игру, где победителем буду я – надеваю отглаженную рубашку, застегиваю пуговку за пуговкой, заранее утянув грудь, чтобы не выпирала, – мысли крутятся о муже, с кем он, что делает? Пиджак полуприталенный, на две пуговицы, – что меня ждет? Брюки прямые, лаковые черные с зауженным концом, туфли, – а если он вернется раньше меня? Страх окутывает, приостанавливаюсь, осматриваю себя в зеркало. На удивление вижу другую женщину в отражении, щеки изменили свою форму, ощупываю живот, он растаял, бока ушли, улыбка, озаряет глаза. собираю волосы в хвост, низко у затылка, зачёсываю челку кверху, приклеиваю усы, пудрю лицо, беру в руки трость. В отражении зеркала прекрасный парень смотрит на меня, подмигиваю себе – меня ждет новая жизнь, мысленно говорю себе, оглядывая образ солидного мужчины. Понятия не имею о том, что я делаю, зачем, что мной правит, игра, месть, что-то сделать или совершить, изменить? Новые чувства, которые зарождаются у меня внутри, безумно нравятся, нервозно дергаюсь, получаю некий адреналин запретного, неизведанного. Чувствую себя свободной, полагаюсь на судьбу, и как только я смогла на такое ре-

шится? Измена мужа? Боль, одиночество, безысходность? В первую очередь женщина в красном раскрыла мои глаза на жизнь, дала возможность увидеть все без розовых очков, если бы я не решилась пройти в то здание, то не узнала бы про измену Адриана, и не стояла бы сейчас в мужском костюме в обновлённом теле и образе. Со спокойным сердцем выхожу из дома навстречу к приключению.

Останавливаюсь у подножья мраморных зеленых ступеней, трясусь от страха, часто дышу, от волнения взмокла шея от туго затянутой бабочки на моем горле. Нервно поправляю ее, чуть расслабляю. Дворецкие внимательно смотрят, изучающе, как я ступаю на каждую из этих ступеней, с гордо поднятой головой, опираюсь на трость. И, к моему удивлению, передо мной широко раскрываются двери со словами:

– Добро пожаловать.

Ну, конечно же, я не отвечаю, дабы не выдать женского голоса, в ответ только киваю.

Ого, моя игра началась, внутренне улыбаюсь во весь рот, душа ликует. Я здесь. Интерьер весьма впечатляет, черные матовые стены с мелкими зеркалами по периметру, по углам свисают тяжелые бархатные, красные шторы. Холл, или, скорее всего, огромная комната ресепшн. За прозрачной стеклянной стойкой стоят три молодые, высокие девушки, с ярко-красной помадой на губах, и мило улыбаются. Одна протягивает стопку бумаг со словами:

– Ознакомьтесь.

Другая кладет огромный черный кейс на стойку, в ожидании моего ответа, смотрит. Трясущимися руками беру бумаги, начинаю читать, но ничего не понимаю, написанное не поддается моему мозгу, слова необъяснимо путаются между собой. Волнительно прокручиваю ситуацию в голове: «дальше этой комнаты мне не пройти я разоблачена». Заранее разочаровываюсь, поднимаю взгляд на девушек и таращусь на них немым вопросом. Одна из тройняшек протягивает мне авторучку, и понемногу доходит, что мне нужно всего лишь подписать документы. Но какие? Важно пройти дальше. Вывожу корявую роспись чернилами на белой бумаге, тут же передо мной раскрывается кейс, где лежат красные резные маски для лица на угольно – бархатной подушке. Сердце колотится от неожиданного поворота, дрожащими руками беру маску с пунцовыми завязками по бокам и приклоняю к лицу, теперь ясно, зачем столько мелких зеркал повсюду – чтобы видеть, как надевать маску и завязывать ее на затылке. Две девушки берутся за края кровавых тяжелых штор и раскрывают ловкими движениями рук в стороны, передо мной раскрывается винтовая, позолоченная лестница вверх. Необъятность одной ступени приводит в восторг, приходится сделать несколько шагов по глянцевому – золотому покрытию, чтобы подойти к следующей. На белоснежных кожаных стенах выпирают золоченые кубы с хрустальными тоненькими трубками падающих вниз, заливая светом все вокруг. Постигнув несколько пролетов, оказываюсь около тя-

желых, из красного лакированного дерева дверей, встречаются две девушки-блондинки в красных масках на лице, в туфлях на шпильке и абсолютно голые, извиваясь в точеном теле в приветственной позе. Где я? Бордель? О, нет, кажется, ошиблась, и как только думаю вернуться обратно к выходу, передо мной раскрывается картина, вернее другой мир роскоши и богатства. Черный матовый интерьер с выделяющимися белыми и бежевыми элементами подсветки, создают образ жутковатого величия. Заворожённая, вхожу в просторный черный коридор, приглушенная музыка обволакивает спокойствием. Осматриваюсь по сторонам, вижу за черными шторами индивидуальные вип зоны для посетителей, расположенные вдоль зала по разные стороны. Сквозь щели пробивается приглушенный свет. Останавливаюсь, осторожно пытаюсь подсмотреть, что же там происходит? Сквозь узенькую щелочку замечаю движение мужчины, не задерживаюсь, двигаюсь дальше, за другими занавесами восседают мужчины в масках, сдержанно беседуют. Далее по нескончаемому черному коридору с лучиками света просачивающиеся в темное пространство коридора, по которому иду со сгорающим желанием рассмотреть каждый уголок этого заведения, всматриваюсь внутрь не задернутых штор. Кто-то неторопливо листает журнал и пьет виски, а кто-то курит сигары пребывая в эйфории. А какие – то шторы задернуты плотно и мне не хватает смелости заглянуть за них. Останавливаюсь около широко распахнутых портьер, и всматриваюсь в силу-

эт мужчины со спины. Завороженная, замираю на месте, как будто передо мной является ангел во всей своей красоте, расправляя крылья в виде клубка дымы расплзающегося над головой мужчины, черные ленты от маски бантом окутывают голову. Яркое неоновое освещение выделяет силуэт в белоснежном костюме, смуглая кожа отдает блики света на открытых участках тела. На бархатном кресле смольного цвета сидит афроамериканец. При взмахе руки, на его пальце сверкает кольцо. Медленный поворот головы в мою сторону. Я столбенею от вызывающе сложенных черт брутального мужчины. Правильные изгибы лица, обрамленные седой, коротко стриженной бородой вокруг пухлых губ и впалых скул, черные глаза оживились из-под кожаной черной маски при взгляде на меня. Он будто видит меня женщиной, стягивая маску и одежду, входит в голову, проникает глубоко в подсознание. Не могу оторваться глазами от него, а он в это время изучает все то, что творится во мне, кружится голова, становится жарко, непреодолимое чувство бросится в его объятья. И как только вижу, что его тело начинает вставать, и рука протягивается ко мне, вздрагиваю, пячусь назад и быстро убегаю в конец комнаты, откуда свет бьет рекой. Глаза слепнут от яркости светлых тонов. Укрываю лицо руками, постепенно пытаюсь привыкнуть к освещению, все еще осязая взгляд незнакомца. Эхо моих женских всхлипов приводит меня в отрезвление, идеальная шумопоглощающая комната с глянцевыми полами и стульями на потолке, перевер-

нутая комната, с зеркалами и прибитой мебелью в непривычном понимании сознания. Выдыхаю, с изумлением, прохожу дальше и оказываюсь в абсолютно другом месте. Ячеистая структура потолка в белых тонах отражается на черно – белом глянцевом полу. Огромная шахматная доска, со столами в квадратах, и мужчины в масках ожидали какую-то игру. Замечаю, что все в черных масках либо в белых под свет своего стола, а я одна в красной. Почему я одна в красной? И куда мне прибиться? На меня особо не смотрят, каждый сам по себе. Оглядываюсь в непонимании, где я, длинный бар, протянувшийся через все помещение, обеспечивает как бы его композиционную основу, принимающий отблески света центрального танцпола в центре со ценной в виде слитка золота, отражая в себе все вокруг. Наступает тишина, тухнет свет. Тяжело дышу, кажется, все слышат, как поднимается грудь в глубоком выдохе, закрываю глаза и чувствую, яркий луч света на себе. Разоблачили? кричит во мне кто – то. Что я сделала?! Какие будут последствия? Прожектор скользит по оживленным мужчинам, звучит джазовая музыка, на сцену выходит девушка в кожаных переплетениях по всему телу, тугие ремни обвивают ее пухлую грудь и ягодицы, на лице маска красного цвета. Гранатовые губы соблазнительно смотрятся на белой коже, блондинистые волосы высоко убраны в узел, алый бант, держит маску на затылке, длинными лентами развиваясь при каждом движении. Мужчины затихают. Музыка в чувственном и сексуальном танце, под-

черкивает изящность движений, возбуждающих даже меня. Похотливость и проникновенность пробирающиеся в самое нутро интимных зон будоражат каждую клетку трепещущего тела. Красиво и одновременно волнительно, как будто танцуют для меня. После такого танца хочется оказаться в холодном душе, мое сознание содрогается, жар и захватывающий момент от удовольствия интимной связи. Девушка мысленно занимается со мной любовью, старается донести свою страсть до каждого присутствующего здесь. Гаснет свет все погружается в абсолютную тишину, сбитое дыхание то с одной стороны, то с другой, нервное посапывание и прерывистый звук – да. Не успеваю отдышаться, вижу, как на одном из столов, где мужчины сидят в черных масках, загорается один стул красным цветом. На него смотрят с завистью, он поднимается со своего места и удаляется в соседнюю комнату за темные шторы. Это ведь что-то означает? И снова играет музыка, на сцену выходит девушка в белых шелковых одеждах, при каждом ее движении легкая ткань раскрывает загорелые депилированные ноги, блондинистые волосы легкой волной обрамляют лицо в белой ажурной маске. Да, ее танец не менее страстный, чем предыдущий, такая же сцена, гаснет свет – и у мужчин за белыми столами, загорается один стул красным, он также встает и удаляется, теперь за светлые шторы в противоположную сторону зала. И так продолжается танец за танцем, пока на сцену не выходит девушка в красном костюме, в классической юбке – карандаш с огром-

ным разрезом сзади, в шелковой блузе, через которую просвечивает грудь, лицо также под маской алого цвета, чуть посеребрена в области глаз, длинные ноги в лаковых туфлях на высокой шпильке. Это она! Всплывает образ той дамы, выходящей из задней двери машины в тот самый вечер, когда впервые ее увидела. Меня парализует – она смотрит только на меня, со сцены движения и жесты посвящены мне, нет, это не кажется, чувствую всем телом. Все внутри содрогается при каждом ее взгляде через маску на меня, ощущаю страсть, соблазн, слабость, пыл, трепет, интерес, она хочет моего тела. Непроизвольно двигаюсь в сторону сцены, ближе и ближе, чтобы внимательно ее разглядеть и не упустить волну секса. Танец при каждом мягком, изящном, плавном изгибе тела, снизу живота подкатывает огненный шар медленно поднимаясь к груди и обратно опускаясь, обжигая все внутренние органы. Пересыхает в горле, приоткрываю рот, чтобы вдохнуть воздуха, которого, мне казалось, не хватает в этой комнате, представляю, что мы одни – она и я. Наши взгляды устремлены друг на друга. Никогда не могла бы подумать, что какой-то танец может так взволновать, в образе женщины. Останавливаюсь близко к сцене, передо мной она. Девушка спускается со сцены, приближается, ее лицо стынет напротив моего, чуть приоткрытый рот приближается к моим губам, обдает сладковатым ванильным ароматом. Запах вскруживает голову, ноги подкашиваются, волнующий взгляд поднимает меня высоко и тут же резко опускает вниз

со скоростью света, замедленное действие в прострации ее власти надо мной и выдох с всплеском эмоций мне в лицо, гаснет свет, сердце продолжает колотиться, как будто я бегу двести километров в час. Считанные секунды, и я озаряюсь красным цветом – меня выбирают. О, нет! Что дальше? Куда? Оглядываюсь с испугом, вижу девушку в маске, в строгом черном костюме, предлагает пройти за ней. Земля уходит из-под ног, медленно пробираюсь сквозь зал, слышу, как снова играет музыка, кто-то будет следующим. Плечусь за идеально стройной девушкой, ее ягодицы обтягивает черная юбка с длинным разрезом, при каждом шаге открывается внутренняя сторона ее бедер – по очереди то одна, то другая, а продолжением ее изящной ноги, туфли на высоком, тоненьком каблуке. Мысли кружатся каруселью, забываю, что внешне я мужчина, а внутри меня сидит женщина. Мы остаемся наедине в зимнем саду. Нас окружает многочисленное количество цветов, пальм, плетеных качель, палисадников с низкими голубыми цветочками, фонтаны, ручейки, и все это в здании на седьмом этаже, вид открывается фантастический. Ахаю женским голосом, и прошу закурить от перевозбуждения, мое тело колыхается и кажется – тронь меня – я разорвусь на мелкие кусочки.

Девушка не удивляется моему звонкому и мелодичному голосу, как будто здесь все женщины переодетые в мужчин. Она протягивает мне черные, тонкие сигареты, которых я никогда раньше не встречала, вместе с маленькой изящной

зажигалкой с пантерой на корпусе, с зелеными глазами, сверкающими при чирканье, и визитку с номером телефона со словами:

– Даже не сомневайся. Как будешь готова, позвони. А теперь можешь уходить, лифт тебя ждет. – указывает на открывающиеся платиновые двери позади меня.

Не успеваю закурить и перевести дух, вхожу в лифт, в недоумении, с крепко зажатыми в руках сигаретами и зажигалкой, с растерянным взглядом сквозь маску. Передо мной медленно закрываются двери. Тело опускается вниз с обрыванием сердца от внезапной невесомости. Прокручиваю ее слова в голове: «Даже не сомневайся», – в чем? Раскрываю ладонь с визиткой, один номер телефона, ни имени, ни фамилии, ничего. Лифт раздвигает тяжёлые двери, оказываюсь сразу же на улице в каких-то темных дворах. Наконец-то снимаю маску, закуриваю черную сигарету с ароматом пачули, разглядывая зажигалку при ночном освещении, вспоминаю все то, что увидела, нахожусь под большим впечатлением, не соображаю, кто я? Где я? Что все это значит? Выпускаю табачный дым изо рта, ловлю мысль о детях. Дети! Мои детки! Срываюсь с места в сторону дома. В какой стороне нахожусь, куда бежать? Теряюсь в темных улицах, бегу на свет в конце туннеля сквозь дворы. На ходу достаю телефон, включаю и смотрю на загоревшийся экран смартфона, двадцать семь, ого. Адриан! Наверное, уже вернулся. Страх гонит меня домой.

Раскрываю дверь в дом, не обнаруживаю его ботинок, всегда поставленных в уголок так, чтобы никто на них не наступил. Огромный груз падает с сердца, бегу в комнату к деткам. Ангелочки спят в обнимку. Нежно целую их по очереди, с улыбкой на лице отправляюсь в холодный душ. Аккуратно складываю визитку во внутренний карман пиджака, костюм убираю на самую дальнюю полку шкафа, куда залезаю только я.

Шум воды, напор струи из круглой лейки на мою грудь, закрываю глаза, вспоминаю девушку в красном, мысленно позволяю ей прикоснуться ко мне. Вспоминаю дыхание и запах, исходивший из ее рта. Мои ноги сводит неведомая сила, ее руки касаются моей трепещущей груди, нежными и медленными движениями опускаются к лагуне, готовой взорваться от малейшего дуновения, навожу струю воды между ног – и вот оно. Меня разрывает во все стороны, тело извергается в глубоком, низком стоне. Кружится голова, обмякшее содрогавшееся туловище валится на пол в душевой, глаза закатываются, кусаю губы от невероятного, впервые испытанного чувства. Непонятно, что происходит, теряю себя и контроль над своим телом, мне нравится это чувство, резкая пульсация внутри моей вагины с продолжением приятного наслаждения. Сжимаю лейку бедрами с мыслями: как можно это чувство назвать? Откуда оно? Так внезапно. Что со мной? Улыбаюсь своему отражению в запотевшем зеркале, вижу не себя, а другую женщину, ту самую блондинку в

маске, страстные губы в дурманящем дыхании. Укутываюсь полотенцем, выхожу из ванной, безумно легко и хорошо, как будто упала тонна груза и боли. В темном коридоре возле входной двери меня не пугает силуэт Адриана, смотрящего на меня округленными глазами.

– Доброй ночи. – тихо произношу я. Прохожу мимо и ни минуты не задерживаюсь взглядом на нем, не до того, новые чувства поглотили с головой, во мне затаилось умиротворение после кипящей бури, страсти и желания.

Адриан, как вкопанный, стоит несколько минут, переваривает, почему жена не отреагировала на поздний приход, неужели он не понимает о том, что она все знает? И не малейшей догадки о том, как она несчастна в браке и ее попытки изменить ситуацию. О том, как считает минуты до его прихода, кусая губы в кровь, тишина сжимает стены от тоски. Отложив расспросы на завтра, все же отправляется спать в детскую комнату, не подозревая, о том, что жизнь жены меняется.

Субботнее утро. Просыпаюсь одна в кровати, улыбаюсь новой традиции в нашей семье. Слышу детей на кухне с папой, доносится ароматный запах яичницы с беконом и свежесваренного кофе. Но я не тороплюсь вставать, растягиваю тело на всю кровать, скрываюсь с головой под одеяло, вспоминаю сегодняшнюю ночь до последней мелочи, яркие и поразительно приятные волнительные ощущения. Мне хочется возобновить этот вечер еще раз, вспоминаю про визитку

и слова девушки: «Даже не сомневайся», – что они значат? Мне предлагают работу? Или услуги девушки, которая для меня танцевала? Позвонить? И спросить, что от меня требуется? Неожиданно мои мысли прерывает нежный голос мужа. Сдергиваю одеяло, открывая свое лицо. Мне стыдно, как будто я что-то сделала запретное или изменила ему, кого-то убила, не знаю, отчего такое чувство вины? Но все же смотрю на улыбающееся светлое лицо.

– С добрым утром. Завтракать будешь? – присаживается на край кровати около меня.

Я безумно голодная, его аппетитные слова про завтрак сводят мой желудок до спазмов в животе.

– Доброе. – улыбка на его ясный взгляд. – Буду.

Он протягивает свои руки и кладет мне на живот поверх одеяла с вопросом:

– Что с тобой происходит? Ты изменилась?

Я удивляюсь его вопросу. Да, я изменилась внешне, не спорю, похудела на пять или шесть килограммов, новая прическа и внутри меня делимая граница на то, что было и что становится.

– В чем я изменилась? – в ответ задаю вопрос.

– Не только внешне, что-то явно происходит в твоей голове, и меня это волнует.

Волнует? Зачем он врет? Значит, когда я была толстая и страшная, его это не волновало, и он даже ни слова об этом не сказал, а тут, когда я начала меняться, заволновался. Это

меня должны тревожить его походы по гостиницам и романы с новыми деваками, он что, издевается надо мной?

– Я пытаюсь измениться, исправить свои ошибки, чтобы ты на меня взглянул как на женщину. – держу себя в руках, чтобы не выдать своего негодования.

Он вытягивает свое лицо, лицевые мышцы ходят ходуном.

– И все же? – настаивает он.

От чего он так интересуется моим внутренним миром? Ведь он этого никогда не делал. Неужели я так сильно изменилась? Что выдает меня? Мне хочется услышать о моих изменениях с его уст, задаю ему вопрос:

– Что во мне изменилось? Что тебя так задевает?

– Твои глаза, они светятся, ты по-другому ведешь себя и вообще изменилась во внешности очень сильно. Что тобой движет?

– Просто однажды я взглянула на себя в зеркало и испугалась своего тела, я не узнала себя, вот что со мной произошло, – неуверенно добавляю фразу, чтобы он знал: – Да, и твои слова сильно ранили.

– Как я мог тебя ранить? Ведь я вообще старался тебе ничего не говорить.

– И делать. – тихо добавляю я.

– Что ты имеешь в виду? – закатывает глаза.

– Я забыла твои ласки, что такое секс. Его вообще нет. – ловлю его серьёзный взгляд на мне. – Вот я не могу понять одного, как же ты? Неужели тебе не хочется?

– Чего? Ты сейчас про что? Ведь он был... – забыл когда. Застывает на полуслове, он заводится, слова бьют в самое больное место, и мне хочется немного его раскрутить и увидеть, как будет выворачиваться.

– Я про секс, между нами.

Адриан ерзает на месте, отдергивает свои руки и скрещивает их на груди, строго смотрит:

– Я много работаю, сам забыл про это слово.

– Слово – ясно, а чувства?

– Ада?!

– А разве я не права?

– Так, подожди, у тебя кто-то есть? – начал выкручиваться из ситуации, обвиняя меня, ну, конечно, чтобы отвести вину от себя, ее нужно перекинуть на другого человека, отличный ход. Я засмеялась ему в лицо.

Нервничает, глаза бегают в разные стороны, лихорадочное подергивание лицевых нервов, скованные движения рук, то скрестит их на груди, то положит на край кровати, чтобы вытереть пот с ладоней от волнения. Не знаю почему, но мне в данный момент не страшно, если вдруг он мне раскроет карты, что у него другая, что любит ее и хочет уйти, но всем своим нутром осознаю, что он этого не скажет, он будет держать оборону до последнего, может, поэтому не боюсь его потерять. Это уже произошло, в ту ночь, когда видела с другой, во мне что-то умерло. Я его отпустила, пережила этот момент.

– У меня? А может, наоборот? – округляет свои глаза на мои обвинения, и бьет словами в самое сердце.

– Если вдруг, – злостный взгляд, – Я узнаю, что у тебя кто-то есть...

– Что тогда? – с нетерпением ожидаю его ответа.

– Тебе придется туго, – выдыхает яд из глотки на меня. – Я дурак! Я тебе больше ни копейки не дам.

– А при чем здесь?... – насторожилась я, ведь мне нужны деньги.

– При чем?! Ты за мой счет чего-то хочешь добиться. Любви на стороне значит ищешь.

– Ты и правда дурак. Как я могу, ведь с детьми сижу. Когда? О чем ты?

– Ада, смотрю, как ты меняешься, как себя ведешь, такого с тобой еще не происходило, явно это не дети на тебя влияют. А что-то извне. – удаляется из комнаты, хлопая дверью.

Мое утро испорчено, и теперь мне вставать, совсем расхотелось. Почему, когда ты хочешь поменяться, хоть чуть-чуть понравиться мужу, тебя обвиняют в измене?! Меняя себя, думаешь о муже, не ешь и моришь себя голодом – тоже думаешь о нем, подбираешь нижнее белье для него, и пускай оно дико неудобное, но зато, как оно смотрится на теле, тоже для него. И ни одной мысли об измене, чтобы в кровати с другим. Ни одной, все только о нем! Ну и пусть думает, главное, что я сама перед собой честна. Знаю, что никому не изменяю, буду продолжать перерождаться. И вот на сме-

ну всем моим сомнениям приходят другие: визитка, девушка, ее дыхание, и вновь накрывает та самая волна, которую я вчера испытала. Задумываюсь, прикусив губу, нет, ему этого не расскажу, нет, это будет моим секретом, только моим. В голове осознанное прозрение, вчера в душе впервые испытала оргазм, да, это он. Во мне все ликует. Сногшибательное чувство, не в постели с мужем, а от дыхания той блондинки, страсти, взгляда. От женщины, не от мужчины. Нет! Я что, лесбиянка? Понемногу прихожу в себя. Я кончила не от прикосновений женщины, а это обстановка повлияла на меня, нет, я себя успокаиваю. АДА, что с тобой? Становится не по себе, мне никогда не нравились женщины, я на них не смотрю, как на объект вожделения, меня всегда притягивают мужчины. А может, я себя не знаю? Просто не пробовала? Нет! Эта мысль явно мне не нравится. Никогда не была с другим мужчиной, кроме своего Адриана, ну и с женщиной тоже. Но вчера – это факт! И тут я твердо решаю, что нужно позвонить и узнать, чего от меня хотят. А если работа грязная, в моем понимании, с детства в меня вложили, что разврат, стрип-танцы – это плохо, секс за деньги – это не есть хорошо. Это преступление, так, на минуточку. Ведь я могу отказаться. Просто выслушаю и сделаю для себя выводы. Меня ведь никто заставить не сможет. Да, я позвоню. Слышу, как хлопает входная дверь, Адриан ушел. Соскакиваю с постели, выглядываю в коридор, шлейф парфюма висит в воздухе, все, что от него осталось. Глубоко внутри оседает боль,

хотелось провести выходные без ссор и чувствовать, что у меня есть семья, муж. Дни явно испорчены, они для Адриана, несомненно, устремил свои лыжи к другой. Причина – наша ссора. А может, он специально ее спланировал? Чтобы не оправдываться передо мной, взять и уйти вот так по-английски. Укол боли в мое сердце, гордость, женскую суть. Пусть будет так, что мне остается делать? Кричать? Биться в истерике? Внутри все бурлит. Но я внешне спокойна, протягиваю руки навстречу Розы, которая бежит со словом:

– Мамочка!

Прожить еще пару дней сурка до звонка, в понедельник он будет актуален, нежели чем в выходные.

Как ни печально, Адриан не возвращается домой в субботнюю ночь. Конечно, я ему позвонила и в телефонной трубке услышала, что «абонент вне зоны доступа». Детки уснули, и я вместе с ними, стараясь не думать о измене, которая так вымотала мой мозг и угнетает все больше и больше. Воскресенье оказалось пасмурным и дождливым, и мы решаем остаться дома, затеяли прятки, провели время за просмотром семейного фильма, про пса, который возвращался домой. Размесили тесто, и смастерили пиццу, успевая вытаскивать сырое тесто из рта Розы. И ни на одну минуту меня не отпускала мысль, где Адриан? День подошел к ночи, дети уснули, а я распахнула окно, закурила, налила в бокал красное вино, пристально изучая то здание, вспоминая вчерашнее событие. Вижу, как подъезжают дорогие машины, ши-

карных мужчин, точно стопроцентных мужчин, не женщин, переодетых в них. Может, меня раскусили? И дали эту визитку? А, что, если я сейчас позвоню? Бросаю взгляд на часы – час двадцать одна. Кусаю губу, пристально смотрю на мужчину, который скрывается под куполообразным козырьком этого здания. Мне хочется вновь оказаться там, еще раз испытать те чувства. Докуриваю сигарету, набираю номер телефона, гудки недолгие.

– Я рад, что ты позвонила. Завтра буду ждать на Тет дор возле фонтана в семнадцать часов, до встречи.

Не успеваю даже открыть рот, бархатный мужской голос с французским акцентом четко, ясно и понятно донес до меня информацию. У меня трясутся коленки. О нет! Кто он? Может, это уже мой клиент? Меня за шлюху приняли? Не понимаю, кто это? И для чего встреча? Как одеться? Много вопросов возникло в моей голове. Чего от меня хотят? Куда я связываюсь? Нет, я никуда не пойду. Это точно. Скорее всего один из тех богатых мужчин. Закуриваю, нервно думаю над словами из телефона, вспоминаю интонацию голоса, как сказано. Но почему он был уверен, что это именно я позвонила, а не кто-то другой? А может, они так всем раздают визитки и назначают встречу? И он явно знал, что я женщина, а не мужчина. Точно, меня разоблачили. Мои размышления прерывает звук открывшейся входной двери, через несколько минут вижу Адриана на пороге кухни в расстегнутой до середины груди рубашке и в развязанном галстуке, от него

разит алкоголем. Продолжаю сидеть на подоконнике, глубоко затягиваю горький дым сигареты, и смотрю в полумрак на силуэт своего мужа.

– Вот чем ты занимаешься, значит пьешь и куришь. – пьяной ухмылкой произносит он.

– Где ты был? – тушу сигарету и подхожу к нему. Провожу нежно рукой по небритой щеке и осторожно прикасаюсь к его губам. В нос ударяет запах чужих женских духов, посторонний аромат на его лице. Шарахаюсь от него.

Он хватает мою руку и прижимает к себе.

– Я блуждал по улицам один и думал о нас, – начинает врать, но я уже все поняла по чужому аромату. Настораживаюсь и добавляю:

– И?.. – тяжело дышу, переваривая его аромат вперемешку с алкоголем.

– Почему я с тобой? – задумывается он.

– И?.. – нервно сомневаюсь в его намерении рассказать правду про другую.

– Я не могу этого объяснить, – выдыхает тяжестью мыслей мне в лицо.

– И?.. – сглатываю, задержав дыхание, ожидая очередной боли и разочарования.

– Я хочу тебя... – притягивает меня к своим губам и страстно целует.

Я чувствую неприятный запах не только от его кожи и одежды, но и от грязных мыслей, которые воняют еще силь-

нее из его подсознания. Он только что обнимал другую и так же целовал, как сейчас меня. Я хочу его оттолкнуть и влупить пощечину, осезаю чужой аромат и при мысли о другой, мне становится отвратительно, противно, мерзко, но продолжаю его целовать. В голове маячат чувства, которые я испытала в ванной, время приостанавливается от предвкушения вновь испытать их с ним, с мужем. Закрываю глаза, останавливаю поцелуй, ласки, если можно так их назвать. Пробую отключить мозг, забыть, кто я и кто он, хотя бы на это время. Стягиваю с себя футболку и трусы, стою обнаженная перед ним, одновременно стараюсь подавить свою стеснительность перед удивленными глазами мужа. Жестко хватаю его за развязанный галстук, усаживаюсь на край кухонного стола, расставляю ноги в стороны, притягиваю Адриана к себе. Прикосновения пьяного барана, с громким сопением мне в грудь отодвигают виртуальность представления удовольствий. Мучительно стараюсь отключить реальность взамен на ту блондинку, никакого прикосновения – и оргазм был достигнут. Но действительность берет вверх, он стягивает штаны, пытается войти в меня, но я его играючи отклоняю, даю понять, чтобы не торопился.

– Ты со мной играешь? – стонет он.

Я беру его руки, аккуратно кладу на свою грудь и медленным движением веду вниз. Адриан внимательно смотрит мне в глаза и пытается понять действия. Во мне вспыхивает страсть, вспоминаю запах блондинки, ее губы, как она смот-

рела и дышала. И как только его руки дотрагиваются до моей лагуны, выхватывает их и резким движением входит в меня, все обрывается, мое возбуждение сходит на нет, не успеваю сообразить, он уже кончает с громким вздохом мне на ухо:

– Сегодня ты превзошла саму себя.

Я закрываю глаза. Все вернулось на круги своя, возвращается запах перегара, чужой парфюм незнакомки, секс, которого я вовсе не желала. Чувствую себя использованной, не нужной подстилкой. Он удаляется в ванную с довольной улыбкой на лице, а я затягиваюсь горьким дымом сигарет, плачу, гляжу на те двери, вспоминая девушку в красном, твердо решаю: идти на эту встречу, а с детьми останется он, скажу, что хочу пройтись по магазинам. Точно, так и сделаю. Я желаю вновь увидеть блондинку, снова испытать то чувство.

Да, все так и получилось на следующий день, Адриан приготовил завтрак, ходил возле меня, как кот и благодарил за вчерашнюю ночь, но ведь я ничего такого не делала, все по сценарию: я неудовлетворенная, а он на седьмом небе от счастья. Но стоило сказать, что я хочу прогуляться по магазинам одна, он с удовольствием меня отпускает, да еще и денег дает. Непроизвольно ощущаю неприятное душевное состояние – как будто меня купили, за ночь удовольствия. Взамен получаю пару часов свободы и денег в придачу. Чувствую себя продажной шлюхой. Осознаю, что все же достигла цели, путем неудовлетворения и унижения себя.

Стою возле фонтана на Тет дор и жду, кого не знаю, но мое сердце выбивается из ритма. Постоянно оглядываюсь по сторонам, ожидая встречи, с кем? И с чем? Головой понимаю, что я, как дура, чего-то жду и от глубокого волнения кусаю губы. Нервно считаю секунды про себя, а глазами пытаюсь кого-то увидеть. Время, как будто в одно мгновение останавливается, натываюсь удивленными глазами на афроамериканца. Он сидит на лавочке в дорогом, классическом костюме, молочного цвета, яркий галстук броско выделяется на белой, в красную клетку рубашке, темные очки каплеобразного вида придают оттенок коже и гармонируют со шляпой с небольшими полями и седой бородой. Чувствую ту же энергетика, как в клубе, хотя глаз не видно из – за солнцезащитных линз, испытываю невероятное желание подойти. Жадно рассматриваю красивого человека, длинные пальцы лежат на рукоятке белой трости в виде головы гепарда с красными рубинами. Ну, конечно же, это он. Вот кто мне назначил встречу. Кто я для него? Тяжело сглатываю, медленным шагом, под гипнозом, двигаюсь в его сторону сквозь толпу, на вызов. Коленки трясутся, как у первоклассницы перед сверстниками во время рассказа стихотворения. Что я делаю? Назад. А я делаю шаг вперед. Назад, остановись, одна половина меня кричит второй. Не слушаю, шаг за шагом приближаюсь. Останавливаюсь напротив импозантного мужчины. Его вальяжность, нога на ногу, улыбка, внушает мне добрые намерения. Хлопает рукой по лавочке, блистая

огромным алмазом на среднем пальце, давая понять мне, чтобы я села рядом. Топчусь на месте, оценивая обстановку и его внешний вид, все же решаюсь сесть. Внимательно разглядываю лицо, ему больше сорока лет. Серьёзность, солидность, стиль, замечаю, что борода не седая, как мне показалось, а выкрашена и коротко выстрижена в голливудском стиле, она закрывает нижнюю челюсть, подбородок и соединяется с усами, приятно смуглая кожа в сочетании с белыми линиями на лице придает брутальность и секс.

– Здравствуй. Знаю, что у тебя миллион вопросов. Не отвечу ни на один, который ты попытаешься задать. Я вручу тебе бумаги, с которыми ты ознакомишься, и если ты будешь согласна, и только тогда, когда подпишешь договор, отвечу на все твои вопросы, – из черного кейса достает и протягивая мне красную кожаную папку, продолжая монолог: – На принятие решения тебе дается ровно шесть дней, в это же время, на этом же месте, – глубоко вдыхая мой запах, чуть прикрыв глаза, он добавляет, немного картавя французским акцентом: – Она права, ты пахнешь божественно, до скорого, – встает с лавки, оборачивается, добавляет: – От этого будет зависеть твоя жизнь, сделай правильный выбор. – не торопясь, сливается с толпой.

Я сижу на лавочке, как прибитая гвоздями, не могу ни пошевелиться, ни моргнуть, ни подумать, я шокирована. Раскрываю папку, глаза натываются на резную ручку красного цвета с золотыми вензелями «ЕГ». Кручу в руках, внима-

тельно рассматриваю, пытаюсь вспомнить эти буквы, но на ум ничего не приходит. На первой странице крупными буквами написано «Конфиденциально», начинаю жадно читать:

«Здравствуй, Ада, я все про тебя знаю, как ни странно, но это так. Мне не терпится познакомиться лично. Знаю, у тебя много накопилось вопросов, скоро все узнаешь, наберись терпения.

Этот человек, который передал тебе папку, по имени Джонни – мой лучший друг, он тебе во всем поможет. Но для этого ты должна согласиться со всеми пунктами, которые представлены, твоя подпись обязательна, развернутые фамилия, имя.

Все, что будет происходить с тобой в течение трех месяцев, не должна об этом никому рассказывать, делиться эмоциями, продолжать жить так, как жила, ничего не меняя.

– Тебе дается три месяца на то, чтобы похудеть до сорокового размера.

– Ежедневная растяжка, спорт, бег по десять километров, пресс, балет, бассейн, пилон, полотна, а также диета.

– Самое главное, что ты должна вынести – это воздержание от секса с кем-либо, и в том числе с мужем, это одно из условий!

– Отказаться от сигарет, спиртного, сладкого.

И только тогда, когда ты будешь готова, я лично с тобой встречу и отвечу на все твои вопросы, а дальше ты будешь решать сама, как тебе быть, выбор

останется за тобой.

Три месяца, я обещаю – тебе понравится новая жизнь!

Ада, у меня есть глаза, и они повсюду, помни об этом, подписываясь под этим соглашением, я буду знать о каждом твоём шаге и о том, был ли у вас контакт с мужем, не думай, что ты сможешь меня обмануть. Если ты не выполнишь хотя бы один из пунктов этого соглашения, связь между нами прервется так же быстро, как и начнется.

Желаю тебе удачи, с нетерпением буду ждать встречи с тобой.

Я верю в тебя.

С любовью, ЕГ».

Ух-х, как? В моей голове не укладывается все то, что я читаю.

– Это серьезно?! Нет, это серьезно? – вслух произношу я, оглядываясь по сторонам. Связь с мужем? Но как? Три месяца? А дети? Про них ничего не сказано. О, Боже, кто ты? Чувствую на себе пристальный взгляд, оборачиваюсь именно в ту сторону, откуда идет мощнейшая энергетика, позади себя ловлю ее взгляд под маской, красные губы в приоткрытом затемненном окне черного авто, медленно проезжавшего мимо меня, та самая блондинка, аромат доносится до меня тонкими нотками предвкушения сладостной встречи. Внизу живота поднимается буря, ощущаю ее между своих ног, сжимаю бедра. Хочется увидеть ее лицо, испить, здесь

и сейчас, но она проезжает мимо, затемненное окно поднимается вверх, пряча лицо под маской. Мысленно прошу: «Останься, я хочу тебя». Комкаю ткань платья в своих руках, судорожно сглатываю, провожаю взглядом тонированного BUGATTI, скрывшегося за поворотом.

Набравшись сил, трезво мыслить, хватаю папку, не копошась, быстрым шагом направляюсь к выходу из парка, чтобы встряхнуть своё возбуждение, но почему она меня так будоражит? Ее запах сводит с ума, теряю контроль над собой. Никогда так не сходила с катушек ни от мужчин, ни тем более от женщин. Через дорогу я захожу в кафе, чтобы чего-нибудь выпить и притупить чувство, которое меня распирает, кажется, что я вот-вот испытаю оргазм, стоит закрыть глаза хоть на минуту.

– Виски с колой и со льдом, и крепкого кофе со сливками, – дрожащим голосом прошу бармена, перевожу дух на другие мысли, только не о ней, только чтобы скинуть молекулы ее аромата с носа.

Усаживаюсь возле витрины, крепко затягиваюсь зерновым ароматом кофе, залпом выпиваю бокал виски, и только тогда, когда мои чувства притупляются, бросаю пустой взгляд за окно, на проезжающие мимо меня автомобили, прохожих людей, бегущих кто куда, не оглядываясь назад. Одна ночь в том клубе поворачивает мою жизнь в другое русло. Кусаю губы, тереблю свои пальцы, вспоминаю ее образ. Перечитываю условия контракта, опять возвращаюсь к

ней. Закрываю глаза и чувствую ее аромат, сладкий, дурманящий, живот сводит, пальцы немеют. Почему я должна согласиться? Что во мне такого? Вспоминаю слова той девушки: «Даже не сомневайся», – и откуда они обо мне все знают? Как такое возможно? Вихрем кружатся мысли, не могу найти ни одного оправдывающего ответа, который помог бы мне как-то выйти на верную дорогу цепочки событий и спланировать свою дальнейшую жизнь, как я привыкла. Машины перед моими глазами перемещаются, как в компьютерной игре, туда-сюда, дневной свет превращается в вечерний – ночной, фары освещают и слепят глаза, но я продолжаю сидеть и смотреть на улицу, проезжаю часть дороги, машины в желтом свете, яркий ночной город. Я не уверена ни в чем и ни в ком, тем более в муже, моя жизнь рушится, знаю, что не выдержу, не смогу быть с ним, боль, которую он причинил, сидит во мне, сверлит глубокую дыру, каждый раз, когда я представляю его с другой, чувствую от него чужой аромат духов. Его мысли кричат о других, не знаю от куда это? Но я слышу их, и от этого мне становится болезненнее. Боль от того, что не могу ничего сделать или его нежелание меняться и услышать меня. А если он бросил пустую фразу про другую жизнь, то мои возможности, как женщины перед ним, на нуле. Если я соглашусь и подпишу контракт, и моя новая жизнь мне понравится, какой ценой? Чем придется платить? А если не понравится? То возврата не будет. Перечитываю вновь строки контракта, переосмысливаю напи-

санное, по сути, я ничего не теряю, о соглашении никто не должен знать, почему бы не рискнуть? Сказано, что всего три месяца – и я смогу решить, как дальше поступить, а что меня будет ожидать? Время уходит, я не замечаю его, оно ускользает по минутке, не слышу звонки от мужа, многочисленные приходящие СМС. Неделя на раздумье, а мне кажется, что этого времени мало, или много? Чего я хочу? Хочу, чтобы мои дни сурка окончились, оборвались после подписи в контракте? Или хочу продолжать жить так же, ждать и надеяться на лучшее? Что меня ждет в будущем? Я на распутье, и сама решаю сейчас свою судьбу. вздрагиваю от тихого голоса официанта над моим плечом:

– Может, вам повторить? – наклоняется ко мне с озадаченным лицом.

– Нет, спасибо, – обращая внимание на то, что мои бокалы пусты, уже несколько часов подряд. – Я уже ухожу, – встаю и направляюсь на улицу. Замечаю перемену дневного света на искусственный. Сколько времени прошло? Торопливо мчусь домой.

Окончательно прихожу в себя, на пороге дома. Дверь открывает Адриан, его испуганный вид приводит меня в трезвое состояние и в реальность.

– Ты где была? Что случилось? Почему ты не отвечала? Да почему ты молчишь? Ада! – его прикосновение к плечам, горячее дыхание вперемишку с запахом колбасы и лука приводят в окончательное осязаемое чувство.

– Я устала... – сбрасываю с ног красные туфли, облегчение – вот что мне нужно было, с легкостью вздыхаю. Тащу себя в ванную. Опустошение, дикая усталость в теле, мысли нынешних событий давят тонной на меня, хочется принять душ и лечь в кровать. Включаю воду на всю катушку, погружаюсь в водную тишину, на мгновение становится легче. Расстегиваю длинную молнию платья, не отрывая взгляда от зеркала, остаюсь в нижнем кружевном белье, рассматриваю себя грустными глазами, смотрящие по другую сторону. Да, безусловно, похудела, живот и бока растаяли, кожа обвисла, остается спорт и несколько процедур, я практически вернулась в свою форму сорок четвертого размера, а по контракту нужно похудеть до сорокового, что мне это даст? Для чего это? Кем меня хотят сделать? Стоит ли идти на это? Мои размышления обрывает муж, раскрывая двери и заглядывая в ванную. Его глаза расширяются, разглядывая мое тело в нижнем белье. Входит, закрывает за собой дверь, тихой поступью подходит. Игра в его глазах. О, нет! – кричит в моем сознании. Горячие руки опускаются на плечи. Набираю полные лёгкие воздуха, сосредоточенно наблюдаю свет в его зрачках.

– Ты чертовски красива. А пахнешь сногшибательно. – скрепит он. Скользит взглядом по животу, к груди, смотрит в мои глаза. Обнимает за талию, прижимает к себе.

– А детки? – расслабляюсь в его объятиях.

– Заснули, я ждал тебя, весь день? – проводит ладонью по

спине, цепляясь за крючки бюстгалтера.

– Я просто бродила по улицам, зашла в кафе, ничего такого, просто новая картинка без детей, – выдыхаю. – Спасибо тебе, что дал эту возможность, – закрываю глаза и поддаюсь ласкам, вдыхаю его кожу, пропитанную ароматом домашней еды, едким парфюмом в области груди, шеи и лёгкие нотки пота намытого тела, неприятный запах изо рта, все это не возбуждает, а, наоборот, отталкивает, но я делаю вид, что мне хорошо рядом с ним. Отвечаю на поцелуй еле уловимыми движениями губ, а в голове ураган мыслей: так же он целует ту блондинку? Дышит ли на нее резким запахом переваренного лука. Боль в области сердца, душа замирает, раскрываю глаза смотрю на него, как он получает удовольствие. Любишь ли ты меня? Что чувствуешь, когда прикасаешься ко мне? А к другой? Какие эмоции испытываешь? Опускаю руки на его голову, запускаю пальцы в волосы, он стонет, кусает нижнюю губу, руками скользит на грудь, перепрыгивая на ягодицы, и вновь возвращаются на грудь. Я спускаю ладони на его плечи, на упругую грудную клетку. Когда он находит время для своего тела? Я не раз натыкалась на его спортивную сумку в машине, куда он ходит, с кем? Я о нем ничего не знаю, он чужой. Резко разворачивает меня лицом к зеркалу, раздвигает ноги и грубо входит. Издаю звук, тугого проникновения в меня, я сухая невозбужденная, как всегда, это бывает. Терплю, наблюдаю за его выражением лица в зеркало, за играми мышц рук и пресса, работаю-

щих при каждом вхождении в меня, то быстрыми рывками, то медленным скольжением. На какой то миг сознание возвращается к ней, к ее губам красного цвета, к глазам черного цвета с пылающими огнями в зрачках, аромат, достойный к возбуждению, опускаю веки, чувствую энергию образовавшуюся внизу живота, она зреет, вспоминаю ту ночь, танец, ее выпирающие соски через ткань, дыхание, я горю, вот, вот, мышцы ног сводит. Адриан вытаскивает член и орошает мою спину спермой. Вздрагивает, сжимает мои бедра пальцами, впиваясь ногтями в кожу до болезненного ощущения. Как же он быстро все делает. Я почти была рядом, он даже не желает того, чтобы я кончила, или он не догадывается о том, что женщина умеет это делать? Почему не может довести до оргазма? Отдышка от воспоминаний, жду, пока он примет душ и выйдет. Его веселый тон голоса, что-то говорит сквозь шум воды, как провел день с детьми, что понравилось возиться с малышкой, играть в прятки и что-то еще, не могу разобрать ни слова, я далеко от него, от детей, от дома, от всего того, к чему так привыкла. Гул в голове продолжается: сроки контракта, инициалы, ее присутствие, афроамериканец в белом костюме и его парфюм, так и стоит перед носом.

Детки были уложены в свои кровати, я удивляюсь, когда захожу в комнату, как-то пусто, и кого-то не хватает, не привычная обстановка. Адриан лежит в постели и озадаченно лазит в телефоне. Я скольжу к кровати, молча, ложась, накрываюсь одеялом и утыкаюсь лицом в подушку. Аромат Ро-

зи на моей наволочке успокаивает, веки смыкаются. Адриан убирает телефон под подушку, как будто боится, что я ночью возьму его и прочту все то, что там есть, но у меня никогда не возникало такого желания, и тем более взламывать пароль, как многие мамыши. По их рассказам на детской площадке, множество раз это делали и в итоге, кто – то разводился от узнанной информации, кто – то ругался в пух и прах, а кто – то ничего не находил и разочаровывался в этом, и надумывали себе, что они не такие как все, что у мужа никого нет, даже любовника, и это их так расстраивало и вводило в депрессию, может поэтому мне не хочется с ними общаться из – за не понимания чего же они хотят, не только от мужей, но и в целом от жизни. Его рука падает мне на талию, дыхание пристроилось у уха, теперь с ноткой мяты зубной пасты, но все равно лук берет свое, углубляю нос в подушку, выдыхаю и тихо говорю:

– Почему ты меня не доводишь до оргазма? – слышу прерывистое дыхание, а потом оно пропадает, рука скользит на мое оголенное плечо.

– А тебе разве хочется? – удивление в голосе.

Что? Хочется? Блин, он, что себе думает?

– Что? – чуть ли не захлебываюсь от возмущения.

Разворачиваюсь к нему лицом, усаживаюсь в постели и иступлено всматриваюсь в его светящиеся глаза, в комнате залитым ночным светом.

– Подожди, у нас об этом никогда и речи не было. – при-

поднимается он на локти.

– А разве об этом говорят? – мысленно успокаиваю свой тон нетерпеливого голоса.

– Ты для этого ничего не делаешь, о чем речь? – с простой наивности, играет пальцами по одеялу, раздражая еще сильнее.

Он что серьезно?

– Адриан, подожди, что я должна делать? Давай с этого начнем, я не понимаю.

Он ухмыляется в своей нахальной улыбке, которую недолюбливаю, этим самым он дает понять, что выше меня во всем, и когда пытается меня задеть, подкрепляет это своей ухмылкой.

– У нас с тобой все неправильно, и каждый раз задаюсь этим вопросом. – ухмылка исчезает. – Честно, не знаю, как это все исправить.

– Что исправить? Что у нас не так? – ком подходит к горлу.

– В тебе что – то есть, что невозможно сломать. – откидывается на подушку, смотрит в потолок, старательно подбирает слова, над чем я задумываюсь, он не стремится меня сейчас как-то уколоть или надсмеяться надо мной, а наоборот, пытается что – то донести, склоняю голову, жду. – Понимаешь, всякие непристойности с тобой, не вяжутся, но желание трахнуть тебя выше меня, да еще в последнее время, когда ты начала меняться.

– О чем ты сейчас говоришь? – ловлю его взгляд вернув-

шийся от куда-то.

– Разве ты не понимаешь? – искоса смотрит. Он намекает мне про другую? Он хочет сейчас признаться? Мне стоит сознаться о том, что я все знаю?

– Нет, я вообще тебя не понимаю. – держу его взглядом, боясь высказать правду.

– Ты представляешь себе, какого это, когда женщина берет твой член в рот? Давай с это начнем. – приподнимает подушку к изголовью кровати, и облокачивается на нее, скрестив пальцы на своих вытянутых ногах.

У меня раскрывается рот, что я должна сейчас ему ответить? Мысли крутятся, и я не могу остановить поток на нужном ответе.

– Ты хочешь сказать, что у тебя кто-то есть? – медленно выдавливаю боль из своей глотки.

– Нет, нет, это здесь не причем. – начал он, не сомневаясь в моих догадках о его изменах. – Я же говорю, ты не вяжешься у меня с такими вещами, да и ты никогда не желала этого сделать, и приходил к выводу, что все в порядке у тебя в плане оргазма.

– Так подожди, как я не желала? – вспоминаю нашу половую жизнь, кроме одного раза, когда пыталась что-то сделать, дойти до того момента, когда разорвусь в конвульсиях своего тела, после ночи в клубе. А в основном, действительно, никогда не пробовала и не желала, просто все как-то быстро происходило, да и он к этому не стремился, меня

не ублажал, как в порно фильмах. – Ты и не показывал своего желания. – чуть ли не шёпотом говорю, опускаю голову на белую простынь. Неужели он все это делает с другими? Предательская боль ласкает мои нервные окончания.

– Ты хочешь попробовать? – берет мою руку и жмет ее в своих вспотевших ладонях, я бросаю на него взгляд с надеждой, что у нас может все получиться. Неуверенно киваю головой.

– Ты уверена? – шепчет он.

– Да. – выдыхаю. Он тянет меня к себе, прижимает к груди, гладит по волосам, по плечам легкими прикосновениями рук. Погружаюсь в раздумье того, что мне придется попробовать на вкус его член, а взамен я получу необыкновенное чувство. В предвкушении лучшего, засыпаю на груди в объятиях Адриана.

Понедельник, вторник и остальные последующие дни по расписанию. Поведение Адриана, абсолютно изменилось. После вчерашнего разговора, мне на какое – то время показалось, что мы сможем справиться. Новые завитки в интимной жизни должны дать отrostки семейным узам. Но мне лишь приходится терпеть истерики Розы по утрам, недовольное лицо мужа и унижающие фразы по поводу моего неумения справляться с детьми. Руки опускаются все ниже и ниже, в попытке приготовить завтрак и по максимуму создать тихую семейную обстановку в утренние часы, но это практически невозможно с плачущей малюткой на руках, что-то

вообще делать, не говоря уже о всецелом внимании к мужу. В спокойные минуты, я погружаюсь в папку с контрактом, тщательно все изучая. Мысли топят с головой. Замирая над кухонным столом или над спящими детьми, в ванной, за готовкой, уборкой, утром и вечером, когда просыпаюсь или погружаюсь в сон, когда моюсь или просто наблюдаю за игрой Розы, вспоминаю тембр голоса Джонни, его мягкие и плавные не торопящиеся движения, ухоженность, уверенность в себе, сдержанность, умение контролировать свои эмоции, дорогой стиль в одежде и просто красивого мужчину, который каким – то способом обратил на меня внимание. Улыбаюсь. Аромат блондинки, маска на лице, красные губы – пузырьки в животе, мышцы вагинальных зон сводит до потери сознания. И все же, мои попытки уложить в свои кровати детей и ждать мужа в нашем ложе сводились к нулю. В итоге дети засыпали рядом со мной, а я же, в свою очередь, продолжала думать и взвешивать все за и против. Да, Адриан по возвращению домой напрямую шел в нашу спальню, стоял и смотрел, как я сплю в обнимку с детьми, о чем-то думал. О чем? Неоднократно задаю себе вопрос, о котором никогда не задумывалась. Люблю ли я Адриана? Меня бросает в пот. С твердой уверенностью ответа дать не могу, ни да, ни нет. Я не в силах разобраться в себе и то, что мне предлагают, хочу испытать, познать себя и свои возможности, окунуться в другую жизнь, почувствовать себя настоящей.

Долгожданная пятница, мною нелюбимая, от которой

можно ждать только разочарования. Ну, конечно, Адриан возвращается, как обычно, после трех ночи, вернее вваливается в квартиру, еле языком ворочая. Неприятный аромат извергает свои языки яда алкоголя, а на одежде и коже слышатся многообразие чужих женских парфюмов, удивляюсь тому, что только на одном лице несколько произведений, на правой щеке чуть нежный с нотками персика, а на левой горьковатый и бьющий резкостью в нос хвоей. Помогаю ему раздеться, замечаю красную помаду на манжете, в области груди отпечаток розового блеска. Сдерживаю ком в горле, но слезы вырываются наружу, прячу от него свое лицо, делаю вид, что ничего не замечаю. С пьяного языка льются пошлые слова и фразы, чужие имена девушек, я каменею, боль связывает меня изнутри. Укладываю его на кровать сына и покидаю комнату. В глазах темнеет, ноги подкашиваются. Впервые в своей жизни я не знаю, что делать, как реагировать, и как только ему хватило наглости прийти домой после разврата. Вспоминаю наш последний разговор, тошнота подкашивает к горлу, отвращение, не то, чтобы... подхожу к окну на кухне, тяжело выдыхаю, смотрю на двери с утвердительным «да»! Я подпишу договор. Закрываю глаза и вспоминаю ее, душу в себе жалость над собой, боль, сушу слезы, ломаю себя. Моя жизнь – это только моя, и никому нет дела до того, что я чувствую и какой ураган в моей голове, какое смятение в душе и порой мне хочется просто уснуть и не проснуться. Это моя жизнь и если я не изменю хоть, что ни будь в ней,

то так и буду мечтать о чем-то несбыточном и далеком, которое никогда не настанет, и старость придет внезапно, а я так и буду ждать. Эту карусель семьи я кручу одна, может, я не права? И все же я рискну.

Утро, Кристофер учит Розу правильно пользоваться красками, как наносить цвет кистью на бумагу. Облокачиваюсь на спинку кровати, вспоминаю ночь, наблюдая за детками в лучах солнца. Муж болен с похмелья, не поднимается с кровати, просит не беспокоить. А я в свою очередь отстирываю рубаху от помадного тона, удаляю все улики, которые могли бы указать на его неверность. Варю куриный бульон, помогаю Адриану съесть его в постели, позже пеку блины, завариваю душистый зеленый чай, и ухожу из квартиры к маме. Ближе к вечеру приходит СМС от мужа, в которой приглашает меня в ресторан. Наивная дура, радуюсь и бегу домой, чтобы собраться в ресторан, предварительно попросив маму присмотреть за детьми, она соглашается и разрешает остаться им с ночевкой, что больше придает радости, от того, что мы с Адрианом проведем ночь наедине и сможем воплотить наш разговор. Я с усилием гоню мысли об измене, надеюсь на то, что он тоже стремится сплотить наш брак.

Принимаю душ, тщательно брею ноги, и все части тела, наношу ароматный крем для тела. Укладываю волосы, крашу ресницы, губы ярко красного цвета. Надеваю новое платье в пол на запах, вишневого цвета, подчеркиваю талию тоненьким черным ремешком и приоткрываю грудь. Решаюсь

не надевать нижнее белье. Распыляю пудру с жемчужными гранулами на декольте и руки, завершаю образ туфлями на высокой шпильке, ну какие же они неудобные, эти проклятые туфли, но в них чувствую себя женщиной.

Адриан не может оторвать от меня взгляда, берет за руку, и мы выходим из дома. Прогулка по ночному городу до места назначения, приводит в восторг. Я, как ребенок, радуюсь этому мгновению, не могу поверить в это, то, что с мужем вот так в красивых нарядах отправились куда-то. Его банальные вопросы про детей, про маму, и не слова про себя, а я в свою очередь не решаюсь лезть в черную дыру и копаться в грязном белье, пусть так все и остается. Все должно быть естественно, по-настоящему.

За пустым разговором, а мне большего не надо, подходим к витражным окнам ресторана, смотрящие на реку Рона. Миллион искусственных, мелких фонариков разбежались по бесконечной речной глади. Теплый весенний ветерок ласкает кожу, играет с легкой тканью платья и волосами. Жмусь к мужу в предвкушении новых эмоций, созерцая прекраснейшую картину ночной набережной.

Счастливые входим в ресторан, заключенный в панорамные окна, которые открывают чудесный вид. Воплощение модных тенденций строгости и элегантности, в сочетании белых и бирюзовых тонов. Узнаваемый стиль Тиффани с европейской кухней распахнул свои объятия. Раскрываю меню и тону в непонятных для меня названиях блюд. Подошед-

ший официант с широкой улыбкой на лице, ожидает заказ. Я краснею, от того, что не могу сделать выбор, перепрыгивая с одного названия на другое. В это время, Адриан, не дотрагиваясь до меню, делает свой заказ, не предложив мне своего опыта в таком тонком деле. Мысль вьется в голове: «он здесь бывает часто, и точно знает, что стоит отведать». Муж удивленно на меня смотрит, округлив глаза, я откашливаюсь и просто прошу бокал красного вина и сырную тарелку.

– На ваш вкус. – отрезаю любую попытку официанта, задать мне вопрос.

Как только официант принимает наш заказ и удаляется, Адриан оживился, глаза засверкали от рассказа, и, кажется, кожа на его лице засияла о других замечательных и не менее дорогих заведениях. Какая там мебель, интерьер, посуда, обслуживание и так далее. С жадностью поглощаю его рассказы, где он бывал и что видел, но на каком-то моменте ловлю себя на мысли, что мимо меня проходит жизнь и что, кроме дома не вижу ничего. Чувствую себя недоразвитой, убогой. Внезапно его взгляд перепрыгивает на подошедшую брюнетку, в очень короткой юбке, еле прикрывающей тощий зад. Вульгарный смех и говор ввел меня в ступор. Ее грудь нависает над нашим столом, в приветственной форме короткого диалога, не обращая на меня никакого внимания, как будто меня вообще здесь нет. Игра глаз, нервное подергивание нижней губы Адриана, на ее прикосновения к его рукам, вот так в открытую кокетничать, отвешивать комплементы

и нагло смотреть на него страстными глазами, наполненными горячим сексом. Меня кидает в пот, стараюсь держаться, пью вино, кидаю взгляд по сторонам, оценивая обстановку. Брюнетка отошла и плюхнулась за соседний столик позади нас к своим подругам. По поведению и разгульности, они не замужние, и явно у таких молодых персон, нет еще малых детей. Адриан в мгновение мысленно отдаляется куда-то, а занять мне его нечем, и рассказать тоже нечего. Рассказы про детей? Нет, они ему и так поперек горла! Что я могу ему рассказать? Чем заинтересовать? О, Боже! Ему не интересно со мной. Длительное молчание виснет над нашим столом, я не осмеливаюсь одолеть его вопросами о даме, зачем? Что мне это даст? Только привлеку подозрения на себя, поэтому, молчу, жую сыр, собираю капельки, дрожащими пальцами по вспотевшему стеклу бокала. Адриана терзают волнительные мысли, если бы он видел себя со стороны, как это нелепо, вот так при мне думать о другой, фу, как мерзко, я как будто вижу перед собой эту девушку абсолютно голой. Минут так через двадцать, он бросает на меня пьяный взгляд, то ли от вина, то ли от переизбытка гормонов, бьющих в его нижнюю часть тела, в штанах. Я сосредоточенно пытаюсь понять, раскрыться и продолжить наш ужин, а как все красиво начиналось.

– Я в уборную. – быстро говорит, встает и уходит, цепляя взглядом брюнетку.

Выдыхаю, злюсь сама на себя, что я такая глупая и даже

мужа завлечь не могу, что уж говорить об остальном, подзываю официанта и прошу повторить, чтобы заглушить свой провал. Наблюдаю за красной жидкостью, пока молодой парень наполняет бокал. Вокруг люди, о чем-то тихо беседуют, чуть подальше веселая компания, с громкими тостами и поздравлениями, чей – то смех, звон стекла вперемешку с музыкой, а у меня такое впечатление, что я одинока, что нахожусь в темной и холодной пустыне, и вокруг ни единой души. Медленно пью вино, потом еще глоток, а Адриана все еще нет. Необъяснимое чувство заставляет меня идти в туалет за мужем. Бреду сквозь зал, вхожу в туалет. В тусклом свете белые двери в ряд озаряются в золоченом отблеске. Берусь за ручку двери и открываю именно ту, где он трахает брюнетку. Его оголенный торс прижимает тощее тело к стене, на мускулистой спине мелькает красный маникюр, сильные мужские руки на весу держат раздвинутые ноги женщины, частое дыхание, тихие стоны, сочные поцелуи и чмокающие шлепки гениталий. Я стою и смотрю на эту картину несколько секунд, мысли остыли, кровь свернулась, ноги отяжелели, как робот делаю шаг назад, прикрываю дверь и продолжаю смотреть на ее белое полотно перед собой, осознавая происходящее. Прислоняюсь руками к стене, держу свое тело, сползаю вниз по миллиметру, все еще слыша их вздохи. Что я чувствую в этот момент? Боль, разочарование? Предательство? Нет, гнилую пустоту, смрад плоти, отвращение ко всему, что меня окружает. Меня скинули в пропасть, при

этом нанеся режущие удары по голове лопатой, вот что я чувствую. Собираюсь с силами, возвращаюсь за столик в кисло – горьком соусе ужаса, мысли скукожились, осматриваюсь по сторонам предвзято, всех оглядываю и понимаю, что люди мерзкие, пронизанные алчностью. Выпиваю одним глотком вино, прошу еще повторить, вытираю слезы и понимаю для себя одно. Я женщина! Я мать своих детей! Я достойна уважения и любви! Я достойна самого лучшего, всего того, что есть на этой земле! Нет, мстить не желаю, мне просто хочется, чтобы он оказался на моем месте и почувствовал все то, что я сейчас испытываю, и это обязательно произойдет, обязательнооо. И я так же буду смотреть ему в глаза, и улыбаться, говорить, что все хорошо. Как он делает это сейчас, как ни в чем не бывало усаживается за стол и продолжает доедать свою рыбу в сухом вине. А в моей душе ураган, невыносимая боль. Что эта брюнетка думает обо мне? Что я дура? Что я, наверно, даже и не догадываюсь ни о чем. Я начала вспоминать ту ночь, когда он целовался с девушкой у гостиницы, и не могу понять, «она это или другая уже?» Я погружаюсь в себя глубоко, не слышу, что говорит Адриан, и не понимаю, как мы оказались дома наедине и как легли в кровать, просто заснули, отвернувшись друг от друга.

Утром просыпаюсь рано, чувствую опустошение внутри себя, как будто из меня все внутренности вытащили и оставили на голой холодной земле остывать. Вставляю наушники с музыкой, готовлю завтрак, пытаюсь не думать о вчерашнем,

звоню маме и предупреждаю ее, что деток заберу после восьми вечера. А сама жду того часа встречи, когда моя жизнь изменится бесповоротно. Адриан входит на кухню, усаживается за стол, мило улыбается, отвешивает какие-то милые замечание по поводу моего вчерашнего платья, пьет кофе и смотрит на меня. Я не с ним, далеко, мысли о новой жизни взяли в плен окончательно, я слушаю монолог, отмечаю его киванием головы, а потом в какой-то момент, я ему говорю, стоя в пороге из дома:

– Решай сам. Все в твоих руках, – разворачиваюсь и хлопаю дверь. Мне уже все равно. Я рву все, что между нами есть и было.

Я принимаю решение погулять и насладиться одиночеством, мне нужно понять, для чего я втаптываю себя в грязь, терплю и принимаю его выходки. На минутку представляю жизнь без Адриана. Съеживаюсь от яркой картины в голове, как он меня выгонит из дома с детьми, и моя жизнь изменится не так, как мне хочется. А как мне хочется? Гуляя по улицам, я всматриваюсь в прохожих, мысленно задаю им вопросы. Красивая мама с коляской в темных очках, наверно, спрятала свои уставшие глаза, ты счастлива? Ты получаешь от мужа поддержку или ласку? Что для тебя сейчас важнее: секс или ребенок? Смотрю на ее легкую походку, удалявшуюся от меня с коляской. А вот девушка с парнем, целующиеся на лавочке, их любовь только-только началась, между ними страсть и желание. Конечно же, вы мечтаете о свадьбе,

прожить всю оставшуюся жизнь вместе и нарожать маленьких карапузиков. Интересно, ты будешь ей изменять, когда у вас будет малыш? Пропадет ли страсть между вами? А вот пара пожилых людей, какие они милые, дедок бережно держит за руку свою бабулю, какая у них была жизнь? Прожили они ее вместе или?.. А вот и пара молодых родителей, мамочка бежит за ребенком, а папа смотрит на проходящую длинноногую молодую девушку. Этому папе вообще не интересно, что их малыш начал ходить, и его побег от родителей забавляют блаженную маму. Да, она счастлива, она погружена в ребенка и вообще не замечает, что ее муж глазееет на других, разглядывает, во что они одеты и как вырисовывают походку. Мимо пробегает девушка с собакой, ее лицо серьезное и загруженное, о чем она думает? Счастлива ли она? А вот папа гуляет со своими сыновьями, учит кататься на велосипеде, не обращая ни на кого и ни на что внимание, он счастлив, его смех заразителен и передается на какое-то время мне. Да, мне становится немного легче, я понимаю одно – что детки рвут любовную связь, они забирают маму полностью от папы, и эта проблема сплошь и рядом, и я оказалась в их числе, и до меня дошло еще то, что и та брюнетка из ресторана родит, и ей будут изменять. Наверно, это неизбежно и у нее все еще впереди. Внезапно вспоминаю про время, смотрю на телефон – его остается немного, я в пяти минутах от того фонтана, где моя жизнь просто обязана измениться!

Мистер Джонни в ярко красной рубашке, поверх белый приталенный пиджак, классические зауженные брюки, пунцовые замшевые туфли с жемчужными шнурками, трость с рубинами на рукоятке сверкает из-под его длинных шоколадных пальцев. Та же обаятельная улыбка в обрамлении коротко стриженной бороды, окрашенной в седовласый цвет. Величественный афроамериканец ждет именно меня, крылья за спиной постепенно распрямляются, чувствую себя значимой и нужной не просто кому-то, а этому богато одетому человеку.

– Здравствуйте. – чуть испуганной ноткой в голосе здороваюсь.

– Рад видеть тебя. Ну, каков твой ответ? – протягивая смуглую руку мне в знак приветствия и показывая свои белоснежные зубы в улыбке.

– Мой ответ – ДА! – подавая ту самую папку с моей подписью.

– Я не сомневался в твоём ответе, думаю, ты будешь счастлива.

– Счастлива? – подозрительно взглянув на его светлое лицо от моего ответа.

– Да, ты не ослышалась. Нам нужно многое обсудить, тебе, наверное, не терпится?

– Да, вы правы. Я очень переживаю, что все же меня ждет? И чем я буду заниматься?

– А чем ты хочешь заниматься? Давай прогуляемся, –

предлагает взять его под руку, чтобы пройти по парку.

– Ну, во-первых, кто эта женщина? Откуда она все обо мне знает? И что вы хотите мне предложить? И знаете ли вы, что у меня есть дети, и сколько это будет в деньгах? Я неработающая мама-домохозяйка.

– О-о-о, сколько всего! Уверен, это только начало. – улыбается он, переставляя трость. – Сейчас в наше время узнать о человеке, который заинтересовал тебя, не составляет труда. Про детей знаем, это не помеха, денег от тебя не требуются, ты сама их заработаешь. А эта женщина – билет в твое будущее, ты читала ведь ее письмо, знакомство произойдет только тогда, когда все пункты нашего соглашения будут выполнены, и у тебя всего три месяца, ты готова?

– Да, я готова! – с возбуждением отвечаю, посматривая на правильные черты смуглого лица. – А каким способом я заработаю деньги? – не унимаюсь я.

– Ты сама выберешь свой путь, тебя никто ни к чему не будет принуждать, – встретившись со мной глазами.

– А что это будет? Спать за деньги? Или танцы на пилоне? Он смеется.

– Нет, ничего такого не будет. С чего ты это взяла?

– Но визитку мне дали в том месте, где богатые мужчины приходят и смотрят на женщин, а они их выбирают, я все видела. Куда они их уводят? Это же очевидно.

– Ада, ты видела верхушку огромной горы, тебе позволили это, все знали, что ты женщина, и мы тебя ждали, вернее,

Эл... – запинаятся он. – Ты не можешь представить, как ты пахнешь, твой запах исходит от тебя на многие километры.

– Запах?

– Да, запах, не каждая женщина так пахнет, как ты, этот запах сделает тебя богатой.

– Ничего не понимаю. Да, мне муж тоже это ни раз говорил. – задумываюсь. – Я всегда задаю себе этот вопрос – чем?

– Сексом, ты пахнешь сексом! И этот запах божественный, – останавливаясь и протягивая свой указательный палец к моей щеке. Мои щеки запылали, коленки затряслись, сердце заколотилось быстрее, его прохладный палец медленно двигается по моей коже, опускаясь к линии груди. Я закрываю глаза, мне приятно, мысленно отрываюсь от земли.

– Ну, все, хватит. – переводит дух. – Ты подписала договор, забыла?

– Но... я... не... – начинаю оправдываться.

– Знаю, я все про тебя знаю, и мне в глубине души жаль тебя, ну, скоро все изменится, обещаю, – внимательно разглядывая мое лицо.

– Что вы имеете в виду? – отходя от возбуждающего прикосновения.

– И про мужа твоего все знаем, он член нашего клуба, – протягивая мне желтый конверт.

Я разворачиваю его, и мои глаза натываются на лицо Адриана, вернее, на его позы в половом акте с разными девушками. За просмотром порнографии, в главной роли моего

мужа меня тошнит какой-то ком подступает к горлу. Слезы выкатываются из глаз, новая боль накрывает меня, да так, что сердце вот, вот остановится. Смыкаю веки, не желаю это видеть.

– Зачем вы мне это показываете? – с дрожью в голосе спрашиваю, не понимаю, правда это или нет.

– Чтобы ты знала и была готова, – с непроницаемым взглядом отвечает мне. Чувствую, как мороз пробегает по спине, стыд и разврат в моей постели.

– К чему готова? Я и так все знаю, – мои губы трясутся, веки моргают и выбрасывают новую порцию слез.

– И мы знаем, что ты догадываешься, а иначе ты бы не согласилась на наши условия.

Так просто? Мне причиняют боль со всеми вытекающими ее последствиями.

– Что вы имеете в виду, говорите все как есть.

– Ада, я показал тебе эту грязь для того, чтобы у тебя был барьер, чтобы ты научилась держать мужа на расстоянии от себя, но при этом ничего не меняя в своей жизни. Как будто все хорошо, и ты счастлива. – его глаза наконец-то просияли светом для меня. Я выдыхаю, но тошнота давит.

– Зачем вам это? – кусаю губу до крови.

– Не нам, а тебе, ты это поймешь позже. – чуть заметно улыбается он, вытирая слезинку с моей щеки.

– Когда? – убираю его руку от своей щеки и отхожу на шаг назад.

– Знаю, тебе не терпится все узнать, но всему свое время. Мне не просто не терпится – меня распирает на части.

– Что вы для меня подготовили?

– ЕГ тебе все расскажет, а нам с тобой столько всего надо обсудить и сделать, у нас мало времени.

– С чего начнем? – понимаю, что я готова меняться и идти до конца.

– Ну, во-первых, я подготовил график твоего дня, что за чем идет. Какое питание, когда занятие спортом, и обрати внимание – мы с тобой встречаемся каждую неделю в это же время в этот же день с подробным отчетом, ты заводишь дневник и начинаешь его вести, каждое движение, каждый съеденный кусочек еды – ты записываешь его в свой дневник.

Я раскрываю график своей жизни на ближайшие три месяца и шокирована. Там расписана каждая минутка моей жизни.

– Все указано, не переживай, приходишь в назначенное место в назначенный час, тебя будут ждать, но не забывай про дневник.

– А как же дети? Кто с ними будет? – вспоминаю про своих крох.

– Не переживай, ознакомишься дома со всем, – взгляд. – Пока ты занимаешься собой, твоими детьми занимаются опытные педагоги.

– Как это? – недопонимая.

– Ада, не паникуй, завтра твоя жизнь будет другой.

– А как Адриан? – пытаюсь остановить необратимое.

– Ну, это уже ты сама должна решить так, чтобы никто ничего не знал – одно из правил, удачи тебе. Мой телефон у тебя есть, можешь звонить в любое время, я твой на три месяца.

– Это как?

– А вот так. Я рад, что прикоснулся к легенде. О тебе заговорит мир! – закрывает глаза, вдыхая воздух, который пропитался частичками моего запаха.

– Что?

– До скорого, милая моя. – целует мне руку и удаляется от меня.

Я остаюсь стоять, на этом месте посреди парка, гуляющих и проходящих мимо меня людей. Мир останавливает время, в моей душе распускаются цветы, чувствую каждое содрогание лепестка бутона в полном распадке соцветия. В этот момент, именно в этот, я рождаюсь вновь, внутри все переворачивается, мозг воссоединяется с сердцем и моими чувствами. Да, я недопонимаю слов «обо мне заговорит мир!» Что они означают? Куда меня готовят? И какая я легенда? Теперь мне уже неважно, с кем мне изменяет муж, и неважно, с кем он проводит время, теперь я другая благодаря ему, да, все верно, я его за это благодарю!

* * *

*Возьми стакан,
Швырни его об стену,
Теперь проси
Прощения навзрыд.
Ну что, свершилось?
Стал обратно целым?
Вот так людей
Ломают от обид.*

Алексей Авданин

Действительно, моя жизнь начала меняться. За три заветных месяца, которые мне предстоит прожить, испытать себя, я должна стать другой, не только телом, но и мыслями, поступками и действиями, стать великой. Если бы меня спросили, счастлива ли я? Не колеблясь, ответила бы, ДА.

Дневник

День первый

Ну, вот так сложилось, что моя жизнь началась с понедельника двенадцатого мая, на этот самый первый день мне была назначена встреча с психологом, а следом диетолог, тренер по спорту. Вначале меня охватила паника, дети! Но после того, как я отправила Кристофера в школу, а Розы уснула, как обычно, набрала номер телефона, который был указан в папке моего дневника. На пороге дома своего я встречаю, любезную девушку пышных форм, довольно милую и опрятную, она сразу взяла меня в оборот, расспросила обо всех прихотях детей и разузнала подробную информацию о муже. Мы обе понимаем – он не должен знать о том, что мне будет помогать новая хозяйка в нашем доме. На мои вопросы о том, что дети могут разболтать, она корректно ответила, теперь все, что связано с детьми и домом, она берет на себя. Не поверите, у меня падает камень с груди, теперь я сама себе принадлежу, у меня не будет болеть голова о том, что дети одни, и что уроки делать надо, и кормить пора, уборка и все по кругу. Спасибо этой женщине по имени Тата, очень доброй и улыбчивой.

Я стою возле огромного бизнес-центра, на пропускном

пункте, называю код, который был указан в моем дневнике, и меня проводят на двадцать пятый этаж, с захватывающим видом на город. Огромные окна и практически пустое помещение. В белом и бесконечном пространстве, где парит мебель, в кожаном кресле сидит он. Мой психолог, пожилого возраста, элегантно одетый в светло-серый, строгий костюм, в черную рубашку с золотыми запонками на манжетах, которые демонстративно выглядывают из-под рукавов пиджака. Невооруженным взглядом видно, он подтянут телом и следит за своей внешностью. При виде меня он встает с кресла и протягивает свои идеально гладкие руки в знак приветствия, чтобы указать мне мое место в этой просторной комнате, достаточно светлой и уютной. В углу стоит диван с лампой и столиком, пушистый плед и тапочки невыразительного цвета. Он приказывает переобуться в тапочки и удобно устроиться.

– Ну, здравствуй, Ада, я твой психолог, мое имя – Риккардо Милли, но прошу называть меня Милли. Прежде чем мы начнем, нам следует познакомиться поближе, и попрошу тебя быть со мной честной, – усаживая меня на диван и заглядывая мне в душу. – Я твоя душа, внутреннее я, как ты это назовешь, так и будет, – глубоко выдыхая, с доброй ноткой начал он. – Мы с тобой будем часто встречаться, и мне нужно понять тебя изнутри.

– Да, я поняла, – нервно сглатываю.

– Ну, начнем? – удобно усаживаясь напротив меня в ко-

жаном кресле.

– Пожалуй!

Я все рассказала про себя, какие мои родители и как прошло мое детство, вплоть до того, чем я играла и чем увлекалась. Как познакомилась со своим мужем, про своих детишек, и как сильно их люблю, и как попала сюда, в этот кабинет, к Милли. Но только, я упустила самое главное, из-за чего он серьезно на меня смотрит и задает вопрос:

– Ты что-то упустила, тебе не кажется? – приподнимая одну бровь на своем идеальном лице.

Ну, что я должна рассказать еще?

– Какие чувства ты испытываешь к мужу? – спокойно спрашивает он.

Ну, да, конечно, но я не знаю, что ответить, жму плечами и удивленно на него смотрю, на что он мне говорит в приказном тоне:

– Раздевайся, – не меняя выражения лица, командует он.

– Что?! – что он имеет в виду?

– Не надо на меня так смотреть, я пытаюсь разобраться, мне придется помочь тебе.

Но как? Ведь я его совсем не знаю, и для чего это? Я в больнице-то всегда стесняюсь своего тела. С мужем в темноте либо в одежде занимаюсь сексом, а тут при таком ярком освещении взять и раздеться при мужчине?

– Раздевайся! – повторяет он, устраиваясь удобнее в кресле.

Покраснев до самых корней волос, я встаю с кресла и неловкими движениями начинаю стягивать с себя пуловер, затем джинсы черного цвета, и когда я остаюсь в нижнем белье, он настаивает на том, чтобы продолжить. О-о-о-о! Мне так неловко, не могу понять, для чего это. Расстегиваю бюстгальтер и снимаю трусы, бросаю около своих ног, так чтобы можно было сразу одеться. Глаза доктора смотрят, скользя по телу, наши взгляды встречаются. Он встает и двигается в мою сторону, чтобы вблизи разглядеть мои изъяны. Не торопясь, обходит вокруг несколько раз, проводит рукой по моим плечам, вдыхает запах, и тихо скрипит голосом:

– Пошли.

Куда? Но?

– Я знаю условия договора, пошли, – предупреждает его тусклый голос.

Пройдя голой по пространству всей огромной комнаты, упираюсь в зеркало от пола до потолка, вижу себя постройневшей, четкие изгибы тела, отражаются на поверхности пола и зеркал вокруг нас, мраморная кожа чуть розовеет, соски набухают и притягивают взгляд не только мой, но и доктора. Краснею, на щеках появляются пятна от стыда. Требовательный голос Милли, указывает смотреть на себя. Глубокий выдох, в спину, вопрос в лоб:

– Что тебе не нравится в себе? – встречаюсь с ним взглядом.

Я молчу, разглядываю себя. Тихо отвечаю:

– Все, – опускаю глаза вниз.

Он удивленно смотрит на меня в зеркало и аргументирует:

– Если бы не договор, я бы тебя прямо сейчас отымел, говорю, как мужчина, не как доктор и психолог. Твои проблемы здесь, – прикладывая свой палец к моей голове смотрит мне в глаза через зеркало. – А сейчас я тебя снова спрашиваю, что не нравится в тебе?

– До родов мне нравилось мое тело, оно было упругим, стройным, когда я родила двоих и откормила грудью, растолстела. – с грустью продолжаю, – Совсем недавно, села на диету и резко похудела, кожа обвисла, я уже не та. – нервно кусаю свои губы.

– Ну, вот, уже что-то. Дальше. – скрещивает руки на груди, внимательно слушая мою речь.

Меня немного отпустило, чувствую себя уже свободно и начинаю рассказывать про свои переживания с мужем, и почему начала худеть, и что меня подтолкнуло к переменам. Каким – то образом тема заходит про интим, чего больше всего боялась, он начинает спрашивать про тончайшие детали нашего секса:

– Кто начинает чаще всего?

– Я.

– Кто испытывает оргазм первым?

– Он.

– Что ты испытываешь, когда с ним занимаешься с сексом?

– Приятное ощущение.

– Что еще?

– Все.

Он хмурится и смотрит на меня в упор, задавая вопрос:

– Ты ни разу с ним не испытывала оргазм?

– Нет.

– Ты хочешь испытать оргазм?

– Да.

– Ты любишь мужа? Не думай отвечай.

– Нет... да.

– Ты его любишь?

– Нет.

– Тебе все нравится с ним в постели?

– Нет.

– Конкретно?

– Все.

– Сколько у тебя было мужчин?

– Один.

– Муж?

– Да.

– Ты бы хотела попробовать с другим мужчиной? Не думай, отвечай быстро, что приходит на ум.

– Да.

– Что ты ждешь от новой интимной связи?

– Любовь.

– Интимной связи, я не спрашиваю тебя про отношения

с женщиной.

– Страсть, оргазм...

– Что тебе это даст?

– Понятия не имею, но мое внутреннее я, очень этого желает.

– Ты ждешь перемен?

– Да.

– От себя?

– Да.

– От жизни?

– Да.

– Что ты для этого делаешь?

Я поворачиваюсь лицом к Милли, встаю вплотную к нему, и тихо отвечаю:

– Я стою голая перед вами.

– Одевайся! На сегодня закончим.

Выхожу из кабинета доктора, с ощущением, что из меня вытащили огромного червяка, который сидел внутри и пожирал мой мозг, я стала легче и воздушнее, мне хорошо, это впервые со мной. Отсутствуют чувства вины и обиды, мысли двигаются ровно, не колеблясь, в правильном направлении.

Делаю пару звонков домой и поражаюсь тому, что Тата нашла общий язык с детьми, говорит, чтобы я не переживала и занималась собой. Поверить не могу такому счастью.

Следующая встреча с диетологом, она назначена в ресторане, и причем, в самом дорогом. Ну, конечно, внешний вид

у меня не для ресторана, о чём пришлось выслушать от диетолога. Это высокий молодой парень, очень даже симпатичный, с поставленной речью и много знающий про еду. Имя этого красавчика Диего. Он вскружил мне голову своим обаянием, непринужденными прикасаниями, объятиями, улыбками, быстро говорящей речью. Его задача обучить меня всему, что касается правил ресторанного этикета. За обедом, Диего составляет график питания, список продуктов для Таты, так как она будет готовить для меня, чему я еще больше удивляюсь, они знают друг друга и сообща действуют.

Следующая встреча с тренером по спорту, и, к большому удивлению, это тоже мужчина, довольно накачанный, мускулистый парень по имени Майкл. Его сильные руки обнимают меня и прижимают к упругой груди, радуясь нашему знакомству. Его сумасшедшие тренировки заполняют график дня ежедневными встречами с ним, начиная с утренних пробежек и заканчивая вечерними силовыми упражнениями. Мне предстоит с ним пройти огонь и воду. Утренняя пробежка в четыре тридцать утра была назначена уже завтра. Это означает, что спать нужно ложиться чуть ли не в девять вечера, чтобы выспаться.

Возвращаюсь домой уже под вечер, наполненная позитивными эмоциями. Я практически не вспоминала о детях, а про мужа и вовсе забыла. Дом убран, дочиста вылизан, произошла перестановка мебели, неожиданно для меня, приготовлена еда: для меня, мужа и детей. И никого нет, впервые

слышу тишину в своей квартире, вижу чистоту, прохожусь по комнатам, заглядываю в шкафы и под кровати, идеально убрано, ни одной разбросанной вещи, игрушки, все по своим местам, аккуратно сложено. На своем туалетном столике обнаруживаю новые духи, а прежних нет, так же лежит книга и письмо от Таты: «Дети на занятиях, у тебя есть пара часов на чтение, скоро будем».

Я могу спокойно почитать? О-о-о-! И никто не будет мне мешать, и не надо бежать, сломя голову за детьми – их приведут. Я принимаю неторопливо ванну с пеной, никто меня не беспокоит и не мешает насладиться этой процедурой. Ужинаю, ложусь в кровать и начинаю читать книгу про фантастическую любовь. Отрываюсь от реальности, погружаюсь все глубже и глубже в страницы, и не замечаю, как возвращаются мои детки домой.

Горящие глаза детей смотрят на меня и пытаются пересказать свой день, перебивая друг друга. На мое удивление Роза спокойная и счастливая, на миг, не узнаю, не верю рассказам. Кристофер без ума от Таты, рассказывает про договор с ней, чтобы они называли ее мамой, всегда, и папе не говорили про то, что она будет находиться с ними, а иначе больше ее не увидят. Рассказывает, что она записала его в разные развивающие кружки, где будет учиться разным вещам. Что теперь не будет скучать дома и появится много новых друзей, куча игрушек, а Роза будет посещать развивающую школу, и с ней будут работать опытные психологи. Столько всего за

один день, и это только начало, я даже представить не могу, что будет дальше, как скрыть свои эмоции от мужа? И больше всего боюсь, чтобы дети не проговорились. Я включаю свой мозг, как обставить так, чтобы все было правдоподобно. Не успеваю подумать, не то, чтобы что-то сказать, в обнимку с детьми засыпаю сладким сном.

День второй

Пробежка в четыре тридцать в парке недалеко от дома. Конечно же, спортивной одежды у меня нет, на что Майкл сказал: «Сегодня идем в спортивный магазин», – и включает это в мой плотный график.

Возвращаюсь с пробежки домой, достаю из холодильника приготовленную Татой еду, разогреваю, завтракаю, и как только собираюсь с мыслями, идти будить Кристофера, на кухню входит Адриан. Его огромные, удивленные глаза смотрят с вопросом.

– Что происходит?

– Ничего! А что-то не так?

– Ты где была?

– А, да я решила заняться бегом по утрам.

– Странно, а почему так рано?

– Перед школой, мне потом Розы оставить будет не с кем, вот решила, пока все спят, никто и не заметит моего отсутствия.

– А почему со мной не обсудила?

– А надо?

– Решила, так решила, твое право, делай что хочешь. – переводит взгляд на стол. – М-м-м, какой завтрак. Ты это сегодня сделала? – разглядывая булочки с курицей и луком, кстати, его любимые.

– Нет, вчера, у нас еще перестановка, ты не заметил?

– Заметил. – перекидывает взгляд на меня, подходит ближе, сверкая глазами. – Может, школу прогуляем, а займемся?.. – прижимая мои бедра к себе, и жаждет поцеловать.

Меня, как током ударяет, сразу представляю, что конец сказке, если поддамся ему. Я убираю его руки и тихо на ухо шепчу:

– Не получится, Кристоферу нельзя пропускать школу. – сторонюсь неопределенного взгляда мужа, выхожу с кухни. О, нет, я в первый раз отказала ему, и мне это нравится, у него было такое лицо, что я еле сдержала улыбку.

Как только приходит Тата, я отправляюсь на встречу со стилистом в самый престижный торговый центр. Да, как вы уже догадываетесь, это тоже мужчина, в возрасте, за пятьдесят лет, с длинными седыми волосами, на затылке туго завязанные черной, бархатной ленточкой, в темных очках и в строгом, смоляном костюме, с тростью из слоновой белой кости с бриллиантовым шаром в его изящной кисти, по имени Сандр. Моя голова идет кругом от рассказа про одежду, что с чем носить, когда и зачем, какие ткани, какая кожа, обувь, нижнее белье, ювелирные украшения и многое другое, а потом его сменяет Майкл и утомляет примеркой спортивной одежды. Я столько одежды в жизни не меряла и обуви в том числе, сколько сегодня. Также сегодня ждет меня массаж и растяжка, и, как уже понимаю, что тоже с мужчинами. Ничуть не хуже всех тех, с кем я познакомилась, и мне

нравится то, что со мной происходит, чувствую себя королевой. Мой день заканчивается силовой тренировкой после растяжки, я выжата, как лимон, и валюсь с ног. Когда прихожу домой, то встречаю Тату на пороге из дома, и она меня предупреждает:

– Адриан сегодня будет раньше, тебе нужно устоять. – подмигивает и скрывается в подъезде.

Я удивляюсь ее словам и забываю про сказанное, увлекаюсь детьми за интересными играми и рассказами про, что они сегодня узнали.

Пророчество сбывается – Адриан с букетом красных роз стоит на пороге спальни, любитесь нашей игрой и наслаждается беззаботным смехом детей.

– Здравствуй! – произносит он, затаив дыхание, смотрит на меня.

Я сглатываю, прокручивая в голове слова Таты «тебе нужно устоять».

– Здравствуй! – встаю с пола и подхожу к нему, беру из рук розы. – Это мне?

– Да. Весь день думал о тебе, – перетаптываясь с ноги на ногу, отвечает он.

– Спасибо, не ожидала. – гляжу ему в глаза со смешком на губах. – Ведь ты мне дарил цветы, только когда забирал из роддома. Отчего такая честь?

– Вот только не надо. – краснеет, сверкая глазами.

– Хорошо, молчу, – опускаю глаза вниз и проскальзываю

мимо него на кухню.

Он идет за мной, чувствую взгляд на ягодицах. Вспоминаю, что вазы в нашем доме нет, беру кастрюлю, наливаю воду и ставлю букет в нее. Он подходит ко мне вплотную сзади, его руки опускаются на мои бедра, дыхание опалает мою шею. Недолго думая, разворачиваюсь к нему и на расстоянии нескольких миллиметров от его лица говорю:

– Детей нужно уложить спать.

– Я уложу. – чуть ли не целует в губы, вовремя отворачиваю лицо к цветам.

О, Боже, он не так меня понял, а может, и так. Он хочет секса, и это факт! Нужно выкручиваться.

Адриан отправился к детям, набирает ванну с пеной, купает их. Укладывается в постель с ними и начинает читать сказку. В какой-то момент, монотонный голос рассказа затих и стал доноситься разговор из детской, я переживаю из-за того, чтобы дети не проговорились про то, что с нами происходит. На цыпочках подхожу к двери спальни и подслушиваю разговор Кристофера и Адриана.

– Чем вы занимались сегодня?

– Я сегодня ходил на логическую арифметику, красивое перо.

– Тебе нравится учиться?

– Да, в последнее время для меня открылись возможности, о которых я даже не подозревал.

Знаю, Адриан не догадывается, что это не в рамках

школьной программы, ведь он никогда не интересовался учебной работой сына. Кристофер, как мне кажется, держится естественно.

– Значит, ты у нас будешь математиком?

– Не знаю даже. Но цифры и подсчеты меня увлекают.

– А мама что делала?

О, нет, сейчас расскажет!

– Мама? Она, как всегда, по дому суетится, по магазинам, а что?

– Просто интересно, чем вы занимаетесь, когда меня нет дома.

– Да много чем, играем, рисуем, спим, делаем уроки, Розы часами успокаиваем, но сейчас она умочка, взрослеет, что ли. – представляю, как Кристофер жмет плечами и отводит глаза в сторону, когда не уверен в сказанном.

О-о-о-о, Кристофер, сынок мой...

– Ты любишь свою сестру?

– Конечно, она же у меня одна.

Тут понимаю, что все в порядке, и мне нужно скорее идти в кровать и засыпать или делать вид, что сплю. Сегодня он не узнает ничего, надеюсь, мы сможем выстоять натиску.

Залезаю в кровать, жмусь к краю, на сколько это возможно, сжимаю веки и жду.

Адриан входит в комнату, притворяюсь, что сплю, ложится рядом, кладет руку на мое раскрытое плечо и шепчет, слушая мои волосинки на закрытые глаза:

– Ада, ты что, спишь? АДА...

Молчу, молю Бога, чтобы он перестал ко мне приставать. Несколько минут, и попытки ослабли, он встает и выходит из спальни на кухню, слышу, как открывает холодильник, что-то греет, наливает. Понимаю, что могу уснуть, и погружаюсь в сон.

День третий

Утро. Пробежка. Бодрит не по – детски. Сегодня ватные ноги, болит пресс, руки, и кажется, что я один большой комок боли. Майкл посмеивается надо мной, обещает, что все пройдет, попытки моего смеха в ответ венчаются скованным сжатием в области пресса.

Забегаю домой в отличном настроении, сбрасываю с ног новые кроссовки в современном дизайне за немалую сумму, не подумав, что Адриан заметит их, и быстро прошмыгиваю в ванну. Сегодня Майкл задержал меня на пробежке, и осталось совсем мало времени, чтобы собраться самой и разбудить сына. Когда выхожу из душа, то в коридоре сталкиваюсь с мужем, он внимательно разглядывает мои кроссовки.

– Доброе утро, – с затруднением выдавливаю я.

– Откуда они у тебя? – задумчивым взглядом, задает вопрос.

– Купила. Красивые, правда?

– Но они очень дорогие, верно?

– Да, но была распродажа, и они мне достались почти даром.

– Для чего тебе такая дорогая обувь?

– Не поняла, я же сказала, что отдала за них небольшие деньги.

– Сегодня у тебя желание бегать, а завтра будет желание

танцевать, и что, теперь все скупать надо?

– Не понимаю тебя. – раскрываю рот в букве о.

– А что непонятного, у тебя что, нет обуви, в которой ты могла бы бегать? Ведь это ненадолго.

– Почему ты так говоришь?

– Потому что ты же в спортсмены не готовишься. Это временная твоя прихоть, – чуть не рыча, со слюнями во рту переворачивает язык. – От нечего делать? Займись лучше детьми и домом, – злится он.

– Я хочу бегать, и это не временная прихоть, – раздосадовалась я.

– Ну да, посмотрю, как долго это протянется.

– Ты во мне не уверен? Считаешь меня слабой? – ловлю его растерянный взгляд на себе.

– Женщины, вы все слабые, что творится у вас в голове? – выдыхает и проходит на кухню. – Корми меня лучше, сегодня что у нас?

– Я не слабая, зачем ты меня так унижаешь? – разозлилась не на шутку, опуская тему еды, и вообще, с чего это он надумал есть по утрам?

– Тебе заняться нечем? – открывая холодильник копается в кастрюлях. – Ищи работу, хватит дома сидеть на моей шее.

– А Розы куда?

– Определи в сад.

– Но нам его еще не дают, а про частный я тебе говорила, ты сказал «дорого»!

– Вот и будешь работать на сад.

– А смысл?

– Какой тебе смысл нужен?

– Ты гонишь меня работать, чтобы за сад платить, а домом кто будет заниматься? Кристофером?

– Ты... – доставая пирог с печенью, аккуратно разрезанный на маленькие кусочки и уложенный в блюде для разогревания в микроволновой печи.

– Вкусно? – во мне все бушует от несправедливости, ведь он ходит в рестораны, и один только обед стоит, как месячная плата за детский сад. А он хочет меня прогнать и жить как король, а я и на работу устройся, и дом на мне, и дети, а жить мне, когда? Явно я обедать в ресторанах не буду.

– Кем мне пойти работать? – подавляя свой огненный порыв, чтобы не обжечь его словесным поносом.

– Да хоть кем! Сейчас столько профессий.

– Но у меня нет образования, – развожу руки в стороны.

– Можно полы мыть в офисах, там, кстати, хорошо платят, и график работы только утренний или вечерний, вот, вместо твоих пробежек ты можешь ходить мыть полы, и зарядка по утрам, и деньги, как тебе? По-моему, вроде ничего! – запихивая куски еды себе в рот сверкает глазами на меня.

Ну, это уже слишком! Я должна идти мыть полы? А он будет водить в рестораны других женщин и трахать их по туалетам, снимать дорогие номера для удовольствия, а я должна из кожи вон лезть, чтобы прокормить своих детей, нет,

наших!

– И тебе не стыдно будет, если твоя жена будет мыть полы? – интересуюсь я, видя, как он тает от удовольствия поедая вкусный завтрак.

– А что здесь такого? Сейчас это не стыдно. Кто как может, так и зарабатывает, вот, к примеру, у моего друга жена устроилась в ночную смену в развлекательное заведение уборщицей, а он сидит дома с детьми, ничего здесь плохого нет, это ведь работа, за которую ты получаешь деньги, – вытирает рот салфеткой и наливает себе кофе.

– А ты бы пошел мыть полы? – сдерживаю комок в горле, чтобы не разрыдаться.

– Если бы приспичило, то да. Жрать всегда хочется! – отпивает ароматный напиток, чуть прищуривая глаза.

– Но мы не голодаем, верно?

– Просто я к тому, что ты ерундой занимаешься и деньги тратишь на глупости, лучше подумай, как изменить свою жизнь.

Ну, все, с меня хватит! Со всей дури сбрасываю рукой все то, что стоит на столе. Грохот посуды о пол с разбиванием и звоном в ушах, еда разлетается по всей кухне, со злостью в голосе и с огромным комом в горле рычу на него:

– Это ты ерундой занимаешься! – разворачиваюсь и скрываюсь в детской.

– Вот черт! Ненормальная! Ты мой завтрак на пол свалила! Дура! – слышу крики с кухни и не очень приятные фразы

на всю квартиру в мою сторону. Я хожу по комнате взад-вперед, кручу пальцы, заламываю руки, он, что обо мне думает? Полы мыть? Не бегай, это не делай, туда не ходи, деньги не трать! Нахал, кобель... обида рвет меня изнутри, не могу успокоится. Слышу входная дверь хлопнула. Плюхаюсь на кровать Кристофера, который смотрит на меня со страхом в глазах. Остываю в считанные секунды.

– Доброе утро, милый. – сдерживаю слезы, но не получается. Слезинки предательски выкатываются на мои разгоряченные щеки.

– Мама, почему ты плачешь? – встревожился Кристофер. Ведь я мать и ради своих детей положила свою карьеру к ногам Адриана. Я дала ему возможность расти и развиваться, старалась не нагружать и не делить бессонные ночи. Четко разделяла наши обязанности: я воспитываю – он работает и кормит нас. Если бы я продолжила учебу и двигалась по своей профессии, то не смогла бы справиться одна. Мы бы делили все поровну, я бы с детьми тянула его вниз, не давая развиваться, или вообще закончилось разводом, так как требовала бы своего, для самореализации нужно время, и не мало. И в итоге у нас бы не получилось, так как, если работаешь, нужно полностью вкладываться, чтобы вырасти в бизнесе. Если воспитываешь детей, то нужно им посвятить себя всецело, а не тогда, когда тебе удобно, время от времени.

– Мама, что произошло на кухне? – удивляется Кристофер.

Конечно, можно было закончить институт и не рожать Розы, но Адриан настоял, сказал, что он справится, и чтобы не думала ни о чем, только о детках! И дала ему расти в своем деле. Я терпела его выходки, была постоянно одна, справлялась, когда у детей была высокая температура, лежала в больницах, не спала ночами, укачивая. Долгое время мечтала выспаться, в то время, когда он развлекался и отдыхал в престижных заведениях с женщинами. Действительно старалась это принять, не пилила по поводу того, что я устала и тоже хочу развлечений, я понимала одно – он работает – я с детьми. А тут, когда детки подросли и когда могу хоть немного вздохнуть, появилось время для себя, должна идти мыть полы! Как? Почему он обо мне не думает, как о женщине? Как о человеке, у которого есть свои потребности, мечты и представление о жизни? Я же не машина по производству детей и не станок, в который можно окунуть органы и удовлетворить свои потребности, я человек, я мать, я женщина.

Кристофер ушел в школу, я начинаю уборку на кухне, но в это время приходит Тата, она ничуть не удивляется такому беспорядку и принимается убираться вместе со мной. Я так рада, что у меня появилась помощница, я чувствую себя по-другому, как-то уверенней и спокойней.

Сегодня обед по расписанию в роскошном ресторане с Диего, он подбирает рестораны, где очень много столовых приборов, разной еды, он учит меня светскому этикету, что и где заказывать, как есть, как держать нож, вилку или ложку.

С Диего я развиваюсь в сфере ресторанного общества, понемногу начинаю разбираться, как одеться в вечерние и дневные походы в элитные места. Сандр очень деликатно подобрал одежду, аксессуары, обувь, для таких случаев. Я выгляжу на все девяносто процентов, так как остается, прическа и новый образ в салоне красоты, но для начала меня ждут стоматологи, косметологи. После всего этого я попадаю на депиляцию к приятному мужчине. Чувствую обходительность, теплые прикосновения к моему телу, возбуждающие каждую клеточку, а карий взгляд... Ловлю себя на мысли, представляю его в постели, мускулистое тело незнакомца ласкает меня, частое дыхание, возбуждающий и любопытный взгляд, пальцы касаются половых губ во время процедуры глубокого бикини, закрываю глаза от удовольствия, внизу живота тянет, бедра сводятся и разводятся в стороны, желаю вкусить его тепло. Глотаю обилие слюны во рту, облизываю сухие губы, вижу острый взгляд молодого парня на мои половые органы, его пальцы дрожат, капли пота выступают на лбу, оргазм щекочет нервы Из лап одного мужчины, попадаю в другие, это учитель по танцам. Хореографический зал находится в очень красивом отдельном здании в центре города, явно видно, что это дом танцора, на входе меня уже ждет он. Я не верю своим глазам, это известный человек, которого я ни раз видела по телевизору. Я всегда пялилась в голубой экран на Митяя и мечтала станцевать с ним в дуэте, и вот он стоит передо мной.

Мы в его апартаментах, в огромном паркетном зале, с зеркалами по периметру, с шестами, полотнами в одном углу, а в другом огромные черные напольные подушки, на стене станок для балерин, все очень красиво и непредсказуемо. Он включает музыку с оглушительным звуком. Медленно подходит ко мне, улыбается очаровательными карими глазами, протягивает подтянутые, загорелые руки. С трепетом в душе, кладу вспотевшие ладони в его, мягкие руки. «Я не умею танцевать» кричит у меня в голове. Ловкие движения подхватывают мое тело и кружат на белом паркете. Мои движения принимают вызов, двигаюсь в такт, как будто танцевала всю жизнь. Парфюм исходит божественным шлейфом от его тела, тону в эйфории танца, тела и движения. Чувствую его упругие мышцы, сильные руки, нежное дыхание, теплый взгляд, насыщаюсь сексом. Ну почему я раньше не танцевала? Наверно для того, чтобы в эту минуту испытать незабываемое ощущение невесомости полета. Невольно вспоминаю сегодняшний разговор с мужем и его фразу «А если ты вздумаешь танцевать», и сейчас здесь, на паркете, рядом с Митяем я хочу этого. Музыка завершает свои аккорды в такте наклона моего тела над полом. Дышу часто, прерывисто, гляжу в бездонные черные глаза, темная прядь волос свисает на лицо, возбуждающие минуты сводят меня с ума, скольжу глазами вниз, на поблескивающий торс, играющий мускулами при каждом движении.

– Ну а теперь давай знакомиться, – продолжая держать

меня в своих объятиях, на весу над полом.

– Я тебя знаю, – дрожу, как лист на ветру. – Никогда бы не могла подумать, что буду с тобой танцевать.

– Нет... – протягивает он, скользит ладонями по моим бедрам. – Ты меня не знаешь, только мой стиль и как опытного танцора, известного на весь мир, – резко ставит меня на ноги, горячий взгляд, отходит, убирая глаза, смахивая длинную челку с лица. – Но скоро мы станем ближе друг к другу... – косится и улыбается, одновременно подмигивая мне.

Что он имеет в виду? Его жесты и взгляды явно дают мне понять, что он заигрывает.

Мы с ним усаживаемся на подушки, разбросанные на полу. Митяй интересуется, какой размер обуви у меня, спрашивает, что я люблю или, что больше предпочитаю, ни единого слова о танце, о том, чем мы будем заниматься. Этот разговор больше дружеский, чем деловой. Его шутки и уловки с переливистым смехом расслабляют и располагают. Внешность танцора довольно привлекательна, темные глаза играючи сверкают, азиатская внешность, черные, как смоль волосы набок аккуратно уложены, чуть прикрывая один глаз, на животе чуть ниже пупка татуировка в виде отпечатка руки, на что постоянно у меня падает взгляд и хочется смотреть на нее и размышлять о том, чья это рука. Прикоснуться к ней и сравнить размер пальцев, смуглое тело подчеркивают идеальные, мускулистые изгибы, все в нем гармонирует – голос, движение, взгляд, привычка постоянно прикусы-

вать уголок нижней губы, показывая безупречные белые зубы. Его внешность яркая и притягивающая внимание. Обаяние, которое он излучает, влюбляет.

Выхожу на улицу, стемнело, город погрузился в густые сумерки, нахлынул туман, становится не по себе. Всю дорогу до самого дома лицо Митяя стоит перед глазами, каждую секунду мысли о нем одолевают, упругое тело, пресс, татуировка, улыбка, свет в глазах, бархатный голос звучит в моей голове, его прикосновения и запах, да, запах, от него исходил потрясающий морской бриз с еловыми шишками, сладкий мандарин уносил в розовые грезы, мысли вертелись о неприличном. Что со мной? Ловлю себя – не о том я думаю! Встряхиваю головой, прислоняю свои руки к носу. Остатки аромата вновь возвращают меня в его объятие. Нервно достаю влажные салфетки, и стараюсь перебить волшебный аромат запахом спирта. Переключаюсь на деток. Внезапно хочется их обнять, поцеловать, я соскучилась. Под вуалью усталости, тренировок и информации за последние дни, я отделилась от детей.

Дома деток не оказалось, ужин с письмом от Таты ждет меня на столе. Раскрываю конверт и жадно читаю:

«Мы на проектировании и моделировании с Кристофером, Роза на уроке рисования, у тебя будет время принять ванну и насладиться книгой. Скоро будем».

Подхожу к открытому окну и впитываю в себя краски ночного города, оглядываю парковку того самого здания, про-

кручиваю цепочку событий, размышляя о том, правильно ли я сделала свой выбор. Первые шаги к новой жизни уже совершены. Холодные руки ужаса сомнения сковывают мое горло, я перестаю тесно общаться с детьми. Без контракта и той сказки, которая сейчас происходит с нами, невозможно в одиночку без денег добиться цели или того, что мне предлагают. Я никогда бы не смогла дать детям достойного образования, того, что они хотят и будут хотеть. Адриан тратит деньги только на себя и свои прихоти, он не желает слышать о дополнительных секциях для детей. Его мнение: дополнительные школы, опытные педагоги, психологи – лишняя трата времени и денег. А я ведь обычный человек, который все узнает из интернета, да и порой нет времени, чтобы сесть и позаниматься с ребяташками, могу лишь им дать свою любовь. Слышу детский смех в коридоре, расслабляюсь и принимаю реальность.

– Роза! – радостно произношу имя своей крошки, выбегая ей навстречу.

– Мама, ты не представляешь, что я сегодня делал, это поразительно! – с громкими возгласами кричит сын.

– О, милый мой, как я по вам соскучилась. – обнимаю своих детей, целую крепко, не замечая, что Тата ушла. Мне нравится то, что я не ощущаю ее присутствия, она незаметная в моей жизни, но в жизни детей она творит чудеса. Мы с детками отправляемся на кухню, я накрываю на стол. Нам очень хорошо вместе, есть о чем поговорить, что рассказать

друг другу. Роза ведет себя спокойнее, что-то делает, рисует, пытается сама себя развлечь и не пристает ко мне и Кристоферу. Ее как будто подменили. У меня возникает желание вместе с ней сесть и порисовать или помочь раскрыть краски, карандаши. А если вернуться чуть больше чем на неделю назад, я бы убежала от этой идеи, так как понимала, что краски или карандаши будут, где угодно, но только не на бумаге. И всячески пыталась отговорить ее от этой затеи, предлагала другие игры, а она взамен устраивала истерики, на что я сдавалась и пряталась в соседней комнате, так как уставала от ее постоянных домогательств, а когда слышала, громкий плач переходящий в истерику, то мне хотелось сбежать из дома. А сейчас моя крошка Роза самостоятельно берет краски, альбом и начинает рисовать кистью на бумаге. Она твердо знает, что это будет. Я люблю ее, она как будто опытный художник. Изменения в развитии дочери меня радуют, как мать, и от этого смеюсь чаще, улыбка с губ не сходит каждый вечер находясь с детьми. Естественно, по ним скучаю и жду встречи, чтобы поинтересоваться о том, что они сегодня делали или узнали нового.

Детки засыпают вместе со мной. Перед сном вспоминаю имя Адриан, да, это мой муж, мне кажется, что я его не видела вечность, не могу вспомнить лицо, запах, голос. С этими мыслями погружаюсь в сон, не дождавшись его прихода домой.

День четвертый

В четыре тридцать пробежка.

Утро после пробежки, я с мужем не разговариваю, он дует на меня, а я на него, мне больно от его побуждений идти мыть полы, и он считает себя правым, или размышляет, как больнее меня уколоть. Мы делаем вид, что друг друга не замечаем.

В девять – бассейн.

В одиннадцать тридцать – косметолог.

В час дня – обед с диетологом в одном из шикарных ресторанов.

В три – массаж.

В пять – силовая тренировка.

В шесть тридцать – растяжка.

Веселые игры с детьми, прогулка по ночным улицам, догонялки по тротуарам, в эти мгновения я действительно счастлива.

День пятый

Пятница, ненавижу этот день, но мне он сулит перемены, и я с нетерпением жду вечера.

В четыре тридцать – пробежка.

В девять – бассейн.

В одиннадцать тридцать – стоматолог.

В час дня – обед с диетологом в одном из роскошных ресторанов.

В три стилист – парикмахер, поход по магазинам, маникюр, педикюр, визажист.

Затем меня ждет дом танцев, Митяй. Больше всего ожидаю с ним встречи.

Когда я вхожу в танцзал, то вижу у зеркала висит белое невесомое платье, туфли алебастрового цвета на высокой шпильке. Щупаю ткань, прозрачный шелк скользит в руках. Каким-то образом решаюсь примерять его. Снимаю с себя всю одежду, в том числе, нижнее белье. Платье в пол с глубокими разрезами по обе стороны бедер, обнажают стройные ноги. Я не узнаю свое отражение в зеркале. Новая прическа и макияж изменили меня, тело подтянулось и построинело. Включается музыка с эхом в моей груди, появляется он. В легком движении тела, плывет ко мне с восторгом.

– Я так и знал – оно для тебя! Ты прекрасна, – кладет руки на плечи и любит меня в зеркале.

Я краснею, ведь мое обнаженное тело прикрывает тонкая ткань, белый шелк подчеркивает мои соски, выпирающие вперед, изгибы талии, переходящие в бедра.

– Сегодня я покажу тебе несколько приемов танца, от которых все внутри взрывается. Ты должна проникнуться и отдаться мне, полностью без остатка.

– Но... – тяжело сглатываю, не отрывая взгляда от его черных проникновенных глаз.

– Закрой глаза, – шепчет он, вынимая черную атласную ленту из кармана.

Я закрываю глаза, во мне поднимается буря, дыхание сбивается. Теплые губы ложатся на мое плечо, концы повязки щекотят кожу руки, поднимаясь вверх к предплечью. Приоткрываю рот, глаза закрытые, чувствую, его пальцы прикладывают прохладную повязку к моему лицу, ловко завязывая концы на моем затылке. Тело охватывает страх и неизвестность, мне хорошо, в ушах звучит сладкозвучная музыка, прерывистое дыхание около уха. Прикосновение его рук через шелк к ногам, чуть выше колен, раздвигается ткань в разрезах освобождая кожу от струящегося шелка. «Вот зачем они нужны», – медленно всплывают мысли в догадках о том, что он собирается делать. Мое сердце набирает обороты, как барабанная дробь. Пальцы перекатываются по моим бедрам, съезжая на внутреннюю часть ноги, я чуть ли не теряю сознание, падаю спиной на его грудь.

– Расслабься, – вдыхает мой запах, хрипит его голос

сквозь музыку.

– Я стараюсь. – закусываю нижнюю губу до боли, чтобы держать свое сознание в трезвом уме.

Его горячие руки обхватывают талию и в резком развороте моего тела к его груди опрокидывают меня назад. Грудью чувствую его обжигающее дыхание над моими сосками. Пытаюсь ловить воздух, но не справляюсь, горло пересыхает, выступает холодный пот, мурашки покрывают кожу. Кровь приливает к голове. Его зубы покусывают мою грудь, руки скользят по ногам. Я прогибаюсь в его объятиях, покидая этот мир. Но его мускулы подбрасывают меня вновь и прижимают к его торсу, пальцы зарываются в моих волосах, чувствую стук сердца, запах, который от него исходит. Аромат сбивает с толку и заряжает энергией, которая скапливается внизу живота со спазмами, вибрируя в матке. Мое тело принимает Митяя всецело и желает раствориться в нем. Удушливая теснота в горле давит, медленно прилипаю к нему с красивыми аккордами звучащей музыки. Он отходит, мои глаза завязаны, и это меня мучает, не вижу, что происходит, паника. Я могу только чувствовать, но это плохо у меня получается. Его аромат так близко, вот-вот, но дыхание не слышу, протягиваю руки вперед, натываюсь на оголенное тело, приклеиваюсь ладонями, пытаюсь разобрать, какая часть тела. Кривая улыбка. Представляю, может, я коснулась тату. Мысленно пытаюсь представить рельефный пресс, смело двигаюсь по нему, незаметно для себя, чувствую его упругий член

через тонкую ткань черных свободных брюк. Руки замирают в неловком моменте, раскрываю рот и издаю стон. Отступаю назад, убираю руки.

– Пункт договора не будет нарушен, – стягивает повязку и оголяет мой взгляд. – Отдайся мне, – подходит ко мне вплотную и сдувает с моего лица волосы, опрокинутые от повязки на глаза. Его пьяный взгляд заводит сильнее, тело не контролируется мной. Я принадлежу ему. Указательные пальцы его рук падают мне на щеки, они пылают огнем, грудь часто поднимается от сбившегося дыхания в ожидании ласк. Пальцы начинают свой путь по моему лицу, опускаясь к груди. Я запрокидываю голову, открывая пульсирующую артерию для его укуса, в глазах искры, в голове ураган, не успеваю за мыслями, в беспорядочном движении. Что ты делаешь со мной? Невольно вспоминаю взгляд Адриана. Что я делаю? Возвращаю голову на место и встречаюсь со взглядом Митяя. Его язык облизывает губы, источающаяся энергия взрывает способность возбудиться. Он берет мои руки в свои, кладет на свои плечи и начинает медленный танец. Прикасаясь пальцами к моей шее, рукам, опускаясь по спине, перепрыгивая ягодицы, к бедрам, сжимая в своих руках ткань, раскрывая мои ноги. Я двигаюсь и чувствую его тело, шаг, силу рук, вибрацию кожи. «Это измена?» – кричит в моей голове. Я закрываю глаза, волна страсти скрывает меня под толщей удовольствия и наслаждения. Белые полотна струятся над нашими головами, мы соприкасаемся с ними,

как с белоснежными облаками. Понимаю, нет, не изменяю, это подтверждение тому, что отпускаю Адриана от себя все глубже и глубже на самое дно своего сознания. Испытываю новые чувства, те, которые никогда не могла вкусить с мужем. Он мне не давал разряда в организме, и не заставлял кричать каждую клетку тела «я хочу тебя». Медленно принимаю то, что я действительно его не любила и не люблю, между нами, удовлетворение его потребностей в сексе. Мысли обрываются, как только встречаюсь со взглядом Митяя, расслабляюсь и растворяюсь. Я отдаюсь в его власть играть с моими клетками, организмом, который раскрывается перед настоящей страстью. Каждый миллиметр моей кожи распускается, как бутончик микроскопической розы. Нежные и невероятные руки Митяя связывают мои запястья полотном, пьяная, в полутумане еле различаю явность и розовое бремя. Мысли сбиваются, и сомнения берут верх, стыд и страх, глаза брюнета и ласки, гуляющие по моему телу, уносят вверх. Закрутившись телами в полотнах, мы поднимаемся, вернее, парим в полете. Кружимся в воздухе, сильные ноги сжимают мои бедра, чувствую его эрекцию на животе, на всем своем теле. Ткань, сжимает нас плотнее друг к другу, то разъединяет. Материя, прячет под своими парусами наши тела, вижу накачанные мышцы, игру рук перехватов на канате. Горячее дыхание обжигает, взгляд проникает в глубь до самых половых органов. И вновь соединяет нас плотно, мне кажется, что он вот-вот войдет в меня. Его движения чувственные,

я не могу сдерживаться, мне хочется разрядки, но она не наступает, а только нарастает и нарастает. Мы продолжаем парить в воздухе, его объятия сильными ногами, руки гуляют по моему телу, вижу страсть в глазах. Он меня хочет, откровенно испытываю, вагина вибрирует в ответ на прижимания, вот-вот взорвется. Митяй упорно не дает лопаться чувствам, продолжает заводить с прерыванием на пике эмоций, и снова доводит. Я хочу оргазм, да, я желаю, чтобы он в меня вошел. Что он делает со мной? Мысли застывают и резким водопадом эмоций падают в кипящую точку вибрации. Тело неподвластно мне, оно чувствует руки Митяя, горит в желании воссоединиться с прекрасным мужчиной. Его волнующий взгляд, пылающее лицо передо мной, так близко, близко, хочется прикоснуться, поцеловать. Неуловимые касания губ и носа к лицу, как будто желает меня поцеловать. Глотаю воздух, рот приоткрыт в ожидании мягких губ, влажного языка. Сердце каждый раз обрывается, когда он меня раскручивает на полотне, невольно смотрю вниз, кровь перекачивается по моим венам от головы к точке джи, я на пике, пот выступает на моем лице, жду конца, он мучает. Накаляя обстановку, шепчу:

– Пожалуйста, – кусаю губу, умоляю взглядом о его проникновении в меня.

Он продолжат играть с моими сосками, опускаясь к заочной скважине через дрожащее тело. Быстрым движением обрывает всю накопленную энергию вниз. Мы опускаем-

ся на паркет. Ноги дрожат и не держат мое тело. Подушечки его пальцев проходятся по моим красным щекам и губы Митя приоткрываются. Закрываю глаза в надежде на продолжение, поцелуем. Но он отдергивает руки, отходит от меня на расстояние, окидывает взглядом растерянный вид, разворачивается и уходит со словами:

– Одевайся, на сегодня урок окончен, – подавляя своё возбуждение.

Что????? Я вся горю и пылаю, у меня все пульсирует с дикой мощью. Я никогда так не возбуждалась, это впервые. И он уходит? О!

– Хорошо, – соглашаюсь, перевожу дыхание и пытаюсь погасить в себе огонь, медленно двигаясь к своей одежде. Ноги подкашиваются, пока я пытаюсь снять платье трясущимися руками, в глазах плывет, в висках пульсирует отголосками сердца. Присев на пол, смотрю перед собой, медленно двигаюсь взглядом к своему отражению в зеркале, сажу ноги, в голове искры тока, проходящие по моим венам. Застываю взглядом на отражении скрученного тела, сжимаю бедрами свои руки, пальцы скользнули по моим ногам. Я смотрю на себя и продолжаю вводить руку в себя. Ощущаю приятное действие от пальца, закрываю глаза с громким стоном и тяжелым дыханием, на весь зал выдыхаю, эхо проносится по углам и возвращается обратно, новая волна обдает мою вибрацию сознания. Я испытываю сильнейший оргазм в своей жизни! Тяжело дышу и чувствую, как мое тело слабеет, по-

теря сил и карусель мыслей. Второй раз, и без помощи мужа. Но почему я раньше себя не удовлетворяла? Ведь это такое чувство! Небольшая дрожь в теле, опираюсь руками о зеркало и вижу его на другом конце зала. Он стоит и смотрит на меня, как мои ласки удовлетворяют меня. Я опускаю взгляд на его член в руках – он тоже удовлетворил себя сам, глядя на меня. Мне становится неловко, я тут же сжимаю ноги и прикрываюсь платьем, быстро начинаю натягивать блузу, забыв надеть бюстгальтер, стараясь не смотреть в его сторону. Одеваюсь молниеносно живо, поскорее хочется уйти. У входа стоит Митяй, преграждая путь с улыбкой на лице. Я останавливаюсь напротив, с неуверенностью спрашиваю:

– Я что-то сделала не так? – прячу глаза от стыда.

– Все так, договор не нарушен, – вкрадчиво заглядывая мне в глаза, убирая прядь моих волос со щеки. – Ты теперь догадываешься, какие у нас будут уроки?

– Что? Это будет каждый раз? – удивляюсь я. О! это очень... интимно.

– Я буду учить тебя сдерживаться, и не только... – озаряет меня улыбкой.

Я прикусываю губу, в последней фразе, столько секса и страсти. Я буду все время испытывать такие чувства рядом с ним? О!

– Мне уже не терпится дождаться следующего урока. – как я это произнесла, о, Боже! Чувствую, измену самой себе, выходит страсть и соблазн, я с ним заигрываю, и причем от-

кровенно, ловлю себя на мысли, что мне нравится это. Продолжаю играть глазами, уже не стесняясь и он это чувствует.

– Это произойдет быстрее, чем ты думаешь... – наклоняется к моему уху и шепчет так, что во мне поднимается новая волна возбуждения.

Я только сверкаю глазами, затуманенными и одурманенными, ухожу прочь с улыбкой на губах. Спускаюсь по лестнице вниз испытываю себя окрыленной, во мне расцветает все живое, и его оказалось достаточно много, а я даже не подозревала об этом. О! Сколько я упустила в своей жизни. Я никогда такого не испытывала. Я жила как овощ, опираясь на свои инстинкты. Он разбудил во мне то, что спало всю мою жизнь.

Домой возвращаюсь в хорошем настроении, Тата занята детьми. Я знаю, что меня ждет вечерний выход в свет. Адриан занят своими проблемами, и точно не догадывается, что меня сегодня ждет. Тата с уверенностью остается у нас в квартире, помогает уложить деток спать. И неторопясь начинает собирать меня. Тата достает огромную коробку с вечерним нарядом, раскрываю и прихожу в восторг от дорогого бренда платья, ткани, качества пошива – оно великолепно. Красное, шелковое платье на тоненьких бретельках с оголенной спиной в виде лодочки, как будто его сшили для меня. В коробке нахожу украшение. Красный рубин на длинной, золотой цепочке. Рубиновая капля легла в ложбинку моего изгиба между талией и ягодицами, обращаю внимание на то,

как сильно оголена моя спина, сексуально, не оторвать глаз. Тата подает маленькую сумочку, украшенную мелкими драгоценными камнями, и телефон со словами:

– Это на тот случай, если Адриан решит вернуться раньше, когда получишь СМС, ты должна вернуться домой. А теперь иди, тебя ждет машина не у подъезда, а через два дома, за углом у гостиницы.

– Спасибо, я благодарна тебе. – сжимаю плечи от какого-то неловкого момента. Я совершаю преступление, ухожу из дома ночью, оставляю своих детей с незнакомой женщиной. Что меня ждет?

– Не тебе говорить спасибо, иди. – ободряющая улыбка, то, что мне сейчас нужно, для моего спокойствия и материнского сердца.

– До скорого. – неуверенная улыбка.

Открываю дверцу белого лимузина, сердце выбивается из такта, переполняющие меня эмоции укрывают с головой, когда встречаюсь со знакомыми глазами Митяя. Белый смокинг подчеркивает черную рубаху и красную бабочку под воротничком, самого симпатичного и сексуального мужчины. Его улыбка встречает меня с бархатным голосом, подавая руку:

– Добрый вечер! Ты великолепна, – притягивая меня к себе поближе.

– Не думала, что так скоро. Это продолжение урока? –

радуюсь нашей встрече.

– В каком-то смысле, – жадно оглядывает меня.

Я зависаю на красивом лице Митяя, глаза играючи смотрят. Неостывшие чувства к нему пульсируют. Вспоминаю нежное прикосновение рук. Как он это делает? ведь это нужно уметь, прикоснуться к женской груди так, чтобы возвысить до небес сознание, и ни о чем не думать, наслаждаться, принимать ласки и желать партнера всем своим я.

Адриан не умеет так прикасаться, он даже не ласкает, а просто мнет грудь, как шары, иногда мне это не нравится и дает обратный эффект – не то, чтобы заняться любовью, а оттолкнуть его и отправиться по домашним делам. Очень часто бывает, когда с Адрианом занимаемся сексом, думаю о том, что нужно успеть за сегодня, или как детки у мамы гостят, чем занимаются, или какая погода за окном, срочно нужно идти гулять. О каком возбуждении может идти речь?! Поскорее бы все закончилось. Конечно, бывали такие моменты, когда посмотришь фильм про нежные чувства между женщиной и мужчиной, про их любовь, жаркие объятия, сладкие поцелуи, и пытаешься с импровизировать это с мужем, представляешь героя фильма вместо него, и чего? Ничего, неудовлетворенная идешь спать или продолжаешь заниматься своими делами, как будто ничего и не было, и произвольно начинаешь думать, страсти вовсе и нет, и секс – это трата времени или какое-то нелепое разочарование. А может, это только в фильме так? Ведь с самого первого раза у

нас с Адрианом в сексе что-то не так. Или только с моей стороны так происходит? Я окончательно запуталась, но теперь я четко понимаю, что сидящий рядом со мной человек рождает бурю эмоций, и мне страстно хочется его поцеловать, стянуть с него одежду и растерзать в объятиях.

– Мы куда? – соблазнительно спрашиваю своего партнера.

– Скоро узнаешь, – кладет теплую руку поверх моей, лежащую на краю сиденья. И уже от этого прикосновения начинают сводить мышцы в животе.

Я в ожидании чего-то фееричного.

И действительно, подъезжаем к грандиозному дому в виде замка. Проецируется маппинг – шоу на фасадах дома, олицетворение белой лилии, вернее садов уходящих вдаль, состоящие из многочисленных соцветий, закаты и рассветы в несколько минут, распускание бутонов на встречу солнцу и смыкание лепестков королевского цветка на спустившуюся ночь. С затаившимся дыханием не осмеливаюсь выйти из машины. Изящная архитектура замка в стиле времен Людовика XIV симметрично смотрится с возвышающимся черным куполом над белым величием. Замок окружен роскошным садом, террасами, стриженными баскетами, топиарными формами живых скульптур в виде гигантских павлинов. На раскрытых хвостах статуй лицезрею обилие цветов вперемешку с светодиодами, играя гранями преломления света красок. Ступаю на ковровое покрытие, вдоль которого горит тысяча свечей. Митяй берет мою дрожащую руку и кладет ее се-

бе под локоть. Центральная полукруглая лестница озаряется теплым светом, музыканты льют свою музыку, не обращая внимание на прибывающих богатых гостей.

Перед нами раскрываются стеклянные двери, внутреннее убранство дает ощущение невесомости, высокие потолки с фресками, мраморные стены, кожаная мебель и много – много золота. Осматриваюсь по сторонам, разглядывая бюсты гипсовых женщин, между кариатидами древнегреческих атлантов, каскадные, свисающие люстры рождают воздушное, световое освещение. Белоснежный, блестящий пол отражает гостей, мирно беседующих между собой, ненавязчивая музыка обволакивает королевской роскошью. Ухоженные женщины в красивых вечерних платьях с бриллиантами, мужчины с запонками из драгоценных камней, жемчужин, костюмы из натуральных и качественных тканей. А между гостями маневрируют девушки – официантки в черных длинных вечерних платьях с подносами в руках, предлагая гостям прохладительные напитки, закуски из морепродуктов. Обращаю внимание, что все эти девушки блондинки, модельной внешности и похожи друг на друга. Наконец – то ощущаю горячую руку на своем плече, ошарашенная богатством и роскошью, встречаюсь взглядом с кареглазым мужчиной. С облегчением вздыхаю и шепчу ему на ухо:

– Где мы? – часто дышу от переполнения эмоциями.

– Наслаждайся настоящим. – шепчет мне на ухо, чуть открывая свои зубы в улыбке.

– Что я буду отвечать, если вдруг спросят, кто я?

– Ты не обязана отвечать, – играют темные глаза искрами, – сегодня тебе придется, провести время только со мной, – сжимает мое плечо сильнее.

– Ну а все же? – не понимаю я.

– Ну а если? – удивленно смотрит. – Только с мужчинами разрешено общение. – быстрым взглядом обводит комнату.

– Мужчиными? – вглядываюсь в его красивое лицо с изумлением.

– Женщины – хищницы, а мужчины – жертвы в их глазах.

– О, как все серьезно, – бросаю взгляд на окружающих меня красивых мужчин, все же спрашиваю еще раз: – Что мне делать на этом безумно дорогом ужине, или...

– У богатых людей свои забавы, и скоро ты о них узнаешь, – заставляет меня посмотреть на всех присутствующих другими глазами.

Меня заворожила его фраза и довольная ухмылка. Мы проходим сквозь скопление людей, через просторные залы и выходим на балкон. Просторная терраса огорожена по периметру низкой изгородью из сочной, густой листвы с яркими плодами красного цвета кизильника. За белым роялем, около золотой клетки со снежным, живым павлином, играет пианист, погружаемся в иную обстановку. Огромными и жадными глазами поедаю всех и вся, богатых людей из высшего света, а они мне в ответ улыбаются и принимают за свою. Ловлю на себе взгляды восхищения, парни сворачива-

ют шею провожая меня, оценивая оголенную спину. Ну, конечно, не только спина открыта, а виднеется мой зад. Впервые за свои двадцать восемь лет чувствую, как меня хотят, вот так открыто и не стесняясь схоронить это в тайне. Цепляюсь с одним парнем взглядом, и не могу спрятать свое любопытство, чтобы не остановиться и обменяться воспламеняющими чувствами. По привычке думаю, что – то со мной не так или смешно выгляжу, но вдруг Митяй дотрагивается до моей спины, прижимая холодный металл цепочки, украшающий мою спину. Холодок мгновенно приводит в трезвое мышление, его рука прижимается сильнее и начинает медленно двигаться к рубину, замирает. Закрываю глаза и жадно представляю, как это смотрится со стороны, мужчины не отрывают глаз, пылаю от страсти и одновременно от стыда.

– Что ты делаешь? – замедляю ход, с учащенным дыханием.

– На нас смотрят, и мне это нравится. – продолжая будоражить мое тело прикосновениями рук.

– В смысле? Что? – нервничаю, не понимая его намерений. – Я...

– Не про то ты думаешь, – приближается к моему лицу. – Можешь меня остановить, никто тебя не заставляет, – часто дышит и смотрит мне в глаза.

– Я не хочу тебя останавливать, – сглатываю слюну от предвкушения сладостного чувства.

– Ты хочешь продолжения? – прижимая свою ладонь к мо-

ей коже и обжигает страстью.

– Да, – закрываю глаза и представляю, как все это будет. Ритм сердца сбился, я застонала.

Его рука скользит ниже к моим ягодицам, чувствую руку в трусиках. Меня трясет, открываю глаза и шепчу:

– На нас смотрят, – щеки вспыхивают огнем, ноги подкашиваются.

– Ты должна контролировать свое желание, – играя пальцами у меня в трусах, нежно раздвигая нижние губы. Его веки смыкаются и вновь размыкаются, скулы заливаются краской, а глаза обжигают пьяным взглядом.

– Я не могу, – с одышкой говорю, чувствую, как все тянет вниз. Его пальцы умело играют мной. Мы окружены людьми, многие не отводят от нас глаз. Краснею, бледнею, кусаю губы, одновременно сгорая от бесчестья, и все же не в силах справиться с непреодолимым желанием вознестись над землей от ласк жгучего брюнета.

– Молчи, я бы тебя прямо здесь трахнул при всех, – прижимает свои губы к моей шее. Чувствую яд влажного поцелуя. Слова произнеслись так, как будто это приговор, я хочу его, у всех на глазах, да, я желаю этого. Его руки творят чудеса, играя моей киской у всех на глазах, только я это чувствую, и разрез на спине наверняка предполагался для его рук.

– Зачем ты надела трусики? – обжигает ледяным паром изо рта кожу шеи, двигаясь губами к моим скулам.

Ну, вот, ко мне подкатывает желание, я окончательно возбуждаюсь, закрываю глаза, жду, когда пальцы скользнут в меня, но он обманным путем играет, наращивая энергию.

– В следующий раз учту. – дрожащие губы хотят поймать его, изгибаюсь так, чтобы пальцы все же нырнули. – Что ты делаешь со мной? – содрогаясь от его прикосновений.

– Я хочу, чтобы ты кончила, – нервно, сухо сглатывая и передавая нервозность мне.

Оборачиваюсь к нему, стреляя глазами, с вопросом:

– Сейчас, здесь? – чувствую, мой нектар сочится по его пальцам.

– Да, сейчас и здесь, – закусывает нижнюю губу и закрывает глаза.

– Но... – раскрываю рот и, выпускаю аромат, сносящий крышу не только мне – и ему тоже, чувствую, как все же пальцы скользнули в меня.

Стон вырвался наружу, оргазм, стоя посреди зала с многочисленными глазами. Эйфория туманит мозг, я в космосе, не вижу вокруг себя никого и ничего, тело с мелкой дрожью сжимается и падает в огромную пропасть, наполненную светом, теплом звезд. Я лечу в замедленной фотосъемке, разглядывая вокруг себя красоту. Кажется, что я не на земле, парю в сладком чувстве оргазма. Прихожу в себя, раскрываю глаза и вижу лицо Митяя, глаза играючи улыбаются, кладу отяжелевшие руки ему на плечи, утыкаюсь в грудь лицом, сторя от стыда. Я боюсь оглядеться вокруг. Митяй обнима-

ет меня и прижимает, играет музыка, как продолжение оргазма.

– Потанцуем. – приказывает он, начиная движения.

Мое тело всецело принадлежит ему и справиться собой крайне сложно, да и желания нет это делать, я счастлива.

– Не нужно стесняться, – шепчет мне на ухо.

– Я только что испытала чувства, которые, наверно, нельзя было испытывать.

– Почему? Отчего такие выводы? – поворачивая меня в полуоборот танца.

Решаю воспользоваться моментом и оглядываюсь по сторонам, понимаю, что мы единственная танцующая пара в центре всеобщего внимания.

– На нас смотрят. – с тревогой говорю я.

– Ну, конечно, сегодня ты королева этого бала. – поворот в танце. – Ты только посмотри, как на тебя смотрят мужчины, и каждый хотел бы быть на моем месте.

– Не поняла. – озаряюсь вокруг себя.

– Ада, ты излучаешь секс, ты пахнешь сексом, таких женщин очень мало, ты уникальна, поймешь это со временем, а сейчас нужно научиться управлять собой.

– Ты это серьезно?

– Более чем, я кончил вместе с тобой, мои брюки мокрые, и это ты ко мне не прикоснулась, и себя не трогал. Когда ты открыла рот в стоне, из тебя вышел аромат, который накрыл меня с головой, и я вместе с тобой парил среди звезд.

– Что?! – спуская руку на его...

– Убедилась? – кривая ухмылка красивых глаз.

– Как?

– Я же тебе говорю – ты уникальна.

– Но почему с му... – запинаясь, вспоминая Адриана.

– Муж? Он сам не знает, поэтому он кончает очень быстро, не удовлетворив тебя. За все эти годы в тебе накопилась энергия, которой тебе нужно научиться управлять, ты даже представить не можешь, какая это сила.

– Я чувствую себя виноватой... – сжимаю его руку при повороте, кружась на белом отражающем полу.

– В чем?

– Я изменяю ему с тобой, а мужа виню в этом. – закрываю глаза и вижу, как он трахается с другой в туалете, мерзкая картина открывается с другой стороны.

– Со мной? – рассмеялся он. – Я только тебе помог, полового акта не было, ты забыла условия договора?

– Все равно это измена! – виню себя в чем – то, но не могу разобраться в чем.

– Ты никогда его не любила, – неосторожно прыснул он.

– Это не тебе говорить, – злюсь, поддаваясь танцу. – Почему одни танцуем? – грубость в моих словах, и какое право он имеет так говорить.

– Мы открыли этот вечер, а за иными дверями другая жизнь, и узнаешь ты о ней не сегодня, пожалуй, мы с тобой сейчас удалимся.

– Почему? – ищу глазами что – то.

– Ты не готова, – ловит мой взгляд на себе.

– К чему? – в надежде услышать ответ.

– Это уже решит Милли.

Кусаю губу, жду окончания танца, вспоминаю расписание, каждый понедельник психолог, а в воскресенье Джонни. И мне не терпится уже встретиться с ними.

Поспешно уходим, садимся в лимузин. Жмусь ближе к окну, провожая взглядом прекрасное шоу заката на известняковых стенах особняка. Гаснут свечи, нас обволакивает тьма, смотрю в лобовое окно на свет от фар, тени высоких деревьев надвигаются с неумолимой печалью. Грусть опускается на сердце, чувство вины прогибает, от чего такое состояние? Тошнит и воротит. Митяй берет мою руку с вопросом:

– Все хорошо?

Я роняю слезу, быстро моргая.

– Нет, – опускаю свое лицо вниз к коленям, и вижу, что рука Митяя сжимает мою.

– Сейчас пол третьего ночи, и ты едешь, с сексуальным мужчиной в самой дорогой машине, с твоими детьми лучшая няня, таких еще поискать, а твой муж развлекается в дорогом ресторане с другими женщинами, не думая, не вспоминая ни тебя, ни то, что у него есть дети и семья. Отчего тебе грустно?

И действительно, оно так, если бы не соглашение, моя жизнь продолжалась в серых буднях, каждый день, как

предыдущий, и ломала голову над изменениями мужа, съедала себя изнутри медленно каждый день и не замечала, как превращаюсь в старуху, при этом чувствуя денежную зависимость.

– Твоя жизнь меняется, это будет сложно принять. – вздыхает. – Ты можешь в любое время разорвать соглашение, если захочешь, поэтому тебе дано три месяца, – внимательно смотрит на меня, пытаюсь прочесть мои мысли.

– Ты прав, мне просто страшно. – меня осеняет, что я испытываю чувство страха вместо вины, боюсь последствий, вот что испытываю. Боюсь реакции мужа, осуждения.

Возвращаюсь домой. Тишина и мрак, безумно хочется закурить, глушу в себе это желание, распахиваю настежь окно, останавливаю взгляд на тех дверях. Ловлю себя на мысли, что я там, внутри, погружаюсь в другую жизнь. Я желала всем нутром оказаться там, и вот – я здесь, ощущаю сладость жизни, невольно улыбаюсь. Смотрю на телефон, время четыре тридцать, с облегчением вздыхаю – сегодня пробежки нет, смогу насладиться сном. Забираюсь в кровать, обнимаю деток, чувствую запах детства, свой аромат, такой родной и близкий, погружаюсь в сон, не вспоминая Адриана.

День шестой

Этот день принадлежит мне и моим деткам. Тата на столе оставляет конверт с деньгами и с рекомендациями, куда можно сходить с детьми. Достаточная сумма на один выходной, столько сколько Адриан не давал ни разу, на эти деньги мы бы могли слетать на море и жить там целый месяц, ни в чем себе не отказывая. Мозг начинает переваривать информацию, как объяснить мужу, откуда столько денег, но сразу же откладывая мысль, когда входит на кухню Адриан с оправданиями:

– Вчера был важный ужин с предпринимателями, эта встреча может сделать нас богатыми. – потягивается, разводя руки в стороны, и заглядывает в сковородку с яичницей.

– Ты проголодался? – вижу его сверкающие глаза на еду.

– Да, накорми своего мужа, – глядит на меня так, как будто не узнает. – Что с тобой? – я теряюсь, что со мной? Чуть ли не срываюсь к зеркалу, как вдруг он добавляет:

– Ты изменилась во внешности.

– А, ты про прическу? Да, я вчера была у парикмахера.

– Ты очень похудела, – разглядывает мой вид в шелковой майке и в коротких шортах.

– Я красивая? Ты это сказать хотел? – пронзаю его взглядом. Ловлю себя на мысли, что мой взгляд становится игристым в его сторону.

– Ты сексуальна...

– Мама, что это означает? – врывается детский голосок Кристофера в наш диалог.

– Милый, это означает, что я самая лучшая из всех женщин.

– М-м-м, я Алисе так же скажу... – в мечтах произнес Кристофер, доедая тост с маслом.

– О, ты влюбился? – задает вопрос сыну Адриан, присаживаясь рядом за стол.

– Да, Алиса очень хорошая, мне нравится с ней разговаривать.

– Так и скажи, что она лучше всех на свете. А то она тебя не поймет, это взрослое слово. – вставляю свое мнение в разговор между мужчин.

– Но это слово – «сексуальная»! Так звучит красиво. И оно вбирает в себя такой смысл и столько слов сразу, одновременно.

– Кристофер, а ты попробуй сказать своими словами, так будет лучше, – настаивает отец.

– Но я не хочу. Ты ведь маме это сказал, и ей это понравилось, у нее глаза заблестели, – хмурится сынок, поглядывая то на меня, то на Адриана. – Я хочу, чтобы на меня так же смотрели.

Я кошусь глазами на мужа с мысленным криком: «Вот чему ты учишь детей.»

И я вижу ответ в его взгляде на мое возмущение: «Я хочу

тебя».

Я резко опускаю глаза в пол и перевожу тему на планы сегодняшнего дня.

– Чем займемся? – Адриан ловит мой мысленный посыл с ответом «нет», и ему это явно не нравится, это ощущается в его голосе и интонации:

– Я после завтрака уеду, у меня в другом городе важная встреча.

В душе радуюсь, его поездке, все же делаю серьезный взгляд с вопросом:

– На долго?

– До вторника, поэтому вам придется побыть без меня, – пытается поймать мой взгляд.

– Хорошей тебе поездки и удачных переговоров. – говорю с улыбкой, беру Розу на руки и крепко обнимаю, целую, пытаюсь не реагировать на его посылы. – А мы сейчас отправимся гулять! И будем наслаждаться жарким днем, правда же?! – целую макушку сына, который радуется тому, что я в хорошем расположении духа. И действительно, после недельной разлуки, этот день с детьми – самый счастливый завершающий момент недели. Я дико соскучилась по своим крохам, и поэтому их постоянно целую и обнимаю, улыбаюсь по каждому поводу, радуюсь всякой попытке Розы взгромоздиться мне на руки. Теперь я начинаю понимать: когда получаешь от жизни все, чего заслуживаешь, то дни в ней становятся по-настоящему счастливыми, я чувствую себя женщиной! Я

могу гордо сказать, что сексуальна и красива.

Субботний день. Побывали там, где посоветовала Тата, в тех местах, о которых я даже не подозревала. Огромный парк с различными каруселями и аттракционами, зоопарк «Джунгли» с дикими животными, зоопарк «Сафари» со слонами и зебрами, где мы кормили их из рук. А также мы побывали в океанариуме, Кристофер впервые увидел огромных касаток, смотрели шоу русалок с фейерверками над головами в ночном небе, где дельфины несли на своих спинах превратившуюся в человека русалку, было фантастически фееричное шоу. А когда комфортное такси привезло нас домой, детки от переизбытка эмоций уснули в машине на моих руках. В эти минуты я была поистине счастлива, мысленно перебирая всех, и благодарила за все, даже Адриана, ведь он меня и толкнул на безумное соглашение, и чем оно закончится? Я в предвкушении событий.

День седьмой

Наконец-то долгожданная встреча с Джонни. Одеваюсь так, как меня учил Сандр. Шелковый белый топ на бретельках со стразами Сваровски, переливающихся всеми цветами радуги, светлая юбка-карандаш, жемчужно – яркие туфли на высокой шпильке. Укладываю волосы, придаю тон лицу, крашу губы ярко-красным цветом. Из зеркала на меня смотрит кинозвезда или модель с глянцевых обложек, я очень красивая, стройная, и тело приобретает точеные очертания.

Легкой походкой иду по парку, с гордо поднятой головой. На меня обращают внимание абсолютно все: женщины и девушки – оценивающим взглядом и мысленно завидуя, мужчины сворачивают шеи, и кажется, что они сейчас пойдут за мной. Я получаю некий адреналин от того, как на меня смотрят, и не важно, что они думают. Важно то, что у меня внутри, а внутри – гармония с собой.

– Ничего себе! – снимая солнечные очки, чтобы внимательно меня рассмотреть, произносит восторженно Джонни.

– Здравствуйте. – протягиваю ему свои руки с безупречным маникюром.

Деликатно целует руку, улыбается мне в ответ.

– Здравствуй. Вижу, ты сама от себя в восторге. – не скрываю смех, и хорошее настроение. – Нас ожидает машина, мы с тобой едем сейчас в ресторан, хочю посмотреть, чему ты

научилась.

– А-а-а, я поняла, вы будете делать работу над ошибками? – понимаю намек.

Мы садимся в дорожную, черно-матового цвета машину, с дверьми открывающимися вверх, терракотовый замшевый салон впечатляет, мягкие, приятные на ощупь сиденья обнимают тело.

– Знаю, тебе не терпится расспросить обо всем, но умей держать себя в руках, всему свое время. Сейчас я включу музыку, а ты постарайся получить удовольствие от поездки. – подмигивает мне чернокожий красавчик.

Включается классическая музыка – скрипка с нотками фортепиано. Я стараюсь расслабиться, потушить пыл от долгожданной встречи, вслушиваюсь в красивую мелодию и закрываю глаза. О да, я попытаюсь представить море, волны и звездное небо, мысли прекращают свой ход.

Мы подъезжаем к ресторану, прихожу в восторг от архитектуры. Стекланный фасад здания расположился на сваях, на искусственном водоеме среди леса. По озеру плавают белолобые лебеди, небольшие светящиеся лодочки на двоих, придают эффект ландшафтного дизайна. Вокруг необычной архитектуры, располагаются обилие цветов разных сортов, размеров и форм, хрустальный мост, ведущий от материка к оазису света современной технологии проектных решений стекла, каркаса из стали необычной формы и острых углов.

Ресторан пуст, все столы накрыты на двоих. Открывается

иллюзия соединения с природой, где можно насладиться шикарным пейзажем, не подвергаясь капризам природы.

– Выбери, – предлагает Джонни выбрать стол, мило улыбаясь, наблюдая за моей растерянностью.

Прохожу вдоль сервированных столов и предлагаю сесть в центре, так как отсюда открывается роскошный вид на озеро с лебедями.

– Отличный выбор. – хвалит Джонни.

Он отодвигает стул для меня, сажусь за стол, подают меню. С восторгом раскрываю его, да, я знаю, что в дорогих ресторанах цены за блюдо не указывают, только граммы. Джонни предлагает сделать выбор мне за нас обоих, пользуясь приобретенным опытом, тем самым продемонстрировать свои умения.

После сделанного заказа, нервно смотрю на афроамериканца, кусаю губы, бегаю глазами, слова, вопросы так и просятся вырваться наружу, Джонни прерывает:

– Сначала обдумай, выстрой цепочку, а потом порционно начинай.

Я глубоко вздыхаю и задаю первый вопрос, который больше всего меня терзает:

– Сколько вы на меня тратите? И, как и чем я буду с вами расплачиваться?

– Будь непредсказуемой! Я знал, что первый вопрос будет именно такой, и предчувствую, какими будут второй и третий. Ты мыслишь, как девяносто процентов людей, но у тебя

будет время научиться искусству узнавать то, что тебе действительно нужно.

Я вхожу в ступор. Такого я не ожидала.

– Но по-другому я не умею.

– Я же говорю – ты этому научишься. Вопрос: сколько на тебя тратим? Много, но тебе об этом не стоит беспокоиться, отдавать тебе не нужно и расплачиваться тоже.

– Но?.. Чем я такое заслужила? Я даже не мечтала об этом.

– Ты узнаешь позже, по истечении девяносто дней, сейчас твоя задача – принимать то, что тебе дают.

– Я про Митяя хотела спросить...

– Ах, да! Ты в замешательстве? Верно?

– Он творит такие вещи со мной, когда я с ним, то получаю колоссальное удовольствие, а когда остаюсь одна, сама с собой наедине, корю себя за то, что испытала.

– Ты просто не привыкла получать от жизни самое лучшее.

– Как это? Я считаю, это измена, не мужу, а самой себе. Ведь, когда изменяешь, то в первую очередь изменяешь себе.

– Умно сказано, согласен. А теперь проведи линию своей жизни, – достает из внутреннего кармана блокнот и ручку, протягивает мне. – Раздели лист на две части, на одной пиши то, что тебе нравилось получать от жизни до этого соглашения, а на другой – что не нравилось.

Я расчерчиваю лист на части и задумываюсь, захожу в тупик, ярких и счастливых моментов было всего три – это

моя свадьба, рождение Кристофера, Розы. А во второй части блокнота просто не хватит места, чтобы все уместить.

– Ну?.. – задумчиво произносит Джонни, внимательно рассматривая мое смущённое лицо.

– Я могу сказать, что всего три момента в моей жизни сделали меня счастливой, а все остальное... – смотрю на пустой лист бумаги.

– И как долго твое счастье длилось?

– Я в полном замешательстве. – реально начинаю понимать, что это короткое счастье, ведь, когда я вышла замуж за Адриана и у нас родились детки, любви между нами, наверное, не было, это... – Это мнимое счастье? Я себя обманывала?

– Это тотальные правила, стандарты для общества, вот что это. До встречи с нами ты была счастлива?

Как это ни больно признавать, но правда протыкает насквозь все мое понимание о жизни.

– Нет. – я разбиваюсь на мелкие кусочки.

– Смотри, небольшой тест для тебя, существует три группы людей, рожденных на белый свет. Первая – люди, которые считают себя особенными, они должны что-то сделать и оставить свой след на этой земле. Вторая – люди, которые родились, чтобы продолжить человеческий род. Третья – жертва человеческого рода. Ну, теперь вопрос: к какому типу людей ты себя хотела бы отнести?

– О, ну и закрутили. – размышляю, неуверенно отвечаю: –

Наверно, к первому.

Джонни смеется.

– Семьдесят процентов отвечают, что хотели бы себя отнести к первому. Ну, смотри, ты выбираешь первый, а значит, ты на себя взваливаешь миссию человечества. Но из этих семидесяти процентов шестьдесят семь процентов людей при первой же попытке ломаются при разных обстоятельствах и заканчивают либо суицидом, либо психбольницами. Двадцать пять процентов относят себя ко второй группе, они просто живут, женятся, рожают и работают, чтобы есть, есть, чтобы работать, а потом умирают. И только пять процентов относят себя к третьей группе, и это правильное решение. Перед ними есть выбор: пробуя первый вариант, пытаясь что-то совершить в этой жизни, то, что сделает их известными, они напишут новую историю существования человека, но если вдруг не получилось, то они переключаются на второй вариант, влюбляются, женятся и рожают, либо наоборот. Вот и перед тобой стоит выбор.

– Как бы мне все это переварить. Какой выбор?

– Ада, к чему я все это? Ты говоришь, что изменяешь себе? В чем? Что ты испытываешь чувства?

– Ну, как это объяснить, почему у меня возникает чувство вины?

– Хорошо, задам по-другому вопрос. Тебе нравится секс с мужем?

И тут до меня доходит.

– Хотелось бы большего.

– Чего конкретно?

– Я ни разу не получала с ним оргазма. Я закрыта от него.

– Отчего так? Причина?

Вхожу в замешательство, я не знаю причины.

– А причина с самого детства идет, тебе всегда говорили, что ты не красавица, верно? Тебе внушили это! Поэтому ты закрыта от всех. Ты бутон розы, который не раскрылся, а для того, чтобы раскрыться, нужно работать над собой, и в этом мы тебе помогаем. Теперь понимаешь?

– Немного, да, понимаю. Митяй раскрывает меня, я стала замечать за собой то, что раньше не видела.

– И при этом, как сказано в соглашении, никакого полового акта. Он тебя не касается, а только помогает раскрыться, выйти твоим чувствам наружу. Измены нет, это новые ощущения, которые не каждому дано испытывать, и это не стандарт человеческого мышления, потому что в детстве тебе этого не рассказывали. Эта тайна сидит в каждом человеке! Каждый хочет испытать это. Об этом молчат. Вот откуда это чувство вины – потому что в твоей голове не отложилось того, что есть блаженство и оргазм, чувство, от которого душа человека летает.

– Вот вы говорите, что, если я отнесу себя к третьей группе, ну, допустим, я второй вариант попробовала, состоялась, как мать, жена, а с первым что? Ведь я в себе ничего такого не нахожу, чем я смогу мир удивить.

– Молодец, я горжусь тобой, твой мозг заработал в нужном направлении. Ну, это ты должна сама найти в себе талант.

– Но у меня никогда ничего такого не было. Я просто жила и ничего в себе не замечала, никакой тяги ни к чему.

– У каждого человека есть талант, многие всю жизнь проживают и даже не догадываются об этом.

– Но вы меня выбрали для чего-то, я себя чувствую героиней из очередной передачи «Перезагрузка».

Джонни смеется.

– Но ты не героиня, ты настоящий клад, ты должна сама к этому прийти, раскрыться и почувствовать себя, поэтому мы рядом.

Задумываюсь.

– Но, если что-то создавать или творить, нужны знания и умения. Многие жизнь отдают за это, и только после смерти...

– Если человек открыл в себе талант и правильно его развивает, ему никакого труда не составит получить необходимые знания, чтобы пользоваться талантом, верно? Бог его дает в полном объеме для того, чтобы остался след.

– Вы знаете обо мне больше, чем я о себе.

– Я чувствую твой запах, и он о многом говорит.

Я сдвигаю брови, понимая себя, и тут...

– Да, точно, запах, но я не уверена, что это дар какой-то.

– Та-а-а-ак?!

– На меня очень сильно влияют запахи.

– Ну, вот видишь, ты начинаешь открывать свои потайные дверки.

– Это разве дар?

– А ты думаешь, нет? Вот про что я и говорю, многие люди живут и даже не подозревают о своем даре.

– Ого!

– В следующее воскресенье ты убедишься в этом.

– Я не доживу. Это так долго! – не могу держать себя от предстоящего будущего.

– Учись контролировать себя.

– Да, я помню.

– Сегодня ты справилась на отлично. Диего все правильно делает, похвалю его. Продолжай в этом же духе. До следующего воскресенья.

– До следующего.

– Что нужно сделать, чтобы принесли счет? – последний на сегодня экзамен для меня.

Еще тогда, когда Диего привел меня в дорогуший ресторан, впечатлил жест: кладёшь салфетку с колен на стол, персонал ресторана понимает, трапеза окончена и нужен счет. Я с гордостью бросаю салфетку на стол.

– И да, чтобы ты знала и училась себя контролировать. – протягивает мне желтый конверт. – Где и с кем твой муж.

Я раскрываю конверт и вижу фотографии Адриана с блондинкой, похожей на меня. Его счастливое лицо среди снеж-

ных гор, лыжи, поцелуи, объятия и даже позы в постели. Обнаженные тела и лицо этой блондинки, в это мгновение она получает оргазм. У меня все внутри опускается, самооценка вновь падает. Из моих глаз катятся слезы от досады. Почему не я на ее месте, почему он меня не позвал в горы? Ведь я никогда не видела такого количества снега. Мысленно хочу оказаться рядом с ним и наслаждаться вместе увиденным, делить свои эмоции пополам, а получается, что я годна только на рождение детей, быть кухаркой, уборщицей и мыть полы вместо тренировок, а он – все блага жизни впитывать.

– Больно? – положив свои черные руки на мои, спросил Джонни.

– Такого еще не испытывала, мне хочется умереть, почему он так со мной? Что не так делаю? Ведь я уже поменялась, построилнела, и вчера он говорил, что хочет меня, как такое возможно?

– Это жизнь, милая моя, ты должна принять этот удар, терпеть.

– Ради чего? – вытираю слезы.

– Ради своего будущего. Когда ты поймешь, ради чего ты живешь, ты уже решишь, простить его или выбросить из жизни.

– Я не смогу простить ему измену... – хлюпаю носом, как ребенок.

– Тогда возьми себя в руки, ты сильнее обстоятельств, – берет меня за руку и приглашает выйти из-за стола. – Попла-

ваем на лодочке?

– Да. – немного отвлекаясь, принимаю предложение прокатиться по озеру, усыпанному мелкими фонариками по черной глади воды.

Приятная и волшебная музыка звучит откуда-то, не могу найти источник, смотрю на фонарики, которые ударяются о борт нашей лодки. Я оказалась в сказке, такой красоты не видела еще никогда. С широко раскрытыми глазами, впитываю эту красоту, волшебную музыку. Рядом со мной Джонни, а мне вдруг хочется, чтобы это был любимый человек, обнимал меня, делился впечатлениями от увиденного и услышанного, ну и, конечно, чувствовать любовь на своем теле, нежные объятия. От предательства Адриана из глаз, еще не высохших от слез, покатались новые – боли, тоски и печали о любви. Джонни приобнимает меня за плечи, прижимает к себе. Чувствую его аромат, дорогих духов, они возбуждают мое воображение о мужчинах. Мысленно начинаю перебирать всех, с кем познакомилась за эту неделю, своих учителей, вспоминаю их запах. И тут до меня начинает доходить, от всех этих мужчин, пахнет одинаковым парфюмом. Я как будто заколдованная, произношу, задавая вопрос:

– Вы пахнете все одинаково.

– Ты лишний раз подтверждаешь, что мы не ошиблись в тебе, Ада.

– Это так? – смотрю в глаза чернокожего мужчины.

– В следующее воскресенье?

– В следующее.

А когда лодка пришвартовывается, я вижу на берегу огромный купол под открытым небом, где расположился целый оркестр.

– Ничего себе! – ступаю на стеклянную платформу под куполом. – Вот откуда, волшебная музыка. – я шокирована грандиозным оркестром – саксофоны, арфы, белый фортепьяно, трубачи, скрипачи, одетых в белоснежные смокинги, а дамы в длинные развевающиеся от легкого, ночного ветерка, платья. Они играют для меня. За спиной вновь вырастают крылья, чувствую себя значимой и нужной.

День восьмой

Встреча у психолога Риккардо Милли. Это наша вторая встреча, и я, если честно, очень переживаю и безумно взволнована. Вхожу в просторную студию, залитую солнечными лучами, статный силуэт у окна, руки в замок сложены на спине. Он слышит, что я вхожу, но не оборачивается, чего-то ждет. Чувствую себя сконфуженно, этот мужчина вводит меня в какой-то ступор, рядом с ним мне неуютно, не могу раскрыться и расслабиться. Сбрасываю с себя туфли на высоком каблуке, тихим шагом прохожу к креслу, усаживаюсь, складываю руки крестом на коленях и тяжело вздыхаю, не отвожу взгляд от задумчивого человека.

– Здравствуй. – здоровается он, не отводя взгляда от пейзажа за окном.

– Здравствуйте. – здороваюсь я в ожидании чего-то.

– Подойди ко мне, – предлагает он.

Робко подхожу к нему, затаив дыхание, жду следующих указаний, но он продолжает молчать и смотреть за окно. Принимаю такую же позу, как он, и смотрю за пределы комнаты. Минуты ожидания в полной тишине, со сбитым дыханием. Тишину рвет низкий мужской голос Милли:

– Соблазни меня.

О, ничего себе! Это мне послышалось? Поворачиваю голову и всматриваюсь в его профиль.

– Я должна вас соблазнить? – запинаясь, переспрашиваю.

– Да, – отвечает он, не отрывая взгляд от окна.

Как? Если он даже на меня не смотрит.

– Что я должна делать? – неуверенно спрашиваю.

– Как ты умеешь соблазнять мужчину?

Но! Вот это да! Я как-то об этом и не задумывалась. У меня только один мужчина был, и это мой муж, и я его как-то ни разу не пыталась соблазнить, просто подходила к нему и начинала гладить, целовать, и все само собой происходило, ну, конечно, не всегда... Я должна его сейчас целовать? Ласкать? О! Кружится голова.

Руки потеют, сердце колотится. Встаю позади него, кладу руки ему на плечи. Нежно и плавно начинаю двигать руками по его черному пиджаку вниз по рукавам. Что вообще происходит? Я это делаю, подчиняюсь? Реакция не поступает. Что дальше? Продолжать? Чувствую себя полной дурой, зачем, для чего? Тогда мои руки продолжают плавный спуск по его бедрам. О, Боже, что я делаю? Но он даже не реагирует. Глубоко вздыхаю и направляю свои руки ему в пах по облегающим брюкам. Но опять реакции никакой. Тогда я обхожу силуэт внушительных форм и пытаюсь втиснуться между окном и его торсом, прижимаясь телом к нему, поглаживая его лицо дрожащей рукой.

– Стоп! – хватает мою руку на весу, строго смотрит на меня. – Ты хочешь сказать, только так ты можешь соблазнить?

Я теряюсь, конфузно спрашиваю:

– А как?

– Я должен захотеть тебя. Я должен поверить тебе, что ты меня хочешь!

– Но как, если вы на меня даже не смотрите?!

Милли прищуривает глаза и отвечает:

– А если я был бы слепой?

О! об этом я даже не подумала!

– Прикосновения имеют смысл только тогда, когда тело расположено к контакту. Ты не справилась! А иногда прикосновения и не требуются вообще. Достаточно одного слова или жеста.

И тут я вспоминаю блондинку, ведь она даже ко мне не прикоснулась, а я ее хочу, испытала оргазм, представляя только образ, запах. Точно, запах!

– Что мне сделать? – неуверенно спрашиваю его.

– Ада, есть три способа для соблазнения: первый – это запах, второй – взгляд, третий – звук, то, что слышит тот человек, которого ты хочешь соблазнить. И заметь – прикосновений нет. Ты должна освоить все виды соблазнения. Достаточно одного взгляда, но, как я тебе говорил, человек может быть слепым, тогда в ход идут другие способы.

В моей голове просыпаются вопросы, неужели я должна буду кого-то соблазнять?

– А для чего мне это нужно? – не сдерживая себя, вдруг выпаливаю.

Милли смотрит на меня строгим взглядом, как удар мол-

нией по голове.

– Ада, тебе муж изменяет?

Болезненный укол под дых.

– Да.

– А вопрос себе не задавала ни разу? Почему?

Я хочу ответить: может, любовь кончилась или новизны хочется. Но в ответ говорю только одно:

– Не знаю.

– Почему он достигает оргазм, а ты нет?

– Не знаю.

– Ответ прост: если ты не можешь соблазнить своего мужчину, чего тогда ты хочешь?

– Я соблазняю его, наверно. – скривив свое лицо, не уверена в своем ответе.

– Ада, ты должна уметь соблазнить мужчину, женщину, того, кого захочешь. Если ты этого не умеешь делать, значит, тебе это не надо и секс не нужен, тогда зачем все это надо? Иди и продолжай жить так, как раньше жила, неудовлетворенная и постоянно в ожидании своего мужа. – отходит от меня, расплёскивая руками в стороны.

Меня поставили на место. Я поняла, я все поняла.

– Простите. Просто я в растерянности. Не понимаю, что в последнее время происходит, может, наверно, мне психолог и нужен, который все разъяснит и подскажет выход из лабиринтов мозга.

– Все верно. Я тебе во всем помогу, если ты будешь от-

крыта со мной и честна. И делать все, как я скажу, тогда у тебя результаты будут сногшибательные, ты сама будешь от себя кайфовать.

– Я все поняла, – с надеждой смотрю на него.

– Сегодня будет практика. На примере ты почувствуешь, что такое настоящее соблазнение. Пошли. – тянет за собой к входной двери. Что это значит практика? Он серьезно сейчас? Я не готова. Страх сковывает мои действия, пока я обучаюсь и спускаюсь с ним в кабине лифта на несколько этажей вниз. Его глаза принципиально не смотрят на меня, нервничаю, боюсь задать лишний вопрос, ну почему он меня пугает? Выходим из лифта в какое-то темное и очень тихое место, слышу – где-то журчит вода, а где-то слышны приглушенные капли.

Милли приказывает раздеться до гола. Ну вот, мое стеснение опять берет вверх. Медленно, но я раздеваюсь, он не отводит взгляд. Краснею, теперь я уже не сморю ему в лицо. Стою перед ним босая и нагая, он подходит и завязывает мне глаза плотной материей. Чувствую себя беспомощной и слабой. В крошечной темноте, обнаженная, в незнакомом месте, сама с собой в тишине. Страх неожиданности, что будет, где я? Он берет меня за руки и медленно ведет за собой, ноги чувствуют приятную, мягкую поверхность, комфортно идти. Мы останавливаемся, слышу нежный и тихий голос:

– Иди и чувствуй.

Отпускает мои руки, направляя меня вперед. Неуверен-

ность в своих шагах, что я сейчас на что-то наткнулся или упаду. Медленными маленькими шажочками передвигаюсь по бархатному полу с вытянутыми руками вперед. Включается безумно спокойная музыка, мягкое звучание скрывает тишину вокруг, оказываюсь в какой-то вакуумной прострации. Чувствую, как вокруг колеблется воздух сильными вибрациями, а потом протяжный, как будто кто-то на меня дует, чье-то дыхание около уха, тепло на плечах, нет, не от прикосновения, а от того, как воздух колеблется. С меня резко срывается повязка, вздрагиваю от неожиданности, вижу около себя больше десятка молодых мускулистых, красивых мужчин и абсолютно голых. Парни в танце кружатся вокруг. Оглядываюсь в непонимании, что все же происходит, где я? Чернота, лучи прожекторов играют по темным просторам помещения. Фигуристые танцоры смотрят на меня страстным взглядом, лаская мое тело. Мерещится, как миллионы рук прикасаются к моей груди, животу, плечам. Пересыхает в горле, в животе поднимается рой бабочек, ноги сводит в коротких судорогах. Я не замечаю красоту тел, гениталии, выразительный пресс – только энергию секса, желания, взгляды, проходящие сквозь меня. Вспыхиваю огнем мужской энергетики, окутанной пониманием реальности. Один из многих красавцев подходит ко мне, орошая нежным ароматом трав, от горячего взгляда, сжимаются ноги. Непроизвольно закрываю глаза, запах сверлит мое воображение. В голове проносится «ЗАПАХ» – все зависит от запаха, это конечная точ-

ка. Судорожно выдыхаю, запрокидываю голову, представляя его ласки в реальности. Ледяные капли воды, неожиданным потоком сверху падают на мое тело. Испытываю прохладу разгоряченного тела, капли воды слизывают остатки аромата возбуждения. Неважно, откуда взялся дождь в помещении, но от водных струй, с громким и протяжным стоном исхожу в оргазме, падая на пол.

После эксперимента, я уже точно знаю, что прикосновение – это всего лишь мусор, который испытывают девяносто процентов людей нашей планеты. Безусловно, это приятно, но только тогда, когда это взаимно и по-настоящему, и вы оба получаете то, к чему стремитесь. Но на моем примере муж берет все, а я ничего. Без всякого прикосновения, я достигла оргазма, да еще глубокого и сильного, что пол дня трясутся ноги, мышцы сокращаются с бешеной скоростью, от этого душа выходит из тела. Но только теперь одно меня начало преследовать: как это применить на себе, как научиться соблазнять? Как я уже понимаю, от меня исходит запах, и мужу это нравится, и не только ему, но этого недостаточно, это всего лишь конечная точка завершения начатого. Немного поразмыслив, начинаю догадываться, что муж получает конечную точку без старта, он финиширует тогда, когда я еще и не начинала. Значит, нужно начало. И тогда я смогу с ним достичь оргазма! Но какое должно быть начало? Милли правильно говорит: если я не умею соблазнять, зачем тогда мне все это? Я должна научиться. Должна! Но

я в больших догадках о самом начале, что я должна делать? Если честно, мне хочется попрактиковаться со своим мужем, испытать этот способ. Но мне придется всему обучиться, и тут у меня в голове мелькает лучик: может, все уладится и смогу его завоевать? И он будет только моим. И семья наша будет жить. Я улыбаюсь, понимая, что Адриан будет со мной и смогу с ним получать полноценный секс. И, конечно же, эти радостные мысли о светлом будущем обрываются на девятом дне, когда я с Диего сижу в очередном дорогом ресторане на обеде и осваиваю уроки этикета. В ресторан входит Адриан с двумя молодыми девушками в обнимку. Довольный муж зажат между двумя молодыми телами и принимает поцелуи на своем лице. Я сижу напротив входа, и взгляд падает на входящего счастливого человека, который должен был сегодня вернуться из командировки, а я его еще не видела. И вот он, собственной персоны, в одном из дорогих ресторанов заходит пообедать с молодыми, стройными и ухоженными девушками. Ну, конечно, он сразу же замечает меня с мужчиной за столиком. Его довольное лицо меняется в недоумении, руки скользят с талий женщин, перебираясь в карманы брюк. Проходит мимо, сверлит взглядом, сканирует Диего. Я смотрю, не опуская глаз, на него. Наши взгляды пульсируют до того момента, когда он проходит мимо и садится за столик напротив нас. Диего сразу понимает, в чем дело, берет меня за руки и глядя в глаза, мило улыбается, говорит:

– Положись на меня.

И вот все начинается, чувствую на себе обжигающий взгляд. Медленно и осторожно поворачиваю голову в сторону мужа. Гордая походка, руки в брюки, глаза смотрят исподлобья на меня. Если бы я его не знала, наверное, влюбилась бы с первого взгляда. Темные каштановые волосы, уложенные набок легкой волной, черные глаза, трехдневная щетина, строгий костюм, длинные ноги и лаковые, начищенные ботинки, белая рубашка с расстегнутой первой пуговкой у подбородка. Он великолепен, красавчик, и он мой муж. Определенно, его статная фигура направляется в нашу сторону. Трясутся поджилки, ну все! Все раскроется. Что я ему скажу? С кем я? И где дети? О, дети! Мне становится страшно. Чувствую себя преступницей, которая обманывает и делает что-то запретное. Он подходит с важным лицом, переводит взгляд с меня на Диего.

– Здравствуйте. Могу ли я узнать, кем вы приходитеесь моей жене? – отодвинув края пиджака в стороны и углубив руки в карманы брюк, спрашивает Адриан.

Диего делает вид удивленного человека, ничего не подозревавшего, и с серьезностью в голосе отвечает:

– Очень приятно познакомиться с мужем прекрасной талантливой дамы, – встает и протягивает руку в знак знакомства.

Ну, вот, что это сейчас было? Я? Кто?

– Еще раз. Кем вы приходитеесь?

– Я редактор одного из ведущих главных книгоизданий, – уверенно излагая версию, убирает свою руку в карман пиджака. – Другими словами, работодатель. Ада – талантливый человек, ее рецензии будоражат многие души, работы высокого качества, таких сотрудников мы ценим, поощряем. – улыбаясь, добавляет: – У вас одарённая талантом жена, цените ее, – внимательно наблюдаю за изменением лица Адриана.

Да! Вот это удар! Гол! Выигрышное пари! Я на высоте! Я победитель! В моем сознании кричит: «А-а-а! О-о-о! Да, вот так!»

– Как это? – мычит Адриан, косясь на меня.

– Очень рад с вами познакомиться... Как вас зовут? – продолжает Диего.

– Адриан, и мне приятно, – в недоумении говорит мой муж.

– А сейчас прошу прощения, нам многое нужно обсудить.

– Да, конечно, – бормочет он, наблюдая за тем, как мы уходим из ресторана.

Мы выходим на улицу, машина представительского класса, стоит прямо у витражных окон заведения, откуда Адриан глазеет с открытым ртом, как я сажусь в нее. Я встречаюсь с его взглядом. В голове мелькает мысль: «Вот так бывает, когда забываешь свою жену». В его глазах вижу страх, непонимание, разочарование. Он теряет меня, я в этом уверена, видя измену в очередной раз, удар, от которого мне будет тя-

жело подняться. Моя душа в дырах, и нет ни единого уголка, где могли остаться хоть крохи жалкой любви, а она вообще есть? Любовь существует? По дороге Диего мне рассказывает план моих действий, что я должна говорить и как себя вести. Никакого скандала, никакой ссоры, полный игнор в сторону мужа. Ничего и не было, просто появилась возможность продемонстрировать свою независимость. Дорогие подарки, покупки.

По всем прогнозам, моего ожидания, Адриан в огромном трансе. В этот вечер он не решился на разговор. Ранний приход домой, скромная игра с детьми и постоянный взгляд на меня. Ужас, читается в его глазах, в ожидании моего осуждения, криков, упреков, скандала. Но мое спокойствие добивает его окончательно. Но почему он ждет именно этого? Его нервозность видна во всем, но я делаю вид, что ничего не произошло, что все прекрасно и замечательно, как меня научили, и, если честно, мне не хочется ничего выяснять. Я наслаждаюсь присутствием детей. Игра в «А что, если бы я...» нас с Кристофером увлекает часа на два. Беззаботный смех и игнорирование волнения мужа, представляю, как он готовит ответы на мои вопросы. Но их нет! Я и так все знаю, что он мне может ответить? Зачем он спит с другими? Что он забыл счет своим любовным похождениям, что семья – это лишь прикрытие или удобная площадка для существования? Или выслушать придуманную обновленную версию измены? Что он мне может ответить? Мне не нужны его оправдания,

они бессмысленны, пусты и лживы. И на этот раз мне приходится лечь в кровать в детской со своей малышкой Розой, дав понять, что мне не хочется делить постель с Адрианом. Не знаю, что он думает в эту ночь, ждет ли? Что хочет рассказать? Но почему-то я не вспоминаю о нем, только о своем будущем, уроки Милли, и не терпелось дождаться следующего воскресенья, чтобы узнать себя, то, что обещал Джонни. Погружаюсь в новых героев моей жизни: Митяя, Диего, Майкла и на миг позволяю себе стянуть маску с той блондинки. В моей голове непроизвольно рисуется ее образ, глаза, нос, губы, щеки, все явно вижу перед собой, то, что маска скрывала, но что? Я хочу с ней познакомиться, увидеть, услышать ее голос, почувствовать еще раз запах.

Среда, четверг и пятница – это дни моего дневника в новой жизни, десятый, одиннадцатый, двенадцатый, похожи друг на друга. Адриан возвращался раньше обычного и ждал разговора со мной. Я вела себя как обычно, радовалась детям, читала книги и пыталась найти ответы на вопросы, которыми озадачил Милли. Пробовала разыскать в книгах, в интернете, у себя в голове, но ответов не было. Я в тупике. Тата готовила самые вкусные ужины, из-за этого Адриан погружался в протрацию моих действий, он не понимал, что вообще происходит. Косые взгляды в мою сторону, как я играю с детьми, радуюсь и смеюсь над их шутками. Я живу своей жизнью. А его присутствие отдаляло от нас глубоко-

кими мыслями и размышлениями. Ежедневные тренировки, появление новой спортивной, брендовой одежды, много дорогих туфель, нарядов, Адриан наблюдал за всем этим и не верил в меня. Это читалось в его глазах. Я худела быстро, становилась изящной хрупкой женщиной, косметолог делал свою работу, моя кожа превращалась в бархатную материю, тренировки с Митяем возносили к небесам к другой жизни, к иному образу бытия. Вот она, мною любимая, с недавних пор, пятница, которую ждала с нетерпением. Предупреждение о том, что Адриан останется дома, ничуть не удивило, а только подлило масло в огонь. Я должна сегодня вечером оказаться среди самых богатых и знатных гостей. Мы с Татой обговариваем, что она с детьми уедет на выходные в санаторий, а для Адриана мы будем у моих родителей. Риск был в том, что он захочет приехать к нам, чтобы насладиться семейными посиделками, но я уверена в том, что он этого не сделает, так как не любит долгие разговоры с моей мамой о правильном питании и образе жизни, как вести чистую половую связь, как правильно воспитывать детей и все в таком духе. В душе я знаю, что эти два дня будут для меня чем-то очень важным, чувствую, поскорее хочется сбежать из дома от пристальных взглядов мужа, от того, чего не должно было быть.

Конечно, все так и есть. Мы с детками стоим уже на пороге в девять пятнадцать вечера и нас ожидает машина с водителем у подъезда, когда в дом входит он. Удивленные гла-

за осматривают нас с сумками. Адриан со страхом внутри спрашивает:

– Вы куда?

Я продолжаю собирать оставшиеся вещи в сумки, не обращая на него внимания, механически отвечаю ему:

– Мы к родителям...

– Почему так поздно? – внезапно хватая мою руку и ловит растерянный взгляд.

Вздыхаю, впервые за долгое время смотрю ему в глаза, они встревожены и напуганы.

– Тебя же, по пятницам не бывает, и вообще тебя дома нет, вот и решила уехать к родителям. – вот так просто, я его бью равнодушием.

– Но почему именно сегодня и так поздно? – продолжает сжимать мою руку.

– А что нам делать? У тебя сегодня встреча с партнерами? А завтра ты будешь приходить в себя. – быстрый взгляд на ждущих и смотрящих на нас детей. – А мы погуляем, развеемся немного, съездим в зоопарк или к морю.

– Так просто? – сдвигает брови, спрашивает Адриан.

– Так просто, – отвечаю я.

– Кристофер, отведи Розы в комнату, нам нужно поговорить с мамой, – приказывает Адриан детям уйти в комнату. Возвращает взгляд на меня. – Что происходит?

– Все хорошо. – улыбаюсь. – Нас ожидает такси, нам пора, ни к чему этот разговор. – нервничаю от пристального

взгляда мужа.

– Ты считаешь, что твое поведение – это правильно? – начинает разговор Адриан.

Ну, сейчас меня начнут обвинять, конечно, виновата во всем я! Обороняюсь взглядом, принимаю вопрос.

– Мое поведение? Какое? Ты сейчас о чем? Говори прямо, как есть, что ты хочешь услышать от меня? – вырываю руку из его оков, и скрещиваю кисти на груди. Пристально смотрю в глаза мужу.

– О том, что ты видела меня в ресторане с двумя прекрасными дамами, и то, как я себя вел, – нервно сглатывает. – Не спорю, виноват перед тобой, но это необходимо. Для нас с тобой, для важных сделок, для нужных подписей и всего того, что связано с бизнесом.

Я опешила, он не пытается меня сейчас обвинить. А, наоборот, чувствует вину, ну, конечно. Изменяя мне, своим принципам, всему себе, да вообще у него двойная, тройная жизнь. На какое-то время я оттаиваю, и мне становится жаль его, в глазах читается, чтобы простила и приняла то, что он делает. Но, а потом в мое сознание упирается то, что все это он делает ради нас. Что? Измена? Он ложится в кровать с кем-то ради чего-то? Это проституция! Он шлюха, он продает себя.

– Подожди, что ты с ними делаешь? – в недоумении переспрашиваю я.

– Ничего! Это обыкновенный флирт, обед, ужин, хоро-

ший дорогой подарок, милые улыбки, взгляды, и не более.

Это флирт? Это просто флирт? Адриан, я что, на дуру похожа? У меня все внутри сжимается, боль вновь колит прямо в сердце. Он хочет, чтобы я это съела?

– Но, допустим. – сжимаю губы. – Как это влияет на нас с детьми? – выдавливаю из себя сквозь ком в горле.

Адриан удивляется, округляет карие глаза.

– Милая, отужинать в дорогом ресторане с женщиной, от которой зависит крупный контракт на несколько миллионов, – нервно выдыхает. – Ты реально не понимаешь?

– Я все понимаю, но обязательно ее лапать? И делать вид, что ты не женат и у тебя нет детей? – напрягаю голос, сдерживаю слезы и вспоминаю те самые грязные фото с лицом своего единственного мужа с разными женщинами. И уезжал он с другой блондинкой, а в ресторан явился с двумя брюнетками, ну, конечно, он не догадывается о том, что я все знаю, но мне больно от того, что он пытается меня обмануть, и ни капли правды.

– Про меня все знают, что я безумно люблю свою жену и детей. – смягчает голос. – Я этого не скрываю. – покрасневшись, он пытается мне все объяснить, ту ложь, которая называется правдой. – Я пытаюсь вылезти из кожи вон, чтобы вас обеспечить, а ты, чтобы меня поддержать, пытаешься уколоть, какую-то работу нашла, с мужиками ходишь в рестораны, и не просто в рестораны, а в самые элитные, ты совсем зазналась, Ада.

Ничего себе! Я зазналась. Вот в чем тут дело. Тебя задело, что я по дорогим ресторанам хожу, и то, что нравлюсь другим.

– Ты же мне сам предложил идти работать, не правда ли?

– Но не на такую работу. – искра упрека.

– А на какую? Полы мыть в твоём офисе?

– Ну, к примеру, да. – задумался, глядя мне в глаза и выискивает что-то там. – Там не будет такой возможности общаться с мужчинами.

– Так, подожди, ты меня хочешь заставить мыть полы за твоими деваками, запереть дома, а сам по дорогим ресторанам шархаться, гулять и наслаждаться жизнью? – меня переполняет желание ударить его. – Ты, случаем, умом не тронулся?

– Но ты мать! Ты забыла? И при чем тут полы? Можно и в магазин пойти продавцом, масса возможностей сейчас, – пытается успокоить меня. – Ты даже не пробовала, а сразу напрямую к богатеньким дядечкам. Они, между прочим, просто так дорогу не дают, все через постель, – захлебываясь в своей слюне. – Я против того, что ты работаешь там.

– Ты сейчас серьезно? Ты хочешь сказать, что я никчёмная дура? И достойна самой низкой работы? – я испепеляю его взглядом. – И то, что ты из кожи вон лезешь, чтобы меня с детьми накормить? Да я не вижу от тебя ничего. А как я стала работать, хоть могу купить себе трусы и новую помаду, и не оправдываться перед тобой, и не трястись от того, что ты

будешь злиться из-за новой игрушки детям. – понимаю, что правда его тянет вниз, он не может ничего сделать. – Ты можешь больше не унижаться, чтобы накормить голодных женщин своим присутствием, я могу обеспечить себя и детей.

– Не понял, – напирает телом на меня. – Ты с ним спишь? Ты сейчас к нему? – хватает мои руки с грубой силой, что кровь пульсирует в запястьях.

– Адриан, я не шлюха, я для карьерного роста не лягу в кровать, у меня есть достоинство, в отличие от некоторых! – расставляю приоритеты и не даю повода думать обо мне низко.

– Это бред, ты сейчас о чем? Твоя работа – это повилать хвостом перед мужиками. Не более! У меня речь идет о нашем будущем. О нашем с тобой. Ты не боишься потерять то, что так долго строила?

Значит, его работа – это святое, и то, что он делает, благословенно. А то, что делаю я, ничего, пустое!

– А что я строила? – выкручиваю руки и слабым голосом спрашиваю.

– Семью! Ада, что с тобой? Я тебя в последнее время не узнаю, – смотрит на мои покрасневшие запястья и на то, как я их потираю.

– Сегодня пятница, тебе нужно расслабиться. Отпусти меня, и закончим на этом, – спокойно уверяю его в том, что ничего страшного не произошло.

– Ада? – напирает на меня всем телом, прижимая к стене.

– Я прошу тебя, не надо, – упираюсь руками в его плечи. – Все то, что ты делаешь, это святое, я принимаю.

– Прости, это ради нас с тобой, – убирает мои руки и прижимается губами к моей шее.

– Быть шлюхой, – взрываюсь от его дыхания около моего уха.

– В смысле? – остановка начатого, но продолжает держать и прижимать к стене.

– Ты размениваешься на других ради денег, ты отдаешься кому-то ради чего-то, того, чего я не вижу. Отойди от меня, – пихаю его в плечи, не желая чувствовать его дыхания.

– Я хочу тебя, – заламывает мои руки за спину и приближает свое лицо к моим губам.

– Нет, – отворачиваю свое лицо.

– Что, нет? Ты разве меня не хочешь?

– Нет! – ловлю его взгляд на моем лице в нескольких сантиметрах. Он не мой, он отвратителен, о, нет, от него так пахнет. Голова идет кругом, в его запахе летает другой женский аромат, жареная курица, табак и какой-то очень неприятный, напоминающий дезодорант для кошачьего туалета.

– Ты меня разлюбила? – вопрос в лоб.

И тут вспоминаю тот самый разговор на кухне, когда я спросила его, любит ли он меня, на что был ответ: «Ты себя в зеркало видела?»

– Ты пахнешь дешевкой, – отталкиваю его от себя, он поддается легко и отходит в сторону. В его глазах поднимается

ураган.

– Кристофер, Рози, поехали! – кричу детям, пытаюсь расшифровать взгляд мужа, который томно смотрит на меня.

– Мамочка! – подлетает ко мне Рози и протягивает ручки ко мне.

Хватаю сумки, открываю дверь, и слышу фразу в спину:

– Ты делаешь ошибку...

Я оборачиваюсь к Адриану и спокойно отвечаю на его то ли вопрос, то ли утверждение:

– Я на выходные, отдыхай. – захлопываю за собой дверь. Мое сердце колотится с бешеной скоростью, никогда так не делала, каждый мой шаг был всегда согласован с ним, боясь что-то сделать не так, осуждений, что мне чего-то не дадут, что я что-то потеряю, но что? То, чего и не было! Боже, за что я держалась? Что я боялась потерять? Пустота накрывает с головой. Усаживаю детей в машину, где ждала нас Та-та, она серьезно на меня смотрит с вопросом:

– Все хорошо?

– Вроде да. Позвоните мне, как доберетесь.

– Не волнуйся, все будет хорошо, тебя ожидают, – протягивает листок бумаги с номером машины.

– Мама, а ты? Ты не поедешь? – протягивает свои ручки Рози ко мне, с жалостным голоском.

У меня обрывается сердце, мне хочется поехать со своими детками.

– Рози, – приседаю рядом со своей крошкой, крепко об-

нимаю, – милая моя, я приеду к вам чуть попозже, ты будешь меня ждать? – смотрю на Кристофера и потираю его руку.

– Мама, а ты куда? – спрашивает сын, глядя на меня, а я на Тату в ожидании ее помощи.

– Мы же с вами говорили о том, что нас ждет. А маме нужно кое-что решить, – спокойным голосом говорит Тата, обращаясь к детям.

– Но я хочу с мамой, – хнычет Роза, вцепляясь в меня еще крепче. Сжимается сердце, мной овладевает страх. Страх потерять своих крох.

– Ада, прошу, иди, тебя ждут, – грозно приказывает Тата.

– Сейчас, минутку еще, – обнимаю свою доченьку.

– Мамочка, я хочу с тобой, не уходи...

Ну, все, я не поеду никуда, не смогу перебороть себя, материнское сердце не может отпустить, им страшно. Я хочу быть рядом.

– Хорошо, поехали все вместе, – вдруг говорит Тата, после телефонного разговора, приказывая водителю трогаться.

И в этот момент, сердце тает, крепче обнимаю свою крошку. Кристофер кладет голову мне на плечо со словами:

– Мама, что-то серьезное произошло у вас с папой?

Всматриваюсь в темноту, пытаюсь уловить черты сына, вижу слезинки на его щеках. Меня тревожат его слова. Нежно вытирая слезы, отвечаю:

– С чего ты это взял?

– Вы так громко ругались, мне не понравился папин голос

и как ты с ним разговаривала, мне стало страшно, что вы разведетесь.

Откуда он знает смысл этого слова? Ведь он еще малыш. Милый мой.

– Милый мой, все взрослые ругаются, так бывает. Я люблю твоего папу, а он меня, – пытаюсь разобраться в его чувствах, которые терзают маленькую душу.

– А почему с нами папа не может поехать?

О, Боже! Что же ответить? Как успокоить моего мальчика?

– Милый, ты ведь знаешь, у него много работы, он не может отдыхать столько, сколько мы, – пытаюсь улыбнуться своему сыну, но у меня не получается. Из моих глаз катятся слезы.

– Мама, почему ты плачешь?

Рози уснула на моих руках, крепко обнимая меня, я вдыхаю запах ее волос, смотрю на Тату.

– Кристофер, тебе нравится, то, что происходит в последнее время? ты можешь делать то, что тебе хочется. Получать новые игрушки, знания. Возможность ездить туда, где ты еще не был. – тихим голосом интересуюсь его мнением об изменениях в жизни, чтобы не разбудить Рози.

– Да, мне нравится, – поджимая свои губы, отвечает Кристофер.

– Знаешь, милый, всегда приходится чем-то жертвовать, так устроена наша жизнь, не конкретно наша, а всех людей,

живущих на планете. Если хочешь чего-то, то, будь добр, заплати. В нашем случае это время, мое и папы, мы им жертвуем, не видя вас. Нам приходится работать, а иначе не получишь того, чего желаешь... Ты меня понимаешь?

Кристофер качает головой и отворачивается к окну, вытирает слезы, глубоко вздыхая. Что у него в голове? Милый, ты так мал, чтобы понимать сложные вопросы жизни.

– Иди ко мне, сынок, – прижимаю сына к себе свободной рукой. – Все будет хорошо, я с вами, и папа рядом, – целую сына в макушку головы.

Сколько мы едем по ночному городу? Все это время мной овладевает чувство, от которого становится дурно, надо мной повис страх. Какой? Чего я так боюсь? Пыталась воспроизвести разговор с Адрианом. Почему он так реагирует? Он любит меня? Неужели хочет, чтобы я приняла его измены? Точно знаю, что не прощу, не приму обратно, не смогу. Между нами, ничего нет, не было и не будет. О, Боже, ничего! И это, только сейчас начинаю понимать. Я не жила, а только перебежками от одного события к другому в долгом ожидании, ради чего? Ради пары минут секса, которые еще больше тянули вниз в глубокое раздумье, разочаровывая в существование любви. Что нас с Адрианом соединило? Общество? Жениться и родить детей? А как же любовь? Любили мы друг друга вот так сильно, как в кино? О чем я? Какое кино? Это жизнь, любовь умирает, разбиваясь о семейный быт, потребность зарабатывать деньги, рожать детей. Ведь он

должен радоваться, что его жену признали лучшей. А он что? Он заставляет меня идти мыть полы, неужели он не гордится мной? Почему? Я не могу разобраться в этом самостоятельно, я опускаю руки. Мне больно, я в его глазах не достойна лучшего. А я ведь, подарила ему свои самые красивые годы жизни, пожертвовала фигурой, здоровьем, гордостью, карьерой, всем, что у меня было. А он? Он чем пожертвовал? Что дал взамен? Что? Даже минуты ласки и постельные сцены сложно назвать больше, чем его потребностью. В какую-то минуту мне хочется все ему рассказать и сделать больно так же, как мне сейчас паршиво на душе. Эта тягучая боль расплзается по телу, слезы катятся из глаз с горечью. Перед моими глазами мелькают огромные светящиеся вывески, величественные здания, витрины дорогих магазинов. Блистающий город необыкновенно красив, завораживает своею таинственностью. Через какое-то время, высотные здания становятся редкими, и между ними виден просвет, а далее они убывают, становятся маленькими. Я могу видеть небо, звезды, и необъятную желтую луну. Постигаю разумом, что мы выезжаем из города. Шепчу Тате:

– Мы куда?

– Не переживай. Ты будешь сегодня там, как и договаривались.

– А дети?

Тата улыбается, подмигивая мне.

У меня от сердца отлегло, стало спокойнее, дети со мной,

и больше не надо. Крепче обнимаю Розы и Кристофера, тяжело дышу, пытаюсь вычеркнуть взгляд мужа из головы, который, как клеймо стоит перед глазами.

Наконец – то машина въезжает на территорию подъездного парка статного белого полустеклянного дома. Кухня полностью обнажена, гостиная, столовая окружены пальмам, с зелеными кустами красных и белых роз. Всю эту красоту дополняет аромат и шум моря.

– Мы приехали, – смотрит на меня, шепчет Тата. – Ада, уложи детей. – указывает на Розы с Кристофером, – Тебя ждет Джонни.

– Джонни здесь? – удивляюсь повороту событий.

– Сегодня твой час, иди уже, – приказывает она.

Я выхожу из машины, держу Розы на руках. В нос ударяет головокружительный и очень приятный аромат, невозможно надышаться. Тата извлекает из машины Кристофера и взваливает его спящее тело на плечи. Медленно идем вдоль розовых кустов с огромными бутонами и ярким ароматом. Дом, на мое удивление, выдержан в минималистичном стиле, повсюду стеклянные и невесомые статуэтки в виде причудливых животных, разных размеров. Цвет интерьера исключительно белый, всё из натуральных материалов. Вслед за Татой мы поднимаемся на второй этаж. Раскрываются двери детской, где стоят две огромные кровати с белоснежными балдахинами. Под кроватями светится неоновый свет, озаряя шкуры зебр. На стене в изголовье нарисованы

слоны с лотосом вместо хобота. Высокие потолки уносят куполом вверх звездное небо с желтой луной. У меня перехватывает дыхание, такого интерьера не то, чтобы видеть, а представить даже не могла. Аккуратно кладу Розы на хрустящую свежую постель с запахом гвоздики и мяты. Аромат подкашивает мои ноги и хочется прилечь вместе с дочкой на удивительно мягкую перину.

– Этот аромат... – веду носом по воздуху, не узнавая свои ощущения, это впервые со мной происходит. Рецепторы нюха возбужденно включаются в моей голове, и я каким – то образом могу различить нотки аромата.

– Знаю, тебе нравится?

– Да, – оглядываюсь по углам комнаты. – Я слышу аромат не только в этой комнате, но и за ее пределами. Доносятся с улицы ноты розы, морского бриза вперемешку с мятой и гвоздикой находящихся здесь, – останавливаю взгляд на Тате и не верю тому, что сейчас говорю. – Я бы еще добавила немного цедры, мускатного шалфея и базилика.

– Ада? – внимательно смотрит на меня Тата.

– Прости, не могу справиться с собой, аромат сводит мышцы головы и легкие.

– Тебя ждут. – останавливает развитие процесса композиции в голове. – Детки будут здесь, у нас на эти выходные много всего интересного, а тебе пора в дорогу. – окончательно рвет мое раздумье над непонятным состоянием.

– Дорога? – удивляюсь. Думала, что буду здесь.

– Джонни внизу, он встревожен, что не успеете собраться.

– Иду. – спохватилась, быстро встаю с кровати, еще раз оглядываюсь на детей. – Прошу тебя, Тата, будь поласковее с Розы. – ловлю взгляд женщины, уже родной и теплый.

– Ада, они мои детки, я их обожаю, иди уже. – улыбается она мне, с легкостью выдыхая мое сомнение.

Я выхожу из комнаты, оглядываюсь по сторонам. Стекланные стены пропускают чуть зеленоватый свет с улицы, играя тенями листвы в помещении, безукоризненно белый мягкий ковролин приглушает шаги, создается двоякое чувство, как будто ты снаружи и одновременно внутри в какой-то компьютерной игре. Яркая зелень в ночное время освещается ярким коридорным светом. Ароматы окружают со всех углов дома и как не странно, я чувствую их по отдельности.

Джонни ждет меня в холле у развесистого куста с мелкими цветочками снежного цвета, а в руках его королевская лилия.

– Джонни! – радостно окрикиваю, спускаюсь по стеклянным ступеням в его объятия.

– Ада, ты все планы нам спутала. Нам пришлось, немного понервничать, – озаряет своей улыбкой в знак того, что счастлив меня видеть.

– Простите. Не смогла справиться с собой, обида, боль и страх поглотили с головой, простите. – от неловкости не знаю, что ответить в свое оправдание.

– Сейчас успокоилась? – нежно обнимает и целует в щеку. Черные руки протягивают мне белоснежный раскрытый цветок лилии.

– Это мне? – принимаю из его рук цветок с насыщенным ароматом, глубоко вдыхаю. И, как ни странно, прихожу в себя.

– Да, – его теплые пальцы касаются моих прядей волос, нежным движением рук он убирает их за ухо, открывая мое лицо, добрые глаза светятся правдой.

– Адриан, он сводит меня с ума. – заикаюсь, от вторжения в мое сознание черных глаз. Продолжаю: – Я не понимаю, сегодня пятница, а он никуда не пошел, – его глаза не моргая, все глубже и глубже погружаются в меня. Я млею, но продолжаю что-то говорить:

– Вернулся домой. Да, вы предупреждали, но в глубине души я не верила, что он начнет меняться, почему тогда продолжает мне изменять? Что не так я делаю? И все то, что говорил Милли, не могу найти ответы, я запуталась, разделась на два мира – реальный и виртуальный. Джонни, помогите мне.

– Ада, милая моя, это нормально, естественно. Он видит в тебе перемены, и его задевает это. Он привык видеть тебя в своем подчинении, знал твои шаги и реакцию, а теперь все вышло из-под контроля. Он не может совладать с тобой и, соответственно, со своими новыми ощущениями восприятия тебя. Он в панике.

– Но от чего? Что им движет, он любит и боится потерять? Или?.. Я запуталась...

– О любви сложно сказать, это, скорее всего, влечение к тебе, страх изменить жизнь, трансформировать то, что годами нажито.

– Значит, он меня не любит. – сильнейший удар под дых, плотность вдохов и выдохов участилась.

– Ты это поймешь позже, когда вырвешься из своих страхов и сумеешь овладеть собой, своими эмоциями и желаниями. Это все равно, что поливать камень водой, зная, что он не прорастет. Тебе нужно осознание всего происходящего, и тогда ты найдешь ответы на свои вопросы, а Милли – очень опытный психолог, он откроет в тебе все потайные двери. И, кстати, он тоже сегодня здесь! Нам пора, – протягивает мне черную руку с безупречным маникюром. Его бархатная кожа с нотками дорогого парфюма наводит на странные мысли. Этот запах... этот запах... он кружится в моей голове снова и снова, набирая обороты.

– Какой у вас парфюм? – осмеливаюсь задать вопрос Джонни.

Джонни пристально продолжает смотреть на меня, усаживая в кабриолет и закрывая за мной дверь, успевает обдать сладкой фразой:

– Сегодня обо всем узнаешь, не торопи события, контролируй себя, это самое важное, чем ты должна обладать.

Но о каком контроле может идти речь, когда все вокруг

такое шикарное и дорогое, машины на которых меня возили, круче предыдущих, ошеломляющие подарки, запахи, впечатления и много-много красивых и исключительно влиятельных мужчин?

Белый кабриолет подъезжает к пристани, около которой стоит лайнер высотой в пятнадцать этажей. Эта громадина ждет меня и моего присутствия на званом ужине, где ресторан высшего уровня для приема знатных гостей со всего мира. Мое шокированное внимание расплескивается из стороны в сторону, когда мы идем по отполированным палубам с винтажными фонарями и коваными лавками, в свои каюты. Не задавая ни единого вопроса, молча впитываю изысканность, дороговизну и новизну моего видения. Сегодняшняя ночь взорвет мое сознание, я это чувствую всем своим нутром. Время, около трех ночи. И все приглашенные гости ждут только моего появления, что я должна такого сделать? Кто я? Что принесу в этот круг знаменитых и богатых людей? Чего они от меня ждут? Я доверяю своему учителю, ступаю по его следам в каюту. Распахнув двери моего сегодняшнего ночлега, я ахаю, апартаменты морского, королевского номера продуманы до мелочей. Громадная круглая кровать стоит посреди большущей помпезной каюты. Тяжелые бархатные шторы обрамляют круглый иллюминатор в корме корабля. Темно-зеленые стены с напылением из золота играют под теплым светом бра из многочисленных мелких капель, сползающих гроздьями по стенам. Невероятное коли-

чество каких-то флакончиков на стеклянном столе у зеркала, на прикроватных тумбах, на стене с мелкими заспиртованными цветочками. Аромат ударяет в нос, большое количество разнообразия нот парфюма. Подношу к носу каждый флакон и вдыхаю, окунаясь в чувство невесомости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.